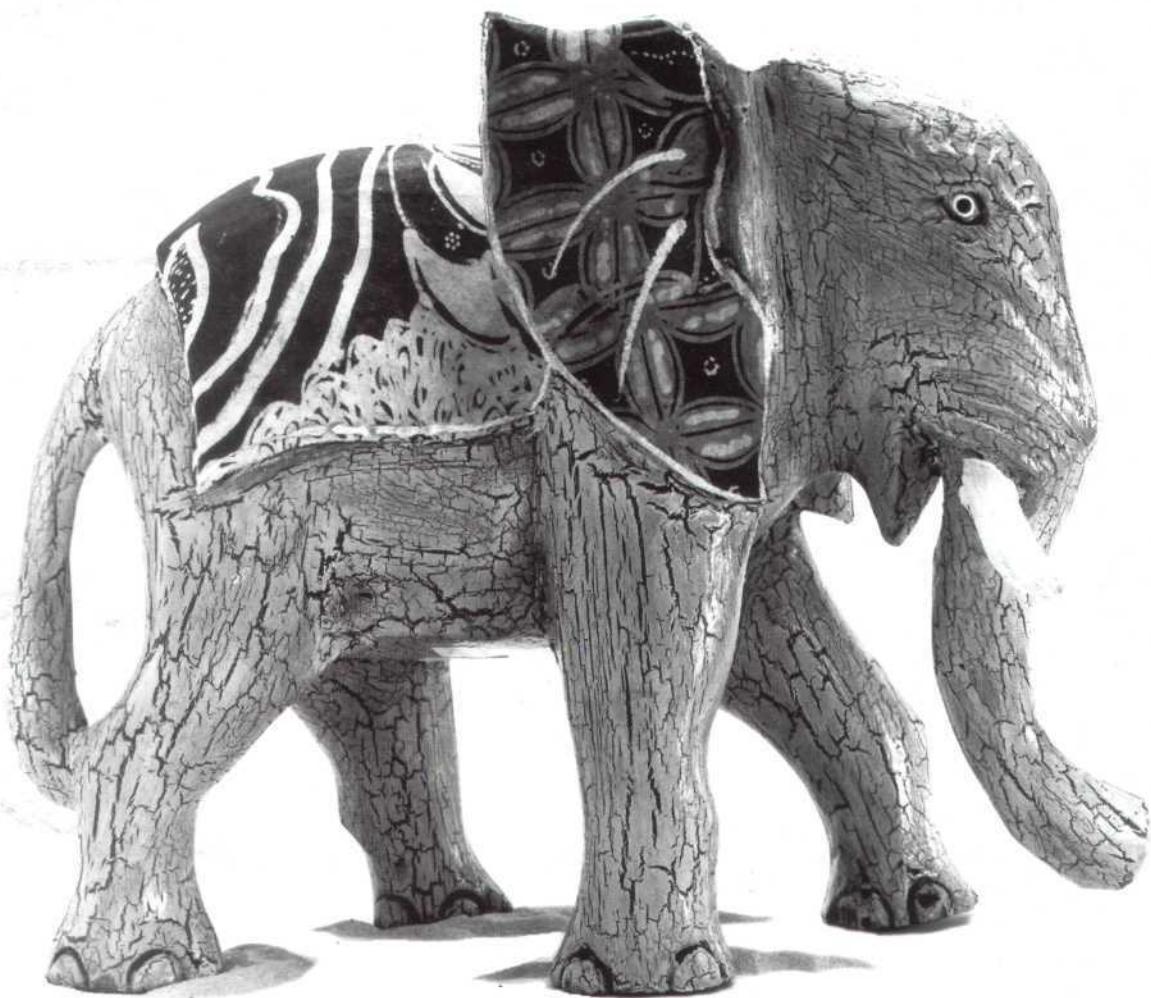

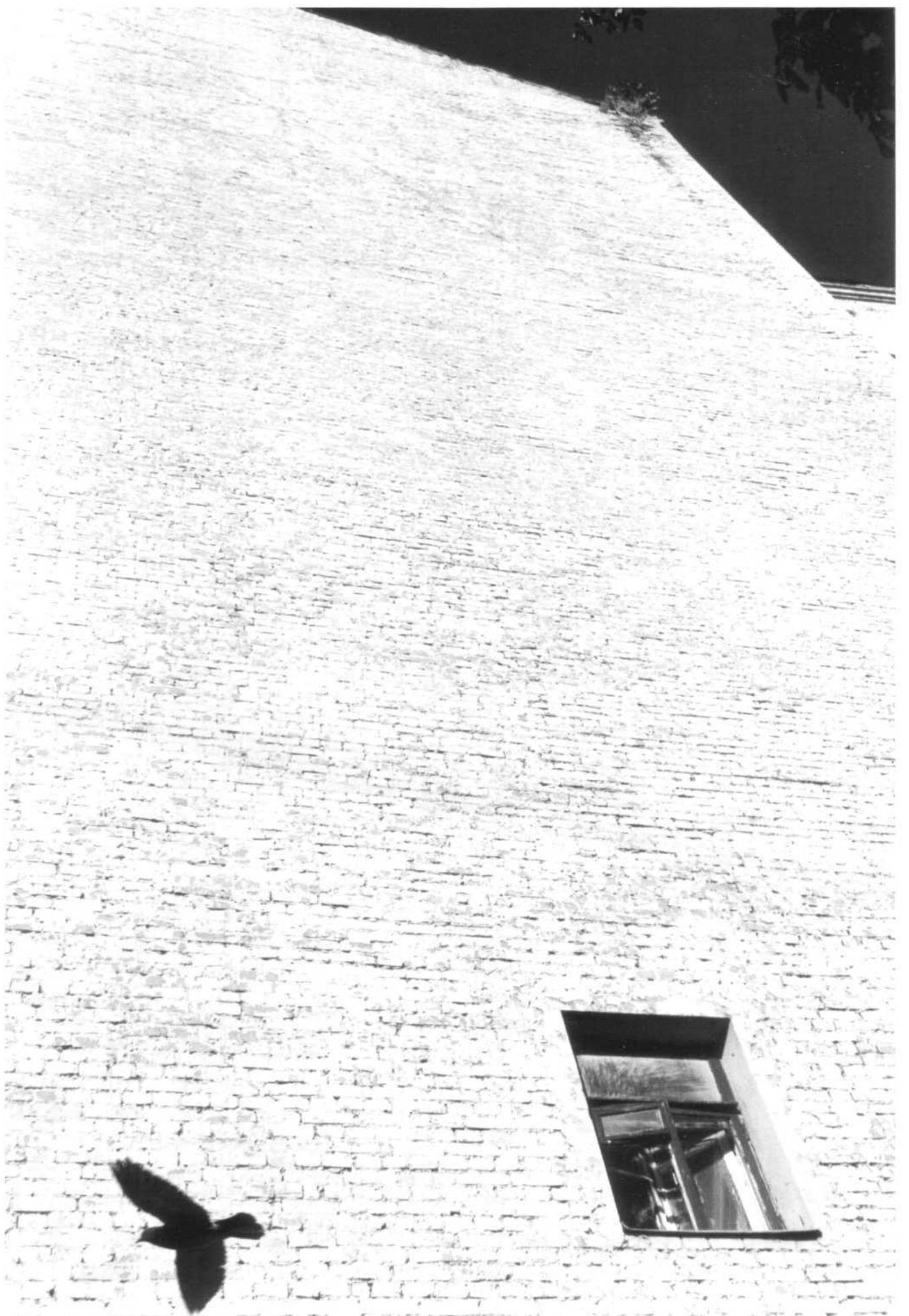
Православный журнал для сомневающихся

ФОМА

Тема номера:

Православие в Индонезии

ПОТОМКИ КАИНА

Он не согнал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь выпнёй мзды,
Вкусите плод и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев — все запретные труды,
Для девушек — янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что Кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

Николай ГУМИЛЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Гумилев. Потомки Каина	3
Анонсы	4
Диакон Андрей Кураев. "Гарри Поттер": попытка не испугаться	6
Алла Митрофанова. Красотою спасемся? О бессмертной фразе Федора Достоевского	18
Тема номера: Православие в Индонезии	
Сердце пророка. Беседа Томаса Хальберта с первым православным священником-индонезийцем архимандритом Даниилом (Бамбанг Дви Бяяторо)	21
Томас Хальберт. Бамбанг Дви Бяяторо, православный индонезиец	31
Вероника Богданова, Вера Маханькова. На север с "Реставросом": заметки и зарисовки	36
Юрий Романенков. Хоронить - рано! Отклик на статью Григория Злотина о судьбах русского языка	40
Альманах библиофила	43
Мария Кондратова. Живые цветы. Рассказ	44
Наталья Чистякова. Головастики. Проза детства	47
Максим Яковлев. Вознесение. Рассказ	51
Альманах библиофила	55
Современники.	
Ксения Курякова. Жизнь - это зима, без которой не будет лета.	56
Ксения Курякова. По лестнице. Страницы автобиографической повести	60
О джинсах и спасении - 2. Владимир Легойда отвечает на письма читателей	74
Наша почта	80
Цветные страницы.	
Владимир Крючkin. Полярная истина	83
Внимание - конкурс: "Любовь моя, Болгария", "Любовь моя, Россия"	88
Иллюстрации на обложках:	
1-я страница - фото Игоря Палкина	
4-я страница - фото Вероники Цехони	

Диакон Андрей Кураев о "Гарри Поттере"

"Но... Что это за книжка? Учебник ли это по магии? Да нет - сказка. А сказке вроде бы даже положено быть волшебной..."

Стр. 6

Жизнь и судьба Ксении Куряковой:

"Несколько материалов о недавно умершем человеке, женщине, матери троих детей Оксане Куряковой - краткая биография, составленная ее друзьями, письма и самое главное - отрывки из повести, которую Оксана писала в последний год своей жизни".

Стр. 56

Бамбанг Дви Бьяторо, православный индонезиец

“Однажды ночью я спал и во сне увидел себя паломником в Мекке. Это был самый настоящий хадж; это было настолько реально, что я помню все до сих пор. Прямо напротив входа в Каабу я увидел Мухаммада. Он обернулся ко мне и сказал: “Ты почему здесь? Я сказал

тебе, я показал тебе путь. Почему ты не там?” Я проснулся в поту, настолько я был напуган. Почему? Потому что в исламе существует предание, согласно которому, если пророк Мухаммад является тебе, это не может быть дьявольским обольщением. Но как может пророк Мухаммад сказать тебе, чтобы ты стал христианином?! Это была тайна, но благодаря этому видению я остался христианином”.

Стр. 21

Ответы на письма о “джинсах и спасении”

“Я действительно говорил о том, что одежда - результат традиции, которая может меняться со временем. Но я не пытался сказать, что внешний вид “не имеет никакого отношения к делу”. Представьте, что священники в наше время в обычной ситуации станут служить Литургию в шортах или рваных джинсах... Вы считаете, что это совершенно не важно?..”

Стр. 74

ФОМА

Православный журнал
для сомневающихся

Одобрен
Издательским Советом
Московского Патриархата

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015923 от 3 апреля 1997 года

№ 2 (14)' 2002

Председатель Попечительского Совета,

А.В. ТОРКУНОВ

Ректор МГИМО(У) МИД России

Редакционный совет

А.И. КОТЕЛКИН

*Советник Председателя Госдумы
Федерального Собрания РФ,
учредитель НФ “Связь поколений”*

Ю.П. ВЯЗЕМСКИЙ

*Писатель, автор и ведущий
телепрограммы “Умницы и умники”,
зав. кафедрой мировой литературы и
культуры МГИМО*

А.В. ШЕСТОПАЛ

Зав. кафедрой философии МГИМО

В.Р. ЛЕГОЙДА

*Генеральный директор
АНО “Фома Центр”*

В.А. ГУРБОЛИКОВ

*Редактор Издательства
АНО “Фома Центр”*

Д.Д. ПЕТРОВ

Арт-директор АНО “Фома Центр”

Дизайн и верстка

М.А. ЕГОРОВА

Пре-пресс

А.Д. БАКАНАС

Корректоры

Л.П. МАКАРКИНА

Т.Н. СКВОРЦОВА

Издается АНО “Фома Центр”

Исполнительный директор А.В. ГУРБОЛИКОВ

*Мнение редакции не обязательно
совпадает с точкой зрения авторов*

*Редакция будет рада перепечаткам из “Фомы”
(конечно же, со ссылкой на наш журнал)*

*Рукописи не возвращаются и
не рецензируются*

*Ваши письма и статьи
направляйте по адресу:
110435, г. Москва, ул. Погодинская,
д. 20, стр. 3, к. 35*

Наш телефон: 246-74-92

Диакон Андрей Кураев:

"ГАРРИ ПОТТЕР": ПОПЫТКА НЕ ИСПУГАТЬСЯ

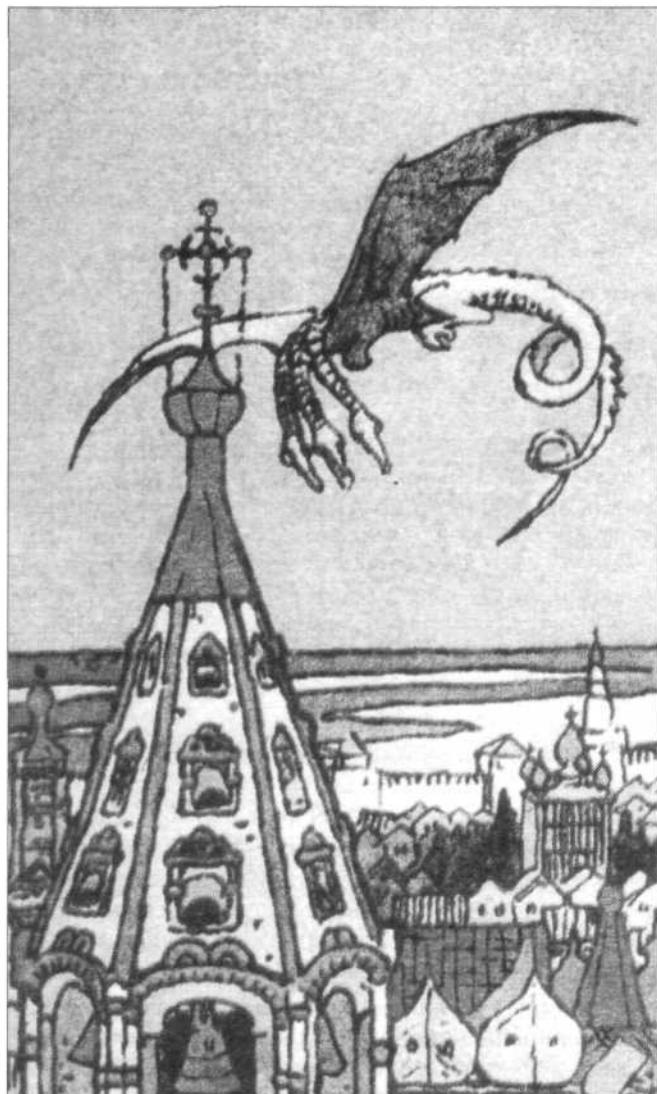
Недобрый глазом я читал книги про Гарри Поттера. Ведь это книжка про мальчика, который учится в волшебной школе, и преподают ему колдуны.

Я был готов разглядеть в них "глубины сатанинские", полускрытые антихристианские выпады, пропаганду безнравственности... И я вздрогнул, когда в первом же томе нашел упоминание о некоем волшебнике - "мистере Николасе Фламеле, в прошлом году отметившем свой шестьсот шестьдесят пятый день рождения". Ну, - подумал я, - до сатанинского числа не хватает лишь единички. И вот, наверно, в следующем томе, который опишет жизнь Гарри год спустя, и появится на сцене этот самый Фламель, прежде лишь упоминаемый другими персонажами... Но сюжет повернулся совсем иначе. Так долго Фламель жил потому, что смог изобрести "философский камень", дарующий людям бессмертие. Но, увидев, что и злые силы стремятся завладеть его открытием, он сам уничтожил свое создание. И обрек себя на скорую смерть. Так и не дожив до того возраста, который мог бы быть обозначен апокалиптическим числом. Так что подозрение в том, что тут начал разворачиваться сатанинский сюжет, отпало.

Вот и все. Больше в прочитанных мною четырех томах (и в фильме по первому тому - это я первый раз попал в кино после того, как сходил на "Титаник") я не встретил ничего, что вызвало бы возмущение. Нет, нет, возмущение вызывало многое - но каждый раз оказывалось, что этими же словами и поступками персонажей возмущалась и сама автор этой сказки.

В итоге осталось одно разномыслие: автору - Дж. Ролинг - мир волшебства нравится, мне - нет. Казалось бы, этого достаточно, чтобы сделать вывод: мир магии плох, и, значит, книжку - в костер. Но... Что это за книжка? Учебник ли это по магии? Да нет - сказка. А сказке вроде бы даже положено быть волшебной. И выходит, что этим книгам нельзя предъявить никакого "благочестивого" обвинения, которое при этом оказалось бы конкретно-адресным: поражающим только книги Ролинг и не опустошающим вообще все детские библиотеки. Грех, как известно, по гречески буквально означает "промах" (*amartia*). Когда-то такая промашка вышла у советских диссидентов (по слову Виктора Аксючица: "мы целились в коммунизм, а попали в Россию"). Вот как бы и тут не промахнуться: целились в "сатанизм", а попали в детей...

¹ Четвертый том - "Гарри Поттер и кубок огня" был издан так, что в нем оказалось 667 страниц текста. Так вот, на предпоследней странице номер не был проставлен (хотя во всех предыдущих томах этого издания не указывался номер только по последней страничке). Этую тактичность издателей также стоит отметить. Да, на этой 666-й странице ничего магического и плохого вообще не происходит. Гарри просто отдает свои деньги друзьям.

Если по "благочестивым" мотивам спрятать от детей Гарри Поттера - то по ровно таким же основаниям придется спрятать от них "Илиаду" Гомера и "Гамлета" Шекспира, "Вечера на хуторе близ Диканьки" Гоголя и "Сказку о золотой рыбке" Пушкина, "Щелкунчик" Чайковского и "Хроники Нарнии" Льюиса, сказки Андерсена и "Слово о полку Игореве" анонимного древнерусского монаха... Все книги, в которых кто-то из добрых персонажей молится языческим богам, берет в руки волшебную палочку, переживает волшебные превращения (в волка, лягушку, коня), подвергается действию злых заклятий и защищается от них с помощью оберегов или добрых волшебств. И с чем останутся дети? В такой стерильной атмосфере останется ли с ними их детство и детскость? И когда они узнают о том, кто и почему лишил их детства, останутся ли они сами в Церкви?

Разгромить легко. Достаточно любой детской книжке и игре задать вопрос: "А одобрил бы это

преподобный Иосиф Волоцкий?". Ну, конечно, не одобрил бы. Средневековая культура вообще не интересовалась ребенком, рассматривала дитя просто как маленького взрослого. И основу ее библиотеки составляли книги, написанные монахами и для монахов. Великие книги. Мудрые советы. Но в итоге, как оказалось, христианскую педагогику нельзя импортировать из средневековья: ее просто там не было. И приходится разрабатывать ее сейчас - совмещая наработки светской педагогики и возрастной психологии XX века с этикой древнего Православия.

Да, в сказках (и народных, и авторских) мало откровенно-евангельского. Но плохо ли это? Разве лучше будет, если Христос станет персонажем сказки? Лучше ли будет, если ребенок будет играть в пророков и апостолов? Не лучше ли сознательно разграничить мир сказочной фантазии и мир церковной веры? Не мудрее ли что-то оставить вне серьезного мира - чтобы хоть с чем-то можно было играть, шутить, притворяться, дурачиться?

Знакомство с церковной историей (или, шире, с историей христианских стран) оставляет впечатление, что Церковь на словах стремилась соотнести с Евангелием все стороны человеческой и общественной жизни, но на деле она как бы молчаливо и с некоторой реалистической горечью признала, что "Царство Божие" на земле, в истории может быть лишь "горушным зерном". Торговым людям разрешалось продавать с прибылью; государевым людям - применять насилие, дипломатам - лукавство...² И всем разрешалось веселиться.

Вот и на Руси удивительным образом сочетались церковные проповеди, осуждающие смех и игру, - и государственная (по крайней мере до XVI века³ поддержка скоморохов. Даже в начале XVII века ряженых принимали в архиерейских домах. И лишь "боголюбцы" семнадцатого века принялись всерьез переиначивать народную и государственную жизнь на всецело церковных началах (так, на свадьбе царя Алексея Михайловича впервые не было скоморохов). И эта серьезность очень скоро кончилась срывом: "боголюбцы" стали лидерами раскола. Люди, которым запретили смеяться, вскоре начали себя сжигать...

И византийские дети читали волшебные сказки. И не только дома. Изучение языческих мифов пронизывало все школьное образование. "Император Феодосий, немилосердно преследующий повсюду язычество, не решается изгнать его из школы... Как только христианство проникло в зажиточные клас-

сы, оно столкнулось с системой воспитания, которая пользовалась всеобщим расположением. Оно не скрывало от себя, что это воспитание было ему враждебно, могло необыкновенно вредить его успехам и что даже в побежденных им душах оно поддерживало воспоминание и сожаление о старом культе. Христианство уверено, что воспитание прошло существование язычества и что в последних столкновениях грамматики и риторы были лучшими помощниками его врагу, чем жрецы. Церковь это знала, но ей было также известно, что у нее не хватит сил отдалить молодежь от школы, и она охотно перенесла зло, которому не могла помешать. Всего страннее, что после победы, сделавшись всесильной, она не искала возможности принять участие в воспитании, изменить его дух, ввести туда свои идеи и своих писателей и таким образом сделать его менее опасным для юношества. Она этого не сделала. Мы уже видели, что до последних дней язычество царило в школе, а Церкви, господствовавшей уже два века, не пришло на ум или у нее не было возможности создать христианское воспитание"⁴.

В общем, пока сказка не подменяет собою веру, а "игра" - серьезность "общего служения", Литургии, до той поры мир игры обычен (средневековье хорошо умело различать и порою примирять то, что предписано церковным каноном, а что - народно-государственным "обычаем"). Волшебная сказка - это обычай. Наличие нечисти и волшебства в сказке - тоже обычай. Бунт же против обычая есть что? - Модернизм. Что бы ни думали о себе сами христиане, протестующие против сказки про Гарри Поттера (себе они кажутся традиционалистами), на деле их позиция - позиция модернизма.

Совсем недавно радикал-модернисты - большевики - пробовали запретить сказки (слишком много сверхъестественного и чудесного). Но вовремя одумались. Сегодня православные неофиты пробуют лишить своих малышей сказок ("нечистая сила" и т.п.). И это тоже модерново и тоже неумно.

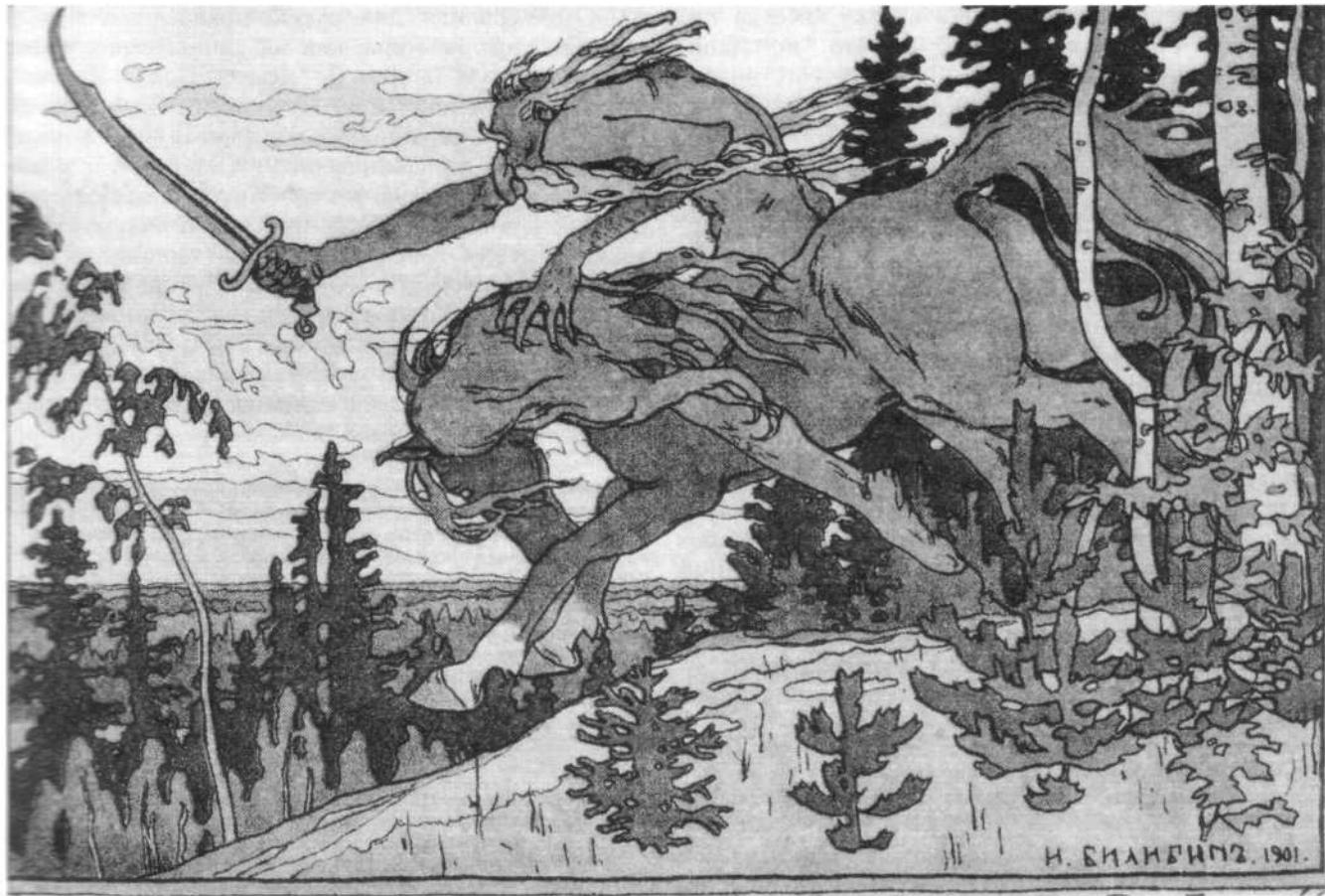
Поезд в школу волшебства уходит с платформы номер "Девять и три с четвертью". Таких платформ не бывает? Ну, значит, и поезд уходит в страну небывальщины, сказки и фантазии. И ломиться в эту страну с требованием, чтобы там все было столь же прозаично и чистенько, как на уроках правописания, значит вывесить на своей шее табличку: "Я тушица. Детей мне не доверяйте. Иначе я их отучу фантазировать и смеяться".

Сказка, которая честно говорит о себе, что она - сказка, и должна быть судима по законам своего жанра. Вот когда Блаватская и Рерихи говорят, что бо-

² См. Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000, с. 93.

³ Там же, с.98.

⁴ Буассье Г. Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на Западе в 4 веке. // Собрание сочинений. Т.5. СПб., 1998, сс. 189 и 209.

"Сказка - это надгробный камень на могиле мифа. То, что когда-то было серьезно (жизненно, смертельно серьезно), становится сначала формальным, затем непонятным, потом странным, потом смешным, потом фантастическим и, наконец, сказочным". (Иллюстрация Ивана Билибина.)

гия Изида принесла пшеницу землянам с Венеры и на полном серьезе уверяют, что этот факт подтверждается исследованиями ботаников (которые, мол, не нашли на земле предков пшеничных злаков)⁵, - вот тут действительно налицо хулиганское смешение мифа и науки. И поделом madame Blavatsky (Е. П. Блаватская) представлена в книжке о Гарри Поттере как "Кассандра Ваблатски"⁶.

Это закон религиоведения: миф умирает в сказке; сказка - это надгробный камень на могиле мифа. То, что когда-то было серьезно (жизненно, смертельно серьезно), становится сначала формальным, затем непонятным, потом странным, потом смешным, потом фантастическим и, наконец, сказочным.

Обязательный длинный, отвисший нос Бабы-Яги, который "в притолоку врос" - не что иное, как воспоминание о клюве хищной птицы; ее

склонность поедать "добрых молодцев" и "красных девиц", случайно оказавшихся в избушке на курьих ножках, - это саркофагия Матери-Земли, принимающей в себя умерших в превратившейся в избушку могиле, и, наконец, сова или филин, сидящий на плече Яги или на коньке крыши ее избушки, - это священная птица "совиноглазой" мегалитической богини⁷.

Когда-то это было божество, отвечающее за переход от жизни к смерти (типа Харона в греческой мифологии) и за т.н. "обряды перехода" (испытания, инициации, совершаемые над юношами и девушками при их переходе во взрослое состояние)⁸.

Но теперь миф обмелел. И стал просто сказкой.

Существо, прописанное в сказке, - это существо, исключенное из реальной жизни и из реального культа. Ему не молятся и не приносят

⁵ Письма Елены Рерих 1932-1955. Новосибирск, 1994, с. 159. и Блаватская Е. П. Тайная Доктрина. Рига, 1937, Т. 2, сс. 468-469.

⁶ Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и узник Азкабана. С. 64.

⁷ Зубов А.Б. История религий. Книга 1. Доисторические и внеисторические религии. М., 1997, с. 164-165.

⁸ См. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000, с. 37.

жертв. Ребенок, играющий в сказку, всегда помнит, что он именно играет, что это "понарошку". А уж тем более это помнят дети того возраста (от 11 лет и старше), на которых рассчитаны сказки Ролинг.

И еще важно помнить, что книга написана англичанкой. Так получилось, что в английской культуре сложились несколько иные отношения с фольклором, нежели в русской книжности. В русской литературе больше строгости. Все персонажи народных дохристианских верований были безо всяких исключений отнесены к миру демонов, сознательных и упорных Божьих врагов. Английская христианская книжность сочла возможным сделать здесь различия. Некие "духи природы" остались в каком-то своем, "автономном плавании". Эльфы и гномы присутствуют здесь в качестве "соседей по планете" - с теми же проблемами, что и люди, без претензий на власть над людьми и без требований поклонения себе со стороны людей⁹.

Им тоже не всегда ясно, что добро и что зло. Им тоже, как и людям, бывает трудно всегда жить в добре, но, как и люди, они боятся беспримесного зла.

Кентавр. Древнегреческая роспись по керамике.

"Святой муж блаженный Иероним Стридонский мог допустить существование (хотя бы на страницах христианской литературы) таких персонажей языческих мифов, которые тем не менее просят молиться о них Христу."

Эта странная для русско-православного восприятия картина мира, как ни удивительно, имеет святоотеческую опору. В "Жизни Павла Пустынника", написанной блаж. Иеронимом Стридонским в 374 году, есть удивительное место. Св. Антоний Фиваидский, по вдохновению свыше, идет отыскивать этого Павла, еще раньше Антония сделавшегося отшельником в той же пустыне и являвшегося, таким образом, в некотором роде старшим по длительности благочестивого подвига. "Как только занялась заря, почтенный старец, поддерживая посохом свои слабые члены, решает идти в неведомый путь. И уже пылал сожигающим солнцем полдень... вдруг увидел он полулошадь и получеловека, существо, у поэтов называемое Гиппокентав-

⁹Кстати, положительные волшебные персонажи Ролинг если и применяют свою магическую силу к обычным людям (не-волшебникам, "маглам"), то лишь для того, чтобы стереть у людей память о случайных прорывах границы между их мирами. В этом отличие их поведения от навязчивого контактерства "инопланетян". Именно "воли к власти" над людьми у положительного большинства соплеменников Поттера нет. Они хотят просто соседства и взаимного невмешательства. Они даже не сердятся и не мстят за костры инквизиции (именно с этой темы начинается третий том сказки - "Гарри Поттер и узник Азкабана").

ром. Увидев его, он спасительным знамением осенил чело свое. "Эй ты, - сказал он, - в какой стороне обитает раб Божий?" Тот бурчал что-то варварское, скорее выворачивая слова, чем произнося их, и старался выразить ласковый привет щетинистым ртом. Потом протянутой правой рукой указал путь и, проносясь окрыленным бегом в открытых равнинах, скрылся из глаз удивленного отшельника. Не знаем, было ли это наваждение дьявола, чтобы устрашить его, или же пустыня, плодовитая на чудовищ, породила также и этого зверя. И так изумленный Антоний, рассуждая с собой о случившемся, шел дальше. Прошло немного времени, и вот он видит среди каменистого дола небольшого человека с крючковатым носом, с рогами на лбу, с парою козлиных ног. Антоний при этом зрелище, как добный воин, взял щит веры и броню надежды. Тем не менее упомянутое животное протягивало ему пальмовые плоды на дорогу, как бы в залог мира. Увидев это, Антоний задержал шаг и, спросив, кто он такой, получил ответ: "Я - смертный, один из обитателей пустыни, которых язычество, руководясь многообразным заблуждением, чтит под именем Фавнов, Сатиров и Инкубов. Я исполняю поручение собратий моих. Мы просим тебя, чтобы ты помолился за нас нашему общему Господу, о котором мы знаем, что Он некогда приходил для спасения мира. По всей вселенной прошел слух о Нем". Когда он сказал это, престарелый путник изобильно оросил лицо слезами, которые исторгала радость из его сердца. Он радовался славе Христа и гибели Сатаны" (PL XXII col. 22-23)¹⁰.

Для меня это не свидетельство о реальном существовании кентавров и фавнов. Но это вполне аутентичное свидетельство о мировоззрении блаж. Иеронима. Это свидетельство того, что сей святой муж мог допустить существование (хотя бы на страницах христианской литературы) таких персонажей языческих мифов, которые тем не менее просят молиться о них Христу. И еще это свидетельство о том, какие неожиданности могут происходить на пути к церковления образованного человека. Иероним был образованнейшим человеком. Редчайшее в те времена явление: Иероним владел тремя языками: латынью (даже св. Григорий Богослов латыни не знал), греческим (блаж. Августин и преп. Ефрем Сирин не знали греческого) и еврейским. Он дышал воздухом классической культуры и греко-римских языческих авторов цитировал не реже, чем христианское Писание. Но то, что было естественно в Риме, оказалось странным в палестинской пустыне, где Иероним стал учиться монашеству. Он прилагал суровые усилия, чтобы понудить себя к согласию со всем, что говорили ему монахи. Обещал забыть прелест-

ную красоту языческой риторики... И - не мог этого сделать. Порой ему надоедало смиренничать - и его ум восставал: "Святое невежество хорошо только для себя; и поскольку оно устроет церковь святостью жизни, постольку же вредит ей тем, что не может сопротивляться нападающим на нее" (PL XXII c. 542); "За что терзают меня враги мои и против молчащего хрюкают эти жирные свиньи? Ведь для них вся наука, больше того - вершина всякой мудрости состоит в том, чтобы поносить чужое и доказывать неверие древних даже до потери собственной веры. Мое же правило: читать древних, одобрять некоторых, усваивать, что хорошо в них и не отступать от веры Церкви кафолической" (PL XXII c. 980); "А что ты в конце письма спрашиваешь, зачем я в своих сочинениях иногда представляю примеры из светских наук и белизну Церкви оскверняю нечистотами язычников, - на это вот тебе мой краткий ответ... пожалуйста, скажи ему, чтобы он, беззубый, не завидовал зубам тех, кто ест, и сам будучи кротом, не унижал зрения диких коз" (PL XXII c. 669). Но иногда Иероним все же всецело доверял "простецам", и тогда фольклор он принимал за церковную истину. Эта его доверчивость и оставила заметный - и интересующий нас - след в истории западной литературы.

В поразительной повести Клиффорда Саймака "Братство талисмана" (поразительной потому, что она является собой редчайший пример христианской проповеди в жанре фэнтэзи) на Земле воцаряется воинство сатаны. Оно уничтожило все древние списки Евангелия. Епископ с горечью оценивает положение: " - Свет уходит, - говорил он, - уходит из всей Европы. Я чувствую, что мы погружаемся снова в древнюю тьму". Повествователь продолжает: "В архиепископе иногда бывало что-то ханжеско-болтливое, но он вовсе не был глуп. Если он торжественно заявил, что свет уходит, значит, можно предположить, что это так и есть: свет уйдет и вплзет древняя тьма. Церковнослужитель не сказал, почему доказательство подлинности манускрипта может сдержать приход тьмы, но теперь Дункан сам понял: если будет точно доказано, что человек по имени Иисус действительно жил две тысячи лет назад и говорил то, что передано нам как его слова, и умер так, как говорит Евангелие, тогда Церковь снова станет сильной, а у сильной Церкви будет власть отогнать тьму. Ведь две тысячи лет она была великой силой, говорила о порядочности и сострадании, твердо стояла среди хаоса, давала людям тонкий тростник надежд, за который они могут уцепиться перед лицом кажущейся безнадежности". И вот Дункан (рыцарь-христианин) вступает в борьбу с силами Зла. С единственным древним евангельским манускриптом он пробирается по оккупированной стране... И ему в его

* Цит. по: Диесперов А. Блаженный Иероним и его век. М., 2002, с. 25-26.

странствиях помогают маг, гоблин, грифон... Гоблин так объясняет, почему он решил помочь христианину: " - Мы не можем любить вас. - Вы ненавидите нас, так почему же вы предлагаете нам помочь? - Потому что мы ненавидим разрушителей еще сильнее, чем вас. Что бы ни думало ваше глупое человечество, разрушители - не наш народ. Мы очень далеко отстоим от них. Для этого есть несколько причин. В этом вторжении разрушителей мы страдаем вместе с людьми, может, чуть меньше, потому что у нас есть своя маленькая магия, которой мы поделились бы с человечеством, если бы оно захотело принять нас. Итак, мы ненавидим разрушителей больше, чем людей, и именно поэтому хотим помочь вам".

Таков же расклад сил в сказочных мирах Льюиса. В его "Мерзейшей мощи" перед лицом сатанинского зла к людям приходят неожиданные помощники: "Тогда еще жили на Земле нейтральные существа... - Нейтральные? - Конечно, разумное сознание или повинуется Богу, или нет. Но по отношению к нам, людям, они были нейтральны. - Это ты про эльдилов... про ангелов? - Слово "ангел" не однозначно. Строго терминологически, они - силы. Но суть в другом. Даже эльдилов сейчас легче разделить на злых и добрых, чем при Мерлине. Тогда на Земле были твари... как бы это сказать?.. занятые своим делом. Они не помогали человеку и не вредили. У Павла об этом говорится. А еще раньше... все эти боги, феи, эльфы... общение с ними могло быть невинным, но небезопасным. Они как бы сортировали тех, кто вступал с ними в контакт. Не нарочно, они иначе просто не могли. Мерлин благочестив и смирен, но чего-то он лишен. Он слишком спокоен, словно ограбленная усадьба. А все потому, что он знал больше, чем нужно. Это как с многоженством. Для Авраама оно грехом не было, но мы ведь чувствуем, что даже его оно в чем-то обездолило... Именно эльдилы открыли Рэнсому, что существует заговор против человечества. Более того, именно они советуют ему, как бороться...".

Так и в фантастических мирах Толкиена.

Так и в волшебном мире, который создала Ролинг. Мы можем с ней не соглашаться, но просто нельзя возводить на человека напраслину: то, что может показаться неуместным, запредельным с точки зрения русской книжно-христианской традиции, совсем не является таковым в глазах автора, воспитанного в традициях английской культуры. Так что нет оснований предполагать, будто книга была написана с целью воспевания демонических существ и их чар.

Впрочем, и русские церковные люди не всегда ставили знак равенства между персонажами

языческих мифов и библейским сатаной. В одном спектакле, представленном на суд святителя Филарета Московского (XIX в.), кудесник восклицает: "Слава, сатана!" Св. Филарет считал нужным устраниТЬ эту реплику - на том основании, что "читатели Перуна и Белбога не славят сатану именно"!¹¹

Но это суждение св. Филарета было и непубличным и поздним (древнерусская культура к тому времени уже прошла свой цикл жизни), а вот слова блаж. Иеронима были произнесены в ту пору, когда каноны христианства только формировались - и потому оказали серьезное влияние на мир европейской культуры.

Итак, нет оснований предполагать, будто писательница Ролинг преследовала дурную цель - познакомить детей с сатаной...

Но независимо от "благих намерений", не учит ли эта ее книга всамделишному колдовству?

Есть, есть в этой сказке и заклинания, и рецепты зелий. Но все "рецепты" магии, описанные в ней, действует лишь при наличии "волшебной палочки". Как и все заклинания старика Хоттабыча работали лишь при выдергивании волоска из его бороды (а не из бороды любого прохожего). А для изготовления "палочки" нужны то перья феникса, то рог единорога... Тут уж любой ребенок поймет, что это не те ингредиенты, что можно купить в зоомагазине, а значит, ему лишь останется играть "понарошку", используя карандаш вместо волшебной палочки. Рецепты волшебства из книг Ролинг использовать нельзя. Но зато вполне буквально можно применить другие ее советы - "Если хочешь узнать человека получше, смотри не на то, как он обращается с равными, а на то, как ведет себя с подчиненными" (этот совет крестного (!) отца Гарри).

А "понарошку" дети в волшебников играют и без книг Ролинг (и вновь напомню: это книги не для пятилеток, а для 11-13-летних. Они даже карандашами будут не играть, а только шутить). Если дети будут "играть" в Гарри Поттера и волшебников - в этом нет беды. Ну, возьмут малыши на переменке школьную указку, направят друг на дружку и крикнут "Замри!". Все понимают: это "понарошку". Тем, кто будет лишь "цитировать" Ролинг, разыгрывать сценки из ее уроков волшебства, вряд ли что-то грозит (во всяком случае не больше, чем любой девочке, играющей в фею).

Опасность может подстерегать ребят постарше - тех, кто не воспримет эту книгу всерьез. Они-то

¹¹ Святитель Филарет, Митрополит Московский. *Мнения, отзывы и письма*. М., 1998, с. 173.

прекрасно понимают, что рецепты от Гарри Поттера несерьезны и недейственны. Но после того, как неожиданная сказка (неожиданная, ибо себя-то они уже считали переросшими время сказок) вновь разбудит в них угасший было интерес к миру волшебства, они могут попробовать найти что-то более реальное. И начнут свое путешествие по закоулкам "эзотерики". Светская педагогика, увы, не сможет их остановить. В ее арсенале нет добротного запаса ни решимости, ни аргументов для разоблачения нынешней моды на магию, астрологию, "звенящие кедры" и прочий каббала-буддизм.

И тут только Церковь может заговорить с этими "экспериментаторами" на понятном для них языке и сказать: мы еще серьезнее, чем вы, относимся к волшебству. И можем вам рассказать о своем опыте соприкосновения с ним и о том, в каком виде возвращаются некоторые "контактеры" из "зазеркалья"...

И чем более душной будет становиться атмосфера в каждом следующем томе Ролинг, тем убедительнее будет звучать церковное предупреждение: пропасть, по краю которой ходят маги, реальна. И маги - реальны. Но не причастие к крови Гарри Поттера (в 4-ом томе именно это делает чер-

ный колдун Воланд-де-Морт ради своего воскресения) защищает от заклятий, а причастие к крови Того неназванного в книге Спасителя, Чье Рождество и Воскресение (Пасху) все же празднуют ученики волшебной школы¹².

Именно поэтому простое слово церковного осуждения перед лицом этих книг было бы неуместно. Ведь только Церковь может сказать: все написанное в этих книжках - больше, чем игра, и реальнее, нежели вымысел. Незримый мир и в самом деле - есть. Мир духов рядом, дверь не на запоре... В этом духовном мире идет война. От злых чар защищает любовь. Высшая любовь - это любовь Бога к людям. Эта любовь излилась на нас через Крест Господень. Так ограждай себя им! Добрый наставник Гарри говорит ему: "Я не уйду из школы, пока в школе останется хоть один человек, который будет мне доверять. И еще запомните: здесь, в Хогвартсе, тот, кто просил о помощи, всегда ее получал". Вот так и ты доверяй Богу и помни о Нем. Эта твоя память о Нем пусть перерастает в молитву к Нему. И где бы ты ни находился - эта молитва защитит тебя от чародеев.

¹² Поздравление с Пасхой см., например, в книге "Гарри Поттер и кубок огня" на с. 496 .

Почему молитва сильнее? Да потому что колдун приказывает духам, которых он связал своими чарами. А там, где приказы, - там нет любви. Молитва же - это просьба, это свободное обращение к тому, кто Выше, в надежде на свободный же Его любовный отзыв. И хотя бы потому в иерархии любви молящиеся ("благослови их Господь!"¹³) выше и сильнее колдующих.

Христианский педагог мог бы из этой книжки перенести детей к реалиям своей веры. "Вы уже знаете, что именно жертвенная любовь матери спасла маленького Гарри от злого колдуна? А знаете, ведь так и в христианстве говорят: молитва матери со дна морского достает, из мертвых воскрешает... А хотите, я вам песенку напою, которую недавно в монастыре услышал. Слушайте: "если мать еще живая, счастлив ты, что на земле есть кому, переживая, помолиться о тебе"... Гарри простил предателя Питера Педдигри? А знаете, в нашей истории был однажды Человек, Который смог простить своего предателя. В своей проповеди Он сказал "благословляйте ненавидящих вас". Обсудим, почему месть не всегда уместна?".

Книжки про Гарри Поттера дают церковному педагогу повод поговорить с детьми о главном - не о праздничных трофеях и не о символическом значении какого-нибудь церковного предмета, а о том, от чего и как нас спас Христос.

В книге Ролинг самые жуткие существа - это безликие палачи-дементоры (разрушающие разум), жаждущие высосать из человека всю его душу. Спастись от них можно, только если вспомнить самую счастливую минуту своей жизни...

Как христианин я скажу: "дементоры" - это в общем-то реальность, знакомая христианам - "Ты будешь есть, и не будешь сыт, пустота будет внутри тебя" (Мих. 6,14). Но вот способ защиты от них, предложенный в сказке, малореален. Если бы дементоры были лишь моим кошмаром, лишь порождением моих снов, - то моя мысль была бы в состоянии разогнать их. Буддизм, считающий весь мир моей иллюзией, логично считает, что со злом надо бороться с помощью правильно перестроенной мысли... Но если зло надвигается на меня извне, если оно реально, если оно не с меня началось, если оно хочет меня подчинить себе, - то не слишком ли слабы мои мысли, чтобы остановить вселенское зло? Кроме того, тот, кто способен высосать всю душу, тот не остановится и перед самым добрым переживанием этой души. Частичка ли спасет целое? Тут нужна помочь извне - помочь от Того, над Кем не властны душегубы. Так что в минуту близости демона-дементора, в минуту отчаянности и опустошенности лучше обратиться не к прошлому

му (воспоминанию), а к Вечному, обратиться не к тому, что люблю я, а к Тому, Кто любит меня...

А знаете, чему на самом деле учат эти книжки? Тому, что материнская любовь защищает лучше любого пистолета. Что мужество и верность хороши. Что друзьям надо помогать. Что бояться зла нельзя, и очевидное могущество зла не есть повод к тому, чтобы перейти на его сторону. Что если настанет время делать выбор между легким и правильным, надо выбирать правильное. Скучные банальности? Верно. Но вот для того, чтобы сделать их интересными, и пришлось написать отнюдь не скучную сказку.

Педагогика, как и политика, - это искусство возможного, искусство компромиссов. Не все в окружающем мире зависит от нас. Даже дети - не всецело в нашей власти. И что же - каждый раз требовать, чтобы все было по-нашему? Все подминать под себя и свою мерку? И никогда не приспособливаться самим? Но в жизни так не бывает. В

¹³ "Гарри Поттер и кубок огня", с. 88.

чем-то реальность изменится под моим усилием, а в чем-то должен буду уступить я. Иногда надо жестко сказать "нет". Но иногда уместнее не замечать, промолчать. Иногда церковным людям приходится отказать себе в удовольствии громогласно оспорить нехристианские действия и убеждения. А порой можно перейти к активному действию - но не с целью опровержения или уничтожения, а с целью приобретения (в культуре это означает - перетолкования)¹⁴.

В общем, книги Ролинг раскрывают такое пространство, в котором можно вести диалог. В это пространство уже вошли миллионы детей. Вытащить их оттуда "анафемами" невозможно. А вот запереть их там с помощью предвзятых "низз-зя" можно. Так что, как некогда христианские миссионеры первых веков погружались в мир языческой философии, чтобы в ее мире и на ее языке говорить с людьми о Боге, так и сегодня можно было бы выучить язык Ролинг для разговора с нашими детьми. Рискованно? Но миссионерство - всегда риск. А отказ от риска разве всегда безопасен? Тот, кто просто от имени Церкви обличит Гарри Поттера, - не рискует ли и он чужими судьбами?

У нас отчего-то не принято задумываться над тем, сколько подростков (да и взрослых людей) на многие годы были оттолкнуты от Церкви потому, что встретившийся им проповедник говорил высокой церковнославянской вязью, в которой эти ребята не узнали ничего понятного для них.

Я прекрасно понимаю, что публикацией этих своих размышлений я вызову всплеск осуждающей реакции в свой адрес со стороны немалого числа церковных людей. Ну что же, как говорится в книжке про Гарри и философский камень, "храбрость бывает разной. Надо быть достаточно отважным, чтобы противостоять врагу. Но не меньше отваги требуется для того, чтобы противостоять друзьям" - когда друзья совершают ошибку. Книги про волшебную школу могут стать реальным рассадником антихристианских настроений и среди детей, и среди взрослых - в том слу-

чае, если Церковь объявит этим книжкам войну. Но миссионерски и педагогически умнее было бы или просто не замечать их, или же, заметив их существование как объективный, независящий от нас факт, дать этому факту такое толкование, при котором эти книжки стали бы мостиком на дороге в Церковь.

Я не советую читать эти книги тем, кто еще их не прочитал. Я лишь исхожу из того, что они уже есть в мире наших детей. И предлагаю истолковать этот факт так, чтобы дети не остались с этим фактом один на один, без христианского компаса. Я просто предлагаю читать эту книгу вместе с детьми - иначе они все равно будут ее читать. Но без нас - в гостях или в библиотеках. Вам нужна такая "партизанская война" в вашей семье?

Ну, а если уж читать эту книгу так, чтобы каждую строчку сказки сопоставлять с православным катехизисом, то пусть тогда такой аналитик и сам не выходит за рамки христианской этики. Даже если ты решил, что книга вредная и с ней нужно вступить в полемику, - врат в этой полемике все же не стоит.

Некая гречанка Елена Андрулаки написала гневную отповедь - от имени Православной Церкви. Она уверяет, что уже во второй книге о Гарри Поттере "мы читаем о жертвоприношении животного, школьной кошки (которую, заметьте, зовут "госпожа Норрис") и об одержимости маленькой ученицы, которая, теряя контроль над собой, душит петухов и нападает на все живое и мертвое в школе. Атмосфера все более напоминает трил-

¹⁴ Так когда-то произошло преображение японского дзюдо в русское самбо - "Я хотел бы напомнить о происхождении русского самбо. Русское самбо возникло удивительным способом. Святой равноапостольный Архиепископ Николай, основатель Японской Православной Церкви, в какой-то момент понял, что японская борьба дзюдо - это не только формирование физической силы, но это еще и способ духовной закалки. Он тогда послал одного из своих семинаристов в самую лучшую школу дзюдо. И семинарист овладел этой техникой, оставаясь православным христианином, а затем предпринял попытку наполнить технику тем, что дает православная духовная традиция. Этот человек, который позже стал советским разведчиком, был основоположником школы самбо" (Пресс-конференция митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла состоялась в интернет-издании "ВЕСТИ.RU" 21 ноября 2001 года).

¹⁵ - (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/culture/harrypotter.htm>)
Статья опубликована в журнале Parakataatheke, Noembrios-Dekembris 2001, Teychos 21, pp. 21-26.

лер, тем более, что все ученики каждую секунду подвержены опасности быть убитыми”¹⁵.

Ну что тут сказать... 1) Кошка не была убита. Она была лишь парализована. В конце этого же тома она излечивается; 2) ее парализация не была жертвой, приносимой кому бы то ни было, а была лишь случайностью; 3) вообще люди не имели отношения к этому случаю: кошка оцепенела от того, что увидела отражение глаз василиска; 4) василиска выпустил на волю самый нехороший персонаж книги, а Гарри убил василиска и прогнал его хозяина... И как же из этого можно было сделать вывод, будто книжки про Гарри Поттера учат приносить кошечек в жертву сатане?!

Верно, есть в этой книге девочка, которая стала жертвой магии, “зомби”. Но это событие оплакивает потом и она сама, а писательницей состояние “одержимости” оценивается как крайне негативное. Считать, что в этом сюжете есть проповедь сатанизма, - все равно что видеть ее в евангельских рассказах об исцелении Христом бесноватых.

Верно, что “атмосфера все более напоминает триллер, тем более, что все ученики каждую секунду подвержены опасности быть убитыми”. Но верно и то, что положительные герои противостоят этим ужасам, находят в себе смелость для борьбы. И побеждают. Как-то даже неудобно пояснять гречанке, что в любой детской эпопее есть минута “катарсиса” - победа добра следует за, казалось бы, уже безнадежным триумфом сил зла. И все же - приходится напоминать ей этот термин греческой философии и драматургии, объясненный еще Аристотелем: катарсис есть очищение “путем сострадания и страха” (Поэтика 1449б28). Уж больно странная эта гречанка, которая умудрилась не узнати в сюжете с кошкой “римэйк” греческого мифа о Медузе Горгоне. Так что же - теперь и греческие мифы, в которых рассказывается о парализующем взгляде Медузы Горгоны, будем прятать от детей?

Кроме того, стоит учесть, что с каждым томом взрослеют и персонажи, и читатели книжки. Мрачный четвертый том рассчитан уже не на 11-летних детей, а на 14-летних подростков.

В общем - обычные это книжки. Вот только появились они в необычно-плохие времена. Если бы такая книга появилась сто лет назад - она была бы просто доброй фантазией. Вокруг была христианская культура, и она приняла бы в себя ребенка, прочитавшего сказку про Гарри. И в советской культуре такая сказка была бы безобидна. Но сегодня она стала капелькой, несомой мощной и мутной волной неязычества. Пособия для “начинающих эзотериков” продаются на каждом углу, идеи “мадам Ваблатской” проповедуются на школьных уроках так называемой “валеологии”, и совсем не нужно искать “Ко-

сой переулок”, чтобы найти магазинчик с магическими амулетами и учебниками. От сказки к реальному язычеству переход может оказаться слишком незаметным и быстрым. Прятать от детей книжки про Гарри Поттера глупо. Надо просто подумать о противовесе. О том, как ребенку дать знания о вере его народа, а не о суевериях далеких и давних кельтов.

Толкователи и впрямь могут развернуть книги Ролинг в противоположные стороны. Сатанисты уверяют, что 20-миллионный тираж этих книг приведет к пополнению их армии двадцатью миллионами юных новобранцев. И если христиане будут жечь эти книги и плеваться в их адрес, то, пожалуй, так оно и будет. Виноваты тут будут не книги, а мы, ибо дадим повод сработать вполне обычной (а не колдовской) человеческой логике: “раз мне книга нравится, а христиане против нее, раз христиане сжигают книги, в которых ни одного дурного слова в адрес их веры не сказано, значит что-то и в самом деле у этих христиан не так, значит, стоит прислушаться к их критикам”.¹⁶

Итак, предлагаю эксперимент. Пусть один и тот же церковный проповедник войдет в два разных класса светской школы. И в одном классе он будет запрещать детям читать книжки про Гарри Поттера, а в другом предложит читать эти книжки вместе. Как вы думаете, дети из какого класса через полгода станут прихожанами его Церкви?

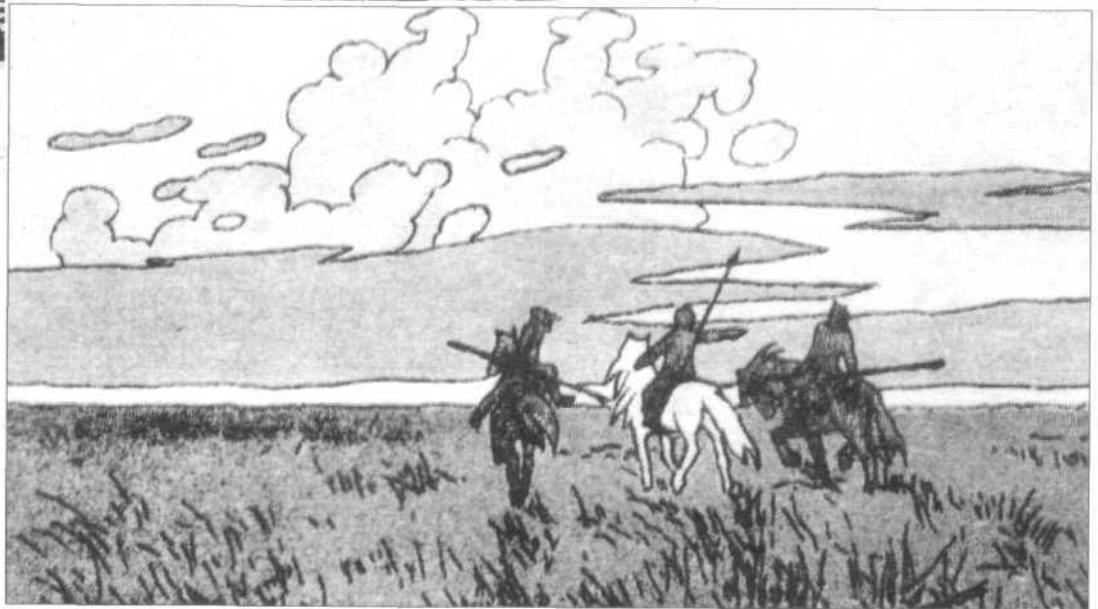
Вот ради этих детей я и говорю своим церковным “друзьям”: подождите пугаться, подождите пугать, подождите осуждать и разоблачать, подождите верить слухам. Оттолкнуть детей от Церкви легко. Оттолкнуть - и остаться в горделивом сознании единственности своей чистоты. А если впустить детей в храм - будет шум, будет беспорядок, будет мусор. Но зато будут и дети.

В оформлении статьи были использованы иллюстрации Ивана БИЛИБИНА, Дмитрия ПЕТРОВА (стр. 13) и Веры МАХАНЬКОВОЙ (стр. 14, 15, 17)

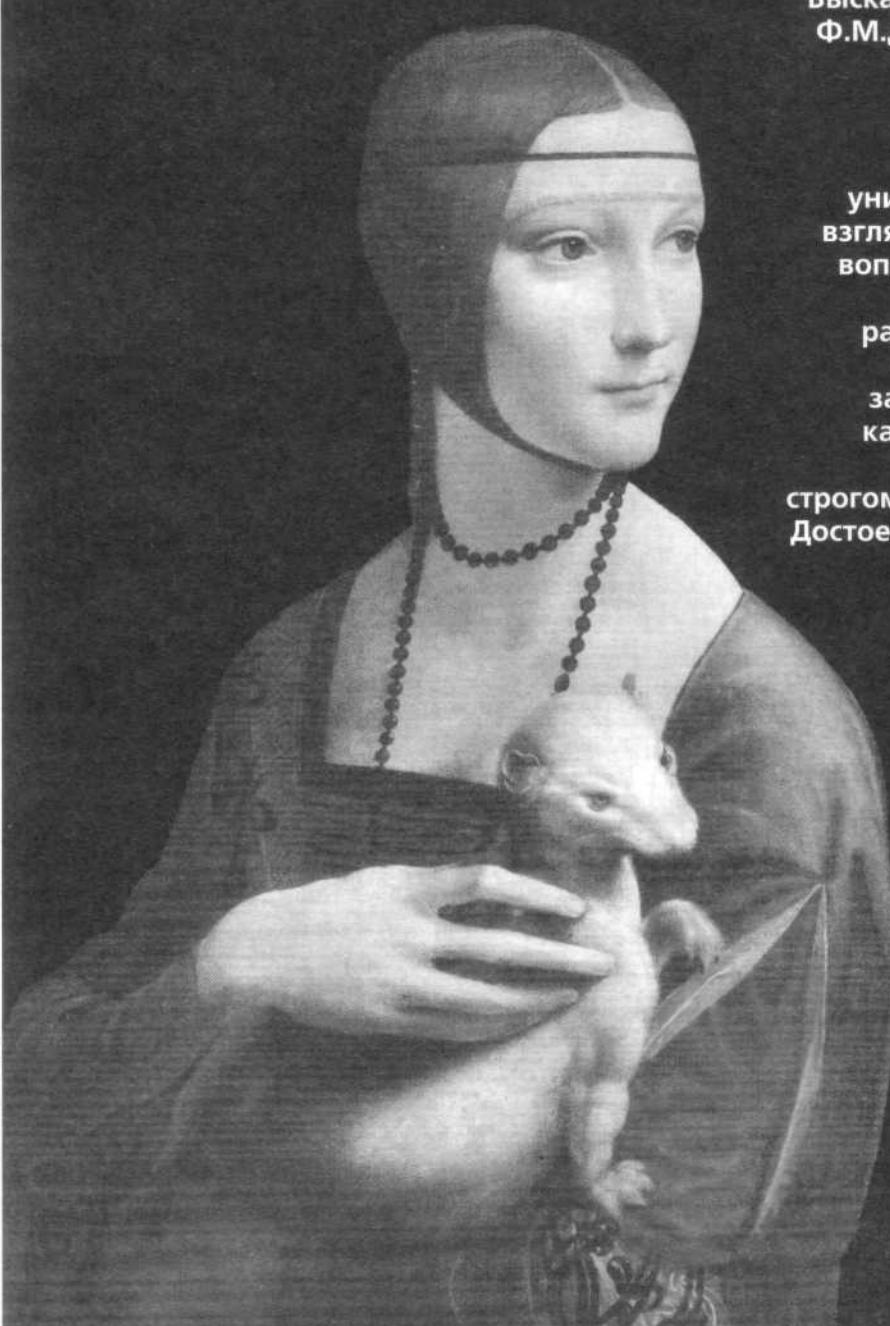
¹⁵ Вот диалог “поттероборца” с православным богословом С. Худиевым на интернет-форуме: “Пока что ни Вы, ни кто-либо из Ваших сторонников не изложили своей точки зрения: в чем же причины коллективного помешательства детей на ее книгах? - В том, что они дети. Я помню себя ребенком - мы каждые полгода на чем-нибудь помешивались. После фильма “про Робин Гуда” бегали с деревянными мечами [помните, мне набили пару синяков], после “мушкетеров” - вовсю дрались на шпагах [боюсь, что в масштабах страны даже выкололи один-два глаза]. “Поттеромания”, по крайней мере, не требует острых и тяжелых предметов. - К чему может привести “поттеромания” [игрушечная магия] как массовое явление, охватившее весь христианский мир? - Да ни к чему. К чему привела “робингудомания” или “мушкетеромания”? А вот к чему привела “поттерофобия”, уже видно - людей оттолкнули от Церкви, враги христианства ликуют и смеются “ведьмоискательские” высказывания христиан.” <http://www.kuraev.ru:8101/gb/view.php3?subj=12087,section=fullview=1>.

"Я не советую читать эти книги тем, кто еще их не прочитал. Я лишь исхожу из того, что они уже есть в мире наших детей. И предлагаю истолковать этот факт так, чтобы дети не остались с этим фактом один на один, без христианского компаса. Я просто предлагаю читать эту книгу вместе с детьми – иначе они все равно будут ее читать. Но без нас."

КРАСОТОЮ СПАСЕМСЯ?..

"Красота спасет мир".... Высказывание, приписываемое Ф.М.Достоевскому, цитируется повсеместно - как обнадеживающее, как утешительное, просто как констатация факта. Столь универсально оно на первый взгляд. Вместе с тем, очевиден вопрос: а что имел в виду сам Достоевский? Которое из рассматриваемых значений ближе всего к авторскому замыслу? Если вдуматься, в каком контексте появляется такое высказывание? И в строгом смысле, принадлежат ли Достоевскому именно эти слова?

Похоже, мы имеем дело как раз с тем случаем, когда, в силу широты употребления и кажущейся очевидности авторства, к первоисточнику давно уже никто не обращается и не отсылает. Но давайте все же посмотрим, а как там, у классика?..

Начнем с того, что высказывания в привычном виде - то есть "красота спасет мир" - у Достоевского все-таки нет. Зато есть "мир спасет красота" - разница, на первый взгляд, не принципиальная. Однако обратимся к контексту. Эти слова произносит Аглая Епанчина, героиня романа "Идиот", и произносит их, так сказать, в списке запрещенных тем: " - Слушайте, раз навсегда, - не вытерпела наконец Аглая, - если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что "мир спасет красота", то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!" ("Идиот", Ч.4, гл.VI). Даже если предположить, что для Аглаи эти темы носят какой-то сокровенный характер, и именно поэтому говорить о красоте она не хочет, то согласитесь: предположить, что Достоевский отождествлял себя с Аглаей Епанчиной, как-то не получается.

Посмотрим, какие представления о красоте и ее силе Достоевский определил для других своих героев. Со слов Мити Карамазова складывается едва ли не обратная картина: "Красота - это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воинству, воинству горит, как и в юные беспорочные годы... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота?.. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей", - ("Братья Карамазовы", Кн.3, гл.III). В современной литературе и печати чаще всего цитируются лишь последние слова - о битве за человека. Между тем, размышления героя о красоте содомской и красоте вышней - это ключик к пониманию проблемы.

Как видно, противоречия здесь нет. Получается, что Достоевский совершенно четко разде-

ляет красоту на высокую и низменную, то есть горнюю и земную. Человек соединяет в себе две эти противоположности, и в этом - опасность и ужас красоты. Часто земная красота, лишенная духовного начала, принимается за красоту истинную. Она несет в себе гибель, ведь в лучшем случае - она лишь отблеск горней красоты, а в худшем - от дьявола.

Вспомните слова Аглаи Епанчиной, когда она смотрит на портрет Настасьи Филипповны: "Такая красота - сила... с этакою красотой можно мир перевернуть!" ("Идиот", Ч.1, гл.VII) И что же, мир перевернулся? - Князь Мышкин сходит с ума, Рогожин гибнет - нравственно и физически, сама Настасья Филипповна мертва, и тело ее - пристанище для муhi (любопытнейшая деталь!). Кого спасла такая красота и кого сделала счастливым?

В то же время Достоевский дает ясное указание на то, что для него истинная красота: "Мир станет красота Христова" (Бесы. Подготовительные материалы. Заметки. Характеристики. Планы сюжета. Диалоги. Июнь 1870 г. Продолжение фантастических страниц). Горняя красота есть красота Христа, Сын Божий отождествляется с красотой, подобно тому, как отождествляется со светом и истиной. Эта мысль часто встречается в учениях православных святых отцов. Скорее всего, от них Достоевский воспринял эту идею. В "Записной тетради 1876-1877 годов", т.е. десятью годами раньше "Идиота", он писал: "Христос - 1) красота, 2) нет лучше, 3) если так, то чудо, вот и вся вера..." (ЗТ-2, апрель 1876г.) Истинная красота в его понимании тождественна Богу. Другими словами, сказать "мир спасет красота" - все равно что сказать: "Христос есть Спаситель мира".

По поводу истины о спасительной красоте философ-мыслитель Н.Лосский заметил: "Красота спасет мир" - эта мысль принадлежит не только князю Мышкину ("Идиот") (еще одна ошибка! - А.М.), но и самому Достоевскому". Видимо, с его легкой руки (точнее - пера) именно такая формулировка разлетелась по свету. Но как бы то ни было, Лосский также имеет в виду отнюдь не внешние формы. И если кто-то всерьез верит, что художественный "эталон красоты" на длинных ногах может спасти мир, то это не имеет ничего общего с глубоким нравственным контекстом романов-притч Достоевского.

Алла МИТРОФАНОВА

Православие в Индонезии

СЕРДЦЕ ПРОРОКА

Беседа Томаса Хальберта с первым православным священником-индонезийцем, архимандритом Даниилом (Бамбанг Дви Бьяторо)¹

Когда архимандрит Даниил, основатель православной миссии в Индонезии, вошел в маленькую книжную лавку в Амстердаме, где мы договорились встретиться, он был только что с самолета из Джакарты. Несмотря на усталость после многочасового перелета, отец Даниил так и не дал уговорить себя присесть; напротив, подробнейше обследовал книжную лавку, не скрывая радости простым вещам...

Удивителен путь, приведший отца Даниила от ислама к Православию: из Индонезии - в Корею, затем на Афон, оттуда в Соединенные Штаты и в Европу. Православие в Индонезии, стране с многолетними исламскими традициями, предстает перед нами в противоречивых образах: многогранная, колоритная культура Юго-Восточной Азии, развивавшаяся на протяжении многих столетий под влиянием строгого исламского благочестия, ныне в нелегких условиях приносит первые плоды проповеди Православия. История самого отца Даниила как будто взята из Евангелия - его духовные метания закончились обретением гармонии во Христе.

Отец Даниил представлялся мне высоким, худощавым аскетом, доктором наук и ученым богословом, за мыслию которого я с трудом смогу спевать. На самом деле он оказался низенького роста и довольно полного телосложения, с ангельским лицом, широким ровно настолько, чтобы на нем помещалась неизменная улыбка. Пучок бородки делал его похожим на восточного мудреца. Я тут же был обезоружен его потрясающей простотой и доступностью. Он снял туфли и оставил их за дверью, а затем мы незамедлительно уселись завтракать. Мы были знакомы всего несколько минут, а казалось, что ко мне после долгого путешествия заехал мой хороший друг.

Я стал свидетелем непрекращающейся миссионерской деятельности: он разговаривал по телефону на нескольких языках, быстро собирал сум-

ки для следующего этапа своего путешествия, проверял свой электронный почтовый ящик; здесь были запросы от руководителей различных христианских общин для получения сведений о Православии; планы предстоящих встреч; просьбы, требующие пастырского совета; и, конечно, новости о преследованиях христиан в современной Индонезии. И все же он всегда оставался по-детски светящимся радостью и очень мягким в общении.

ПРАВОСЛАВИЕ И ИСЛАМ: БАРЬЕРЫ

Томас Хальберт: Как Вы привлекаете к Богу людей, приходящих к Вам? Если они мусульмане, как Вы с ними работаете и как Вы объясняете различие между христианством и исламом?

Отец Даниил: Я полагаю, что в любой миссионерской работе ты прежде всего должен понимать культуру тех людей, к которым обращена твоя проповедь, и должен уметь общаться с ними на языке их культурной традиции. Иначе твое слово не может быть услышанным и понятым. То есть, когда ты разговариваешь с мусульманином, ты обязан понимать склад его ума. Не пытайся просто бросаться словами и терминами, близкими к христианству, Православию, потому что мусульмане их не поймут, не воспримут. Прежде всего, когда ты говоришь с мусульманином, ты должен подчеркнуть именно то, что Бог - един.

- Потому что они уже в это веруют?

- Не только потому, что они уже веруют в это, но и потому, что они обвиняют христиан в исповедании трех богов. В этом сложность. Значит, ты должен изменить их ошибочное мнение о том, что мы якобы почитаем трех богов. Не пытайся пользоваться привычным языком, употреблять слова "Отец", "Сын" и "Святой Дух" - ибо для них это будет три различных бога! В их сознании Отец - это одно, Сын - другое и Святой Дух - третье. Я, например, делаю акцент на том, что Бог Един, что этот Единый Бог есть Бог Живой, и Он как Живой Бог обладает сознанием.

¹ - журнал "Road to Emmaus" № 6, США. Перевод Михаила Моисеева.

"Мусульмане в Индонезии составляют большинство, и поэтому нам необходимо сохранять с ними добрые отношения. У нас просто нет выбора. В личном же плане каждый из нас должен преодолевать эти трудности таким способом, которым можно победить кого угодно, - любовью."

Люди имеют сознание, а как же в этом можно отказывать Богу? Бог должен иметь сознание. А в сознании Божьем существует Слово. Таким образом, в Самом Боге существует Слово Божие. То есть Бог в Своем Слове - это не два бога, но один. Бог полон, наполнен Своим Словом; Он носит Слово так, как женщина носит ребенка в утробе. И затем это Слово Божие является человеку. Когда вещь, содержащаяся в себе, будто оплодотворенная сама собой, проявляет себя внешне, говорят, что она родилась из своей сущности. Вот почему Слово Божие называют Сыном: Он – Родившийся из самого существа Бога, но вне времени. Потому этот Единый Бог называется Отцом, что у Него есть Его Слово, родившееся из Него и названное Сыном. Значит, Отец и Сын – не два бога. Отец – Бог; Сын – Слово Бога. Мусульмане веруют, что Бог сотворил мир посредством слова. То есть то, во что мусульмане веруют как в слово, – то же, что христиане называют Сыном! В этом смысле мы можем им объяснить, что у Бога нет Сына, отделенного от Него Самого.

- Значит, мусульмане представляют себе наше учение о Сыне Божием в понятиях физического сыновства?

- Да, разумеется. И в этом смысле у Бога нет сына, это верно. Он не "рожденный" в смысле человеческого рождения. Он назван Отцом, потому что Он из Самого Себя рождает Свое Слово, и это Слово есть Сын. Итак, поскольку Бог есть Бог Живой, в Нем Самом должна существовать некая жизненная сила. Эта сила есть Дух Божий. Он назван Святым Духом. Но Святой Дух – это не имя архангела Гавриила, как это представляют многие мусульмане. Святой Дух – это жизненное начало, дающее существование всякой жизни; это – сила, действующая изнутри Самого Божества. Единый Бог назван Отцом, потому что Он рождает из Себя Свое Слово, названное Сыном; и Слово Божие названо Сыном, потому что Оно рождается от Отца превечно – безначально и бесконечно. Этот Единый Живой Бог содержит в Себе Дух. Таким образом, Отец, Сын и Святой Дух – это один Бог. Этим способом мы объясняем мусульманам тайну Святой Троицы, и нам не стоит употреблять такие понятия, как, например, "Отец, Сын, Единосущный, едини..." и т. д. Несмотря на то, что это наша христианская терминология, привычная для нас, она не понятна мусульманам. Цель наша не в том, чтобы богословствовать перед ними, но в

том, чтобы показать реальность Евангелия таким способом, какой будет им понятен. Это – первое: разъяснить учение о Троице.²

Второе. Основное различие между исламом и христианством касается явления Бога миру, Его Откровения. В исламе Бог Себя не являет. Он лишь ниспосыпает Свое слово (Коран. - Ред.). Откровение в исламе означает "письменное закрепление" слова Божия, в то время как в христианстве это не совсем то же самое. Христианство учит, что Слово Божие было ниспослано, сошло в утробу Девы Марии, восприняло плоть и стало человеком. Человеком Иисусом Христом. Выходит, что обе религии исповедуют, что Бог явил Себя человеку посредством Слова; различаются они (христианство и ислам) в понимании того – как Слово явлено в мире. В христианстве это явление произошло в Личности Иисуса Христа, а в исламе слово Божие было явлено в виде книги, Корана. Поэтому положение Мухаммада в исламе близко к положению Девы Марии в православном христианстве. Мусульмане почитают Мухаммада не как Бога, но как носителя Откровения. Это похоже на то, как Православная Церковь почитает Деву Марию: не как богиню, но как носительницу Слова Божия, Которая родила это Слово. Обе эти личности (Дева Мария и Мухаммад) похожим образом прославляются в двух религиях. У мусульман есть даже некое подобие акафиста, составленное по образу молебного канона, но обращенное к Мухаммаду! Оно называется "Депа абарджанджи" – "канон Мухаммаду, через которого даровано Откровение".

Для нас, христиан, образ Церкви – это Дева Мария. Мы призваны принять Бога подобно тому, как и Она приняла Его. Дева Мария – это изображение, образ и, я бы сказал, икона Церкви. Мухаммад – это "икона" идеального мусульманина, и поэтому их традиция благочестия так отлична от христианской. В христианстве Слово стало человеком, плотью для того, чтобы мы соединились с этим Словом. Поэтому мы должны достичь единения с содержанием Откровения. Каково это содержание? Это – воплощение, распятие, смерть и воскресение Слова Божия. Для того чтобы мы восприняли Откровение, мы должны соединиться с этой Личностью, именно в смерти и воскресении Иисуса Христа. Как? Через Крещение. Мы также

должны соединиться с воскресшей жизнью этого воплотившегося Слова. Каким образом? Содействием Святого Духа, через уподобление Христу, через обожение. Бог стал человеком, Он освятил материальный мир, и физические элементы природы могут быть использованы как средства, с помощью которых мы соединяемся со Христом в Таинствах. Поэтому так важны для нас Таинства.

В исламе, если можно так выразиться, Слово стало книгой, поэтому содержание книги – писание, но не плоть. По этой причине мусульманам для того, чтобы соединиться с содержанием такого "двойного" исповедания (Бог един, и Мухаммад – Его пророк), необходимо поклоняться источнику Откровения, а этот источник – книга. Но невозможно соединиться с книгой или погрузиться в нее, вы только можете знать ее содержание в оригинале, на арабском языке. В христианстве Откровением является Богочеловек Иисус Христос. В исламе для того, чтобы быть посвященным в откровение, вы должны исповедовать вероучительную формулу: "Признаю, что нет Бога кроме Аллаха, и Мухаммад – пророк Его". Когда вы исповедуете это, вы становитесь мусульманином. Нет никакого крещения, вы не соединяетесь с чьей-либо смертью, вы лишь объединяетесь с формой откровения. Чтобы сохранить это единение, вы должны соблюдать правила молитвы.

В молитве вы читаете наизусть Коран, вы молитесь пять раз в день, пять раз в день вы погружаетесь в "океан божественного откровения", то есть в Коран. В исламе молитва сама по себе уже таинство. Мы же, христиане, для постижения Откровения, явленного в Иисусе Христе, должны постоянно приобщаться Тела и Крови Христовых. Таким способом мы обретаем единение с Иисусом Христом. В исламе почитание Корана является важнейшей вещью, ибо для мусульман это своего рода таинство.

Вот, в общем, принципиальные различия. Так можно понять сознание людей, исповедующих ислам, вместо того чтобы спорить с ними.

- Можете ли Вы сказать, что большинство мусульман признают этот богословский аспект учения о Боге и общения с Ним человека?

- Да, конечно; они считают такое общение возможным – через Коран, через пророков.

- Как Вы думаете, что в исламе играет большую роль – личное благочестие или правильное понимание способа Откровения?

- В правилах благочестия ислам обращается к той же самой форме Откровения – к книге. Содержание этой книги – писание, писание является

² - Изложенное о.Даниилом учение о Пресвятой Троице примерно соответствует тринитарному учению христианских апологетов второго-третьего веков и имеет мало общего с православной триадологией, сформировавшейся позднее, в четвертом столетии. Однако, такое объяснение о. Даниила вполне допустимо в миссионерской работе с индонезийскими мусульманами. - Прим. ред.

ся законом, а закону положено повиноваться. Если у нас есть письменные свидетельства о Христе и записи Его поучений, то у них — свидетельства о Мухаммаде и Коран. По этой причине жизнь мусульманина определяется и управляет законом Корана, тогда как наша жизнь определяется законом Христовым в Святом Духе.

- И какая же разница между двумя этими законами?

- В исламе нет нового рождения, только возращение к Богу, которое означает покаяние. Это называется принятием, исповеданием Бога.

- Принятием?

- Да. Ислам значит "повиновение Богу". Уяснив это, мы должны понять разницу между образом жизни в исламе и в Православном христианстве. Существуют некоторые параллели в образе мышления между исламом и христианством, но сходные на первый взгляд понятия очень различаются по содержанию. Основное различие заключается в том, что в православном христианстве Слово стало плотью, а в исламе, как я уже говорил, "слово стало книгой". В этом — главное отличие.

"СРЕДИ ЛЬВОВ И ЦАРЕЙ"

- Как люди, обратившиеся из ислама в Православие, сохраняют свою веру в условиях преобладания в Индонезии мусульманского населения? Существует ли связь между Вами и православными христианами, живущими общинами и поддерживающими друг друга во враждебном религиозном окружении? Или более распространена приходская форма религиозной жизни?

- Нет, там, где мы живем, у нас нет никакой особенной связи друг с другом. Мы так же, как и другие христиане, рассеяны по стране и собираемся на службы в храмы. Но что касается враждебного окружения — у меня, например, получается преподавать на очень хорошо организованных Библейских курсах. Преподаю я на индонезийском языке. Каждый день перед Святым Причащением я провожу Библейское занятие. Кроме того, такое Библейское занятие бывает у нас обычно в промежутке между утреней и Литургией. На этих занятиях постоянно присутствует сравнение между христианством и исламом. Это напоминает людям: это — христианство, а вот здесь — уже ислам. Например, я задаю такие вопросы: "Итак, что в природе, по-вашему, выше:

"Для индонезийца странно слышать от западного человека, что тот не верит в Бога. Для нас это очень странно, ибо для нас, азиатов, Бог — это так очевидно. Как может кто-нибудь в Него не верить?"

"Церковь в Индонезии гораздо более "восточная", чем в Греции, России или в Европе. Мы не должны бояться опираться на местные обычай."

человек или книга?" Будучи сформированы мусульманской культурой, некоторые отвечают — книга. Тогда я спрашиваю их: "Что выше: откровение Бога, данное в виде человека, или откровение, данное в виде книги?" Конечно, откровение в виде человека выше. Его можно постичь непосредственно от Самого Бога. Значит, Бог Слово, ставший плотью, Слово, ставшее человеком, выше, чем слово, ставшее книгой. Это — первое.

Второе: если в прошлом Бог посыпал Свое Слово через пророков в виде книги, названной Ветхим Заветом, и Ветхий Завет нашел свое абсолютное воплощение в человеке Иисусе Христе, — возможно ли, чтобы после этого Боговоплощения Бог обратился бы к прежнему способу, снова ниспосыпая книгу? Нет, конечно! Когда Слово стало человеком, все тем самым совершилось. И этот человек Иисус Христос жив до сих пор! Значит, невозможно, чтобы Бог снова ниспосыпал бы иное откровение в виде книги. С нашей точки зрения это невозможно. Мы считаем, что величайший пророк и последнее откровение Божие — это Иисус Христос. Нет нужды в каких-либо других откровениях. Это я утверждаю и подчеркиваю снова и снова. И они, мусульмане, понимают это достаточно хорошо. Таким образом, мы стараемся идти ко Христу несмотря на многочисленные нападки со стороны мусульманства.

- Может быть, Вы расскажете об этом подробнее? Каковы трудности, которые приходится претерпевать христианам в мусульманском окружении?

- Вы знаете, когда живешь среди людей, большинство из которых мусульмане, иногда боишься, что тебя спросят о твоей вере. Христиане, обратившиеся из ислама, не всегда могут объяснить свою веру. И мусульмане, опасаясь распространения христианской "ереси", всегда готовы к нападению, обвиняя нас в исповедании трех богов, в поклонении человеку (вместо Бога), в почитании Креста, вообще во всех основополагающих истинах христианства. Христиане не всегда готовы отвечать на такие обвинения. К тому же почти каждое утро все индонезийские телеканалы передают программы об исламе. Программ о других религиях нет. Человек подвергается "бомбардировке" исламом; мечети оборудованы громкоговорителями, и люди постоянно говорят о христи-

анстве в негативном смысле. В этом отношении мы подвергаемся психологическому давлению. Издается множество книг с нападками на христианство, и нет ни единой возможности ответить на них, потому что если христианин пытается защищать свою веру, он вынужден критиковать ислам, а это небезопасно. В городе Соло живет человек по имени Ахмед Вилсон, принявший христианство. Сейчас он находится под следствием, так как, когда в прямом эфире какой-то радиопрограммы его спросили, что он думает о Мухаммаде, он ответил, что исповедует христианство. Поэтому у него сейчас большие проблемы. И примеры такого рода встречаются очень часто.

- Значит, на самом деле в Индонезии нет никакой религиозной свободы?

- Нет. И даже не помышляйте об этом. В таком обществе очень трудно жить. Вам позволяют критиковать идею Бога, но не смей критиковать Мухаммада, потому что это — нечто исключительное, нечто сугубо исламское. Ты можешь подвергать критике идею Бога, ты можешь стать атеистом, — но не говори ничего о Мухаммаде, иначе у тебя будут неприятности.

- А каким образом бывшие мусульмане, обратившиеся в Православие, справляются с вопросами, возникающими в семьях? Способны ли они и дальше жить со своими родственниками, если те — не христиане? Как их близкие относятся к ним, принимают ли их?

- Кого-то принимают, кого-то нет. Есть случаи, когда люди возвращаются к своим прежним религиозным взглядам, возвращаются в свои семьи, снова исповедуют ислам. Хотя когда они встречают меня, они говорят, что веруют во Христа. Они на самом деле веруют и поклоняются Богу тайно у себя дома, но не могут приходить в

церковь. Некоторые из наших людей так живут. В других семьях обстановка лучше. В них более спокойная атмосфера; родители там разрешают детям беспрепятственно исповедовать христианство. С каждым — по-разному; в каждом новом регионе иная картина, то же касается и этнических групп. Некоторые из них более фанатичны, нежели другие.

- Скажите, как Вы советуете православным христианам вести себя в таких условиях, в таком враждебном окружении? В Европе мы часто слышим о преследованиях христиан в Индонезии, о случаях мученичества.

- Я всегда говорю им, что если нет никакой возможности избежать неприятностей, несмотря на то, что мы стараемся быть законопослушными гражданами; если о нас стало известно, что мы верующие, если нас обвиняют в безбожии и ереси или в чем-либо другом; если становится очевидно, что другого пути нет, — если перед нами встает мученический подвиг, мы должны принять его. Если не можешь избежать мучений, будь мучеником! Иди на мучения! Так я проповедую в церкви, и я говорю (себе самому в том числе), что другого пути нет. Однако мы не пытаемся провоцировать на это других людей. Если мы благовестуем, мы делаем это мягко, изъясняясь примерно так: "Это — ваша вера, а это — наша". Мы не уничижаем религиозные взгляды других людей.

- Как бы Вы посоветовали христианам относиться к мусульманам? Многие сейчас воспринимают их как некий демонический народ, на котором лежит ответственность за большинство существующих в современном мире проблем. Разумеется, мы знаем, что среди них встречается множество замечательных по своим личным качествам людей, которые добры, сострадательны и относятся с благородством к живущим с ними рядом независимо от их вероучения. С одной стороны, нам не хочется быть наивными, с другой — не хочется проявлять неблагожелательность. Что Вы думаете по этому поводу?

- Это на самом деле непростая проблема, в особенности для нас, потому что между нами и ими всегда существует взаимное общение. Мусульмане в Индонезии составляют большинство, и поэтому нам необходимо сохранять с ними добрые отношения. У нас просто нет выбора. В личном же плане каждый из нас должен преодолевать эти трудности таким способом, которым можно победить кого угодно, — любовью. Но в отношении богословия при этом компромиссов быть не может; мы должны твердо стоять на том, во что мы веруем как в Истину.

ДА, АЗИАТЫ МЫ...

- Скажите, чем Православие в Индонезии отличается — в обычаях — от западного христианства? Каким оно предстает в ваших храмах?

- Конечно, культурные отличия есть. Во-первых, потому что мы — не западные люди, мы азиаты. И веру свою мы выражаем на азиатский манер. Мы не сидим на стульях, мы садимся на пол на циновки. Когда мы заходим в храм, мы снимаем обувь; женщины носят "кафер" (традиционная индонезийская одежда). - Прим. ред.) и покрывают. Мы впитали и некоторые другие культурные традиции: на свадьбах при венчании у нас используются традиционные индонезийские одежды; при поминовении усопших, например, мы не делаем коливо, так как мы не едим пшеницу (которую у нас трудно найти!) — мы готовим рис. Мы используем то, что мы имеем в распоряжении. Это очень по-индонезийски, очень по-азиатски. То есть Церковь в Индонезии гораздо более "восточная", чем в Греции, России или в Европе. Мы не должны бояться опираться на местные обычаи.

Мы стараемся, насколько это возможно, воцерковить элементы индонезийской культуры: суточный круг богослужения разделен на несколько отдельных служб. Это сделано для того, чтобы обеспечить некоторую "реабилитационную" преемственность для людей, обратившихся из ислама, — ведь они по мусульманской традиции привыкли молиться пять раз в день. (В православном богослужении по уставу в сутки совершаются следующие службы: вечерня, повечерие, полунощница, утреня, 1-й, 3-й, 6-й, 9-й часы, Божественная Литургия, которые в древности тоже были между собой разделены по времени. - Прим. ред.).

Даже иконография и храмовая архитектура успешно вбирают в себя элементы индонезийской культуры.

- Могут ли эти примеры служить некоей меркой, иллюстрацией степени возможного проникновения Православия в культуру?

- Да. Содержание проявляется в форме. Это вполне может относиться и к тем людям, которые обратились к Православию в его греческой или русской традиции, не будучи сами по себе ни греками, ни русскими.

- На каком языке проводятся службы в индонезийских храмах — на индонезийском или на греческом?

- Конечно на индонезийском. Иногда, когда к нам приезжают гости, кое-где мы служим по-гречески или по-английски. Иногда даже по-русски.

- И все же преобладающим богослужебным языком остается индонезийский, на котором говорят различные этнические группы в Индонезии?

- Да. Для этого я перевел службу на индонезийский язык.

- Вообще, мне кажется, что западные люди не имеют представления о том, насколько разнообразна в Индонезии языковая и культурная палитра.

- В Индонезии около 350 различных языков и диалектов и один национальный язык. Я перевел богослужебные книги на индонезийский язык; сейчас я работаю над переводом богослужебных текстов на яванский — мой родной язык. Есть также тексты службы на языке патлак, на котором говорят на Суматре. Есть планы переводов на балинезийский язык, использующийся на острове Бали. Все это продвигается медленно.

- Будучи людьми семитской культуры и имея меньшую склонность к почитанию святых, прославленных в традиционно православных странах, индонезийские православные христиане, возможно, более ориентированы на почитание ветхозаветных праведников?

- Вообще-то я сам выбрал пророка Даниила — для себя, не имея в виду кого-либо еще. Я советую людям стараться достичь более близкого общения со своими святыми покровителями. Как показывает время, индонезийцы в духовном плане более ориентированы на Священное Писание

непосредственно, нежели на святых угодников. Это — один из основных принципов.

- Такая ориентация является примером, очевидно, более исламской "модели" традиционного общества с христианским содержанием?

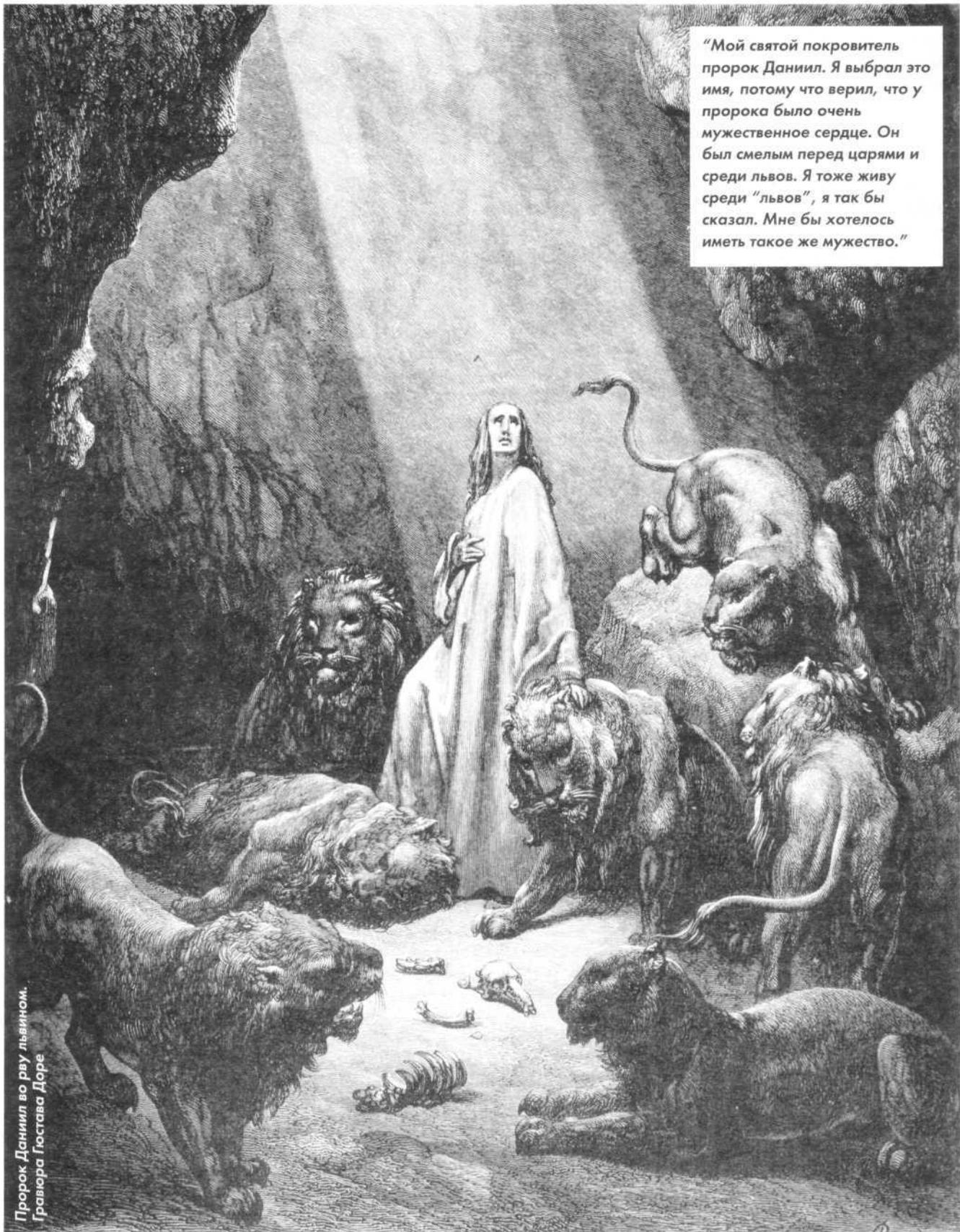
- Согласен. Я говорю сейчас не об исповедании, но именно о традиции. Кому-то необходимо постигать предмет постепенно. Хотя православные, разумеется, веруют в святых и носят их имена, все же мы не делаем сильного акцента на этом. Наша культурная традиция знает почитание святых мест, особенно кладбищ, мест захоронений изображений различных божеств. Для нас, для нашей культуры это не является новшеством или чем-то странным, непонятным. Но я опасаюсь, что новообращенные могут воспринять почитание святых в свете своего прежнего мировоззрения — как кульп умерших людей из прошлого, как почитание предков. Здесь этот вопрос является проблемой, поскольку подобные воззрения существуют во многих местных культурах. Поэтому я стараюсь в большей степени подчеркнуть значение Священного Писания в свете православной веры.

- Есть ли какие-нибудь святые, помогающие Вам, такие, которые Вам особенно близки?

- Мой святой покровитель пророк Даниил. Я выбрал это имя, потому что верил, что у пророка было очень мужественное сердце. Он был смелым перед царями и среди львов. Я тоже живу среди "львов", я так бы сказал. Мне бы хотелось иметь такое же мужество.

"Мы азиаты. И веру свою мы выражаем на азиатский манер. Мы не сидим на стульях, мы садимся на пол на циновки. Когда мы заходим в храм, мы снимаем обувь; женщины носят "кафер" (традиционная индонезийская одежда. — Прим. ред.) и покрываю."

Пророк Даниил во рву львином.
Гравюра Гюстава Доре

“Мой святой покровитель пророк Даниил. Я выбрал это имя, потому что верил, что у пророка было очень мужественное сердце. Он был смелым перед царями и среди львов. Я тоже живу среди “львов”, я так бы сказал. Мне бы хотелось иметь такое же мужество.”

- **Как организована православная община в Индонезии?**

- На самом деле, у нас есть два уровня организации. Дело в том, что Православная Церковь в Индонезии формально находится в ведении Государственного департамента религий и считается частью протестантской общины. Так происходит потому, что в Индонезии признаны официально пять религий: католичество, протестантизм, ислам (разумеется), индуизм и буддизм. Мы должны находить себе место где-то в рамках этих пяти конфессий, и мы вошли в протестантские структуры. Что касается наших отношений с властями, то у нас есть свой представитель. На эту должность мною назначается кто-либо из мирян.

На приходском уровне у нас действует совет, возглавляемый президентом приходского совета. У нас также организовано духовное образование; есть и молодежная организация, названная на еврейском языке "Ханна Архим".

Мы используем в названиях еврейский язык для того, чтобы показать мусульманам, что у нас (в плане религиозно-историческом, конечно же) общие семитские корни, мы не "западные люди". Поэтому, когда мы рассказываем о себе "внешним", мы используем много еврейских выражений, даже больше, чем арабских, - по той причине, что арабский язык в устах христианских проповедников зачастую кажется попыткой имитации ислама.

У нас есть женская ассоциация под названием "Святая София", ассоциация священников и другие подобные организации.

ВОСТОК И ЗАПАД: РАЗДЕЛЕНИЕ И ЕДИНСТВО

- Вы много путешествуете и знакомы с православной традицией в различных ее формах. Можете ли Вы что-нибудь сказать западным людям? Что может нам помочь укрепиться в вере?

- Вам необходимо для укрепления своей веры оглянуться назад и обратиться к христианскому обществу, которое было обращено к Богу. В этом ваши корни. Основываясь на этом, пытайтесь воцерковить ту среду, в которой вы существуете. Не позволяйте поверхностной западной культуре разъедать коррозией ваши души. Страйтесь также быть искренними в вере, не пытайтесь "пересматривать" вероучение, ориентируясь на дух времени. Если вы не сохраните веру, ваша среда уничтожит вас. Страйтесь всю вашу жизнь выстроить в свете веры. Когда у людей нет веры, у них нет и корней; а когда у них нет корней, они

поверхностны, легковесны. Если мы рассматриваем Православие отвлеченно, вне контекста его исторического развития, в отрыве от его корней, мы точно так же становимся поверхностными. Тогда Православие выглядит лишь как некая причуда, как одна из "новых" религий. Нам необходимо быть способными ощутить себя частью всего исторического бытия Церкви. Я думаю, что для нас очень важно понять наше место в Церкви.

- В таком случае это значит идти против течения, ибо западная культура теряет свои христианские корни.

- Разумеется. Это трудно, но Господь шел против течения, не так ли?

- В наш век электронных технологий может ли Православие воспринять достижения технологического общества и в то же время избежать опасности заразиться тем духом, которым оно пропитано, - духом отсутствия какой-либо цели, духом разочарования в каких-либо идеалах?

- Мы можем использовать доступные средства как инструменты. Насколько возможно использовать Интернет для проповеди Православия, насколько возможно использовать телевидение, чтобы "достучаться" до людских сердец. Это во всяком случае лучше, чем позволять индуистским гуру или кому-либо еще занимать эфир. Почему бы нам не воспользоваться техническими средствами? Если мы этого не сделаем, мы многое упустим.

- Как Вы считаете, есть ли какой-то предел, который Православие не должно переходить в процессе использования средств массовой информации?

- Такой предел есть. Недопустимо, если мы начинаем выстраивать нашу жизнь по меркам, предлагаемым этими СМИ. Но когда мы пользуемся ими как средствами, наполняя их необходимым содержанием - православным церковным мировоззрением - тогда СМИ становятся вспомогательным инструментом для Православия.

- Еще один вопрос относительно отношений между культурами. У многих на Западе представления о духовных традициях Востока ограничиваются невразумительными идеями о "восточной мудрости". Эти идеи, будучи суррогатной смесью из псевдо-мистических и эзотерических учений, тем не менее лишили многих западных людей их духовных корней. Что по-настоящему ценное может Запад позаимствовать у Востока?

- Очень многое. Главный урок - это глубочайшая религиозность восточного человека. Восточные люди религиозны, пусть и в очень различных формах. Для индонезийца странно слышать от западного человека, что тот не верит в Бога. Для нас это очень странно, ибо для нас, азиатов, Бог - это так очевидно. Как может кто-нибудь в Него не верить? Посмотри на величие природы и упорядоченность всего сущего вокруг тебя... Как это возможно?! Значит, если ты отвергаешь Его, ты остаешься один со своим маленьким и ограниченным умом. Но как ты не способен увидеть в величии природы руку ее Создателя?

Для меня особенно трудно понять такой вот образ мыслей западного человека. Путешествуя и читая различные книги, я начинаю многое понимать, но до сих пор мне странно, что люди не могут верить в Бога. Мне кажется, что это проблема не сознания, но скорее - сердца. Сердца людей становятся бесчувственными. Для восточного человека общение с Богом естественно. С Богом или с богами - не столь важно в данном случае; важно понимание очевидности такого общения.

Я бы хотел призвать православных людей всего мира к тому, чтобы мы почувствовали единство Православия. Разделение Православия по культурным или этническим признакам - это вредное явление. Мне бы хотелось видеть Православие, ощущающее себя чем-то единым - когда православные люди в Греции, в России или в Индонезии, чувствуя переживания и скорби друг друга, могли бы сказать: "Это - мой брат". И никто бы не говорил: "Ты - грек, а я - русский", или: "Прошу прощения, я индонезиец". Это что за Православие? Оно не вселенское, не кафолическое. Разделение Православия - уже не Православие.

И второе, что мне хотелось бы сказать православным людям, - это чтобы они больше воодушевлялись и укреплялись в вере. Чтобы они воодушевлялись для проповеди Евангелия - проповедовали его, а не прижимали бы его к себе, говоря: "Это - мое, это моя культура". Кроме того, когда ты проповедуешь Православие, не старайся показать твое личное восприятие Православия, будь оно греческое или русское. Православие - оно не греческое или русское; оно вселенское и оно - для каждого. Если ты становишься православным, старайся не ощущать себя причастным греческому или русскому образу жизни, - старайся ощутить себя причастным Церкви. Так должно быть. Когда я в свое время в Корее обратился к Православию, я не ассоциировал его с какой-либо культурой, я воспринимал Православие как

всеселое бытие Церкви. Православие призвано выйти наружу из своей оболочки и сказать миру: "Вот я!"

ПЕЧАЛЬ И РАДОСТЬ ОТЦА ДАНИИЛА

- Каким Вы видите будущее Православия в Индонезии?

- Я не могу заглянуть в будущее, но верю, что Православие будет распространяться. Здесь важно, насколько много людей получит православное духовное образование. Сейчас, например, в Индонезии Православие в сознании людей ассоциируется с моей персоной. Когда люди думают о Православии, они вспоминают меня. Нам требуется больше образованных молодых людей. Иногда кому-то это непонятно, но я прилагаю все усилия: я стараюсь посыпать возможно большее число людей в Россию, в Грецию, но я не епископ и поэтому у меня нет возможности и власти для того, чтобы решать возникающие проблемы более простым способом. Если я стану епископом, я буду посыпать заграницу столько людей, сколько будет возможно, чтобы они так приобретали духовное образование и опыт духовной жизни. Это необходимо и для того, чтобы, когда я умру, кто-нибудь смог продолжить эту работу. Это - основная цель.

- Более личный вопрос к Вам. Каковы самые сильные искушения в Вашей работе?

- Иногда приходят мысли: бросить все это, потому как это очень тяжелое дело. Я знаю, у меня есть определенный талант и что я смогу быть преподавателем, я всегда смогу учить. Иногда мне хочется просто быть профессором какого-нибудь университета. Но снова и снова Бог помогает мне оставаться тем, что я есть, помогает мне помнить о моем призвании. Это нелегко: у меня много различных обязанностей - и хозяйственных, и благотворительных: от оплаты всевозможных счетов до помощи молодым людям получить богословское образование. И я должен каждый месяц за это вносить плату. Мне кажется, что у меня обязанностей больше, чем у тех людей, у которых есть собственные дети!

- Самая большая Ваша печаль?

- Моя самая большая печаль... Когда я стараюсь изо всех сил, а меня обвиняют в поступках, которые я не совершал.

- А Ваша наибольшая радость?

- Самая большая радость - когда кто-то обращается к Православию.

БАМБАНГ ДВИ БЬЯТОРО, ПРАВОСЛАВНЫЙ ИНДОНЕЗИЕЦ

**Архимандрит Даниил (Бамбанг Дви Бьяторо)
и Православная миссия в Индонезии¹**

Индонезия - пятая по величине страна в мире с населением около 220 млн. человек и первая в мире по численности мусульманского населения (почти 90% индонезийцев причисляет себя к мусульманам).

В VII-VIII веках в Индонезии проповедовали первые миссионеры из антиохийских (сирийских) христиан, но после того как скончались последние представители духовенства, местные жители почти ничего не знали о Православии, так как оказались в политической и географической изоляции. В XI веке католический епископ-миссионер обнаружил здесь потомков христиан; они выжили, несмотря на почти три столетия относительной изоляции. Из того раннего периода до нас не дошло ни одного письменного свидетельства, хотя предание сохранило имена трех местных епископов: Мар Ябаллаха, Мар Абдишо и Мар Дэнха.

Таким образом, несмотря на преобладающее мусульманское население, в Индонезии есть и христианские корни, слабые, но глубокие. Большинство индонезийцев не знают об этих корнях, но архимандрит Даниил (Бамбанг Дви Бьяторо), первый православный священник и миссионер в современной Индонезии, подчеркивает, что именно Восточное Православие появилось в его стране раньше всех других христианских конфессий.

Бамбанг Дви Бьяторо родился в мусульманской семье в 1956 году, в отдаленном городке Моджокерто на востоке о. Ява. Как многих на Вос-

¹ Первая в России статья о Православии в Индонезии была опубликована в № 4 журнала "Альфа и Омега".

токе, его воспитывали престарелые дед и бабка, преимущественно дед, проживший до 104-летнего возраста...

Впервые Бамбанг встретился с христианством, когда он был еще подростком. Его восприятие христианства было сформировано мусульманскими апологетами, которые считали христианство ересью.

"В исламе, - говорит о. Даниил, - является непростительным грехом смешивать Бога и Его творение, а, по мнению ислама, христианство учит именно этому".

Бамбанг был идеалистом, его разочаровывало отношение многих соотечественников к своей религии. По его мнению, они не отвергали ислам, но считали себя мусульманами больше по культурным корням, чем по осознанной вере. Такому же ложному пониманию религии он позднее противился уже в христианстве.

Он до сих пор с необыкновенным чувством вспоминает первую вечерню в православном храме: "Тем вечером, когда я зашел в храм, в конце службы все произнесли: 'Амины!' Мое сердце колотилось. Это мне очень напомнило мечеть. Я сказал себе: 'Я пришел домой...' Я знал, что отныне это - мой дом. Я мог верить в Иисуса как в Бога и поклоняться Ему по-мусульмански. Я заплакал. Это был ответ".

Юноша хотел получить ответы на множество существовавших у него вопросов о христианстве. Христианство интересовало его, но оставалось закрытым, задрапированным мусульманскими понятиями.

Бамбанг обратился к мужу одной из своих учительниц, который был протестантом-харизматиком (пятидесятником). Этот человек рассказал о Христе с точки зрения протестантства, но его слова не убедили молодого Бамбанга.

Бамбанг не был согласен с протестантскими объяснениями природы Христа и Святой Троицы, - здесь оказались мощные запретные механизмы исламского образа мышления, - но он начал читать вместе с Кораном и Библию, выискивая истину в сопоставлении двух священных книг, сравнивая их содержание. Однажды при чтении Корана он пережил откровение, в котором почувствовал ответ Самого Бога на свои искания.

"Я читал Коран, - рассказывал он. - Он лежал открытый у меня на коленях. Я читал третью суру, 45-й аят, место, где Ангел Гавриил сказал: 'О Мариам! Воистину, Аллах словом Своим сообщает тебе радостную весть: [ты родишь сына]. Имя его - Масих 'Иса', сын Мариам. [Он будет] почитаем в этом и будущем мире и приближен [к Аллаху]."²

После этого Бамбанг начал смотреть на христианство по-другому, через призму учения Корана. Хотя Коран и отвергает Христа как Бога, но свидетельствует о почитании Христа. Постепенно Бамбанг все глубже знакомился с христианством,

его вера росла, вопреки многим трудностям. Но он не мог окончательно решиться признать себя христианином.

Его ждало испытание, которое помогло сделать выбор и изменило всю жизнь. Бамбанг скрывал свои духовные поиски и ни с кем не говорил о встречах с христианами. С особой тщательностью скрывал он все от своего набожного и благочестивого деда, которого одновременно и уважал и боялся.

Однажды Бамбанг вернулся домой после очередного тайного посещения церкви и Библия выпалилась у него из-под одежды и упала прямо к ногам деда. Бамбанг тут же был избит, убежал из дома, но позднее все-таки вернулся и представил перед своим дедом-мусульманином. Тот пожелал знать, почему внук оставил ислам. Бамбанг, сам будучи лишь наполовину обращенным, стал защищать веру во Христа как истинную исламскую веру; это вера тех, говорил он, кто истинно покорен Богу.

О. Даниил пересказывал этот диалог:

- Дедушка, ты очень старый. Если ты через какое-то время умрешь, ты уверен, что попадешь на небеса?

- Нет, я не знаю.

- Почему?

- Это зависит от совершенных мною дел. Это зависит от равновесия чаши весов: если окажется больше добрых дел, я пойду на небеса, а если будет больше плохих дел, я отправлюсь в ад.

- А ты уверен, что твои добрые дела перевесят твои плохие дела?

- Я не знаю.

² (Перевод смыслов профессора Магомед-Нури Османова
<http://koran.ru/os/page003.html>)

- Так значит, ты не покоряешься Богу. Ты зависишь от самого себя, от своих собственных усилий. Что это за мусульманство? Но позволь мне, дедушка, рассказать тебе. Бог послал Свое Слово, и ты на самом деле способен познать Бога лишь через слово. Ты знаешь, что имя пророка Иса в Коране означает "Дух Бога". Этот пророк Иса - не просто человек. Коран говорит, что Он родился без отца, что означает - Он родился непосредственно от силы Божьей. Это - Слово Самого Бога, ставшее человеком по имени Иса. Значит, Слово Божье низошло в этот мир для того, чтобы восстановить его, чтобы освободить нас от власти зла. Религия - это не просто способ совершенства добрых дел; она предназначена для того, чтобы даровать нам вечную жизнь. А эта вечная жизнь не может быть достигнута одними только добрыми делами, но покорностью человека Богу.

В этот момент, вспоминает о. Даниил, он ожидал выговора за свое откровенное выступление. Последовала долгая пауза, но вместо того чтобы разгневаться, его дед спокойно спросил: "Могу ли я тоже стать христианином?" Вскоре он был крещен тем же самым человеком, который привлек к вере его внука.

Спустя небольшое время после крещения дед умер, его смерть сопровождалась явлениями Божьего промысла. Хотя он был новообращенным христианином, он предвидел час своей кончины и был удостоен видения. Он скончался в мире, окруженный членами своей семьи. Ему было 104 года. Это событие, смерть деда, послужило знаком для молодого Бамбанга; он утвердился в христи-

анстве и стал активным членом протестантского харизматического движения в Индонезии.

После окончания института Бамбанг провел три года в путешествиях: миссионерствовал как проповедник-мирянин на Яве, Суматре и близлежащих островах. Он стал основателем группы проповедников под названием "Силоа".

Бамбанг был проповедником, но у него оставались вопросы к своей новой вере. В протестантизме ему не хватало глубины и богатой традиции ислама, где каждая сторона жизни была пропитана молитвой. Он вспоминает: "В детстве меня научили молиться в установленное время. В церкви пятидесятников нет ничего такого - не имеет значения, когда ты молишься, как ты молишься. Мне пришлось установить для себя время молитвы, потому что никаких правил на этот счет не было. Я сказал себе: "Если Бог - это Бог порядка, то у Него должны быть правила, некий ритм - и ты не можешь выбирать лишь то, что тебе нравится". Кроме того, продолжает он, я ожидал, что христиане - это люди, исполненные любви, а они оказались не такими. Я снова и снова разочаровывался и страшно огорчался, поскольку еще не понимал, что люди все одинаковые, независимо от их вероисповедания. Я жаждал какого-то более глубокого чувства и опыта, и именно в то время у меня было видение, которое повлияло на меня серьезнейшим образом.

Однажды ночью я спал и во сне увидел себя паломником в Мекке. Это был самый настоящий хадж; это было настолько реально, что я помню все до сих пор. Я сидел с другими паломниками и прямо напротив входа в Каабу я увидел Мухаммада. Он проповедовал миллионам людей; во время своей проповеди он обернулся ко мне и сказал: "Ты почему здесь? Я сказал тебе, я показал тебе путь. Почему ты не там?" Я проснулся в поту, настолько я был напуган. Почему? Потому что в исламе существует предание, согласно которому, если пророк Мухаммад является тебе, это не может быть дьявольским обольщением. Это только пророк Мухаммад. Когда я рассказал другим мусульманам о моем сне, они сказали, что это должен быть пророк Мухаммад. Но как может пророк Мухаммад сказать тебе, чтобы ты стал христианином?! Это была тайна, но благодаря этому видению я остался христианином".

В 1983 году Бамбанг Дви Бъяторо стал первым принявшим Православие индонезийцем в новейшей истории Индонезии

Бамбанг Дви Бъяторо - православный индонезиец

С помощью благодетеля Бамбанг поехал в Сеул, поступил в протестантскую семинарию "Азиатский Центр богословских наук и миссионерства". Там он изучал английский и корейский языки, Новый Завет на греческом и иврите, церковную историю и богословие. Он буквально зарылся в изучение различий между отдельными христианскими церквами; он штудировал латинское и греческое святоотеческое богословие, но по-прежнему тосковал по родине, по молитве в установленное время, по обряду, по посту.

Однажды он сидел в своей комнате, просто смотрел в окно и остановил взгляд на отдаленном строении, которое часто видел и прежде. Крыша этого строения была похожа на купол мечети, и Бамбангу пришлось вновь бороться с желанием вернуться, хотя бы на некоторое время, чтобы отдохнула его измученная душа. Спустя несколько дней он вышел из дома и пошел по направлению к этой мечети. Когда он оказался рядом, он обнаружил, что это вовсе не мечеть, но купол греческого православного храма!

Так будущий отец Даниил впервые встретился с Православием. Он до сих пор с необыкновенным чувством вспоминает ту первую вечерню: "Тем вечером, когда я зашел в храм, в конце службы все произнесли: "Аминь!" Мое сердце колотилось. Это мне очень напомнило мечеть. Я сказал себе: "Я пришел домой..." Я знал, что отныне это - мой дом. Я мог верить в Иисуса как в Бога и поклоняться Ему по-мусульмански. Я заплакал. Это был ответ".

Бамбанг начал с жадностью прочитывать книги из библиотеки архимандрита Сотерия (Трамбаса), греческого священника этого храма. Трудно было понять многие аспекты православной веры, например, почитание Божией Матери или почитание икон, но помогала уверенность: Православие - это Церковь Апостольская. Несмотря на свои затруднения, он хотел стать православным и сказал об этом желании отцу Сотерию. Священник, испытывая Бамбанга, ответил так: "К чему тебе становиться православным? Оставайся протестантом". Они много разговаривали, и постепенно один за другим нашлись ответы на все вопросы Бамбанга. Он снова попросил отца Сотерия присоединить его к Православию. "Почему тебе этого хочется? - спросил священник. - Если ради денег, то у нас нет денег. Мы - бедная Церковь. Если тебе хочется славы, - то нашу Церковь уже долгое время преследуют. Если тебе хочется чего-то такого, то тебе лучше стать протестантским пастором. Будь хорошим проповедником, и ты будешь знаменит".

Расстроившийся, но никем не обидевшийся Бамбанг объяснил, что ему не интересны деньги. Отец Сотерий спросил: "Зачем же тогда?" - "В этой Церкви я нашел истину". - "Если таков твой ответ, тогда становись одним из нас".

И вот в 1983 году Бамбанг Дви Бьяторо стал первым принявшим Православие индонезиемцем в новейшей истории Индонезии.

* * *

Архимандрит Сотерий посоветовал Бамбангу, ставшему в крещении Даниилом, ехать в Грецию, чтобы увидеть традиционно православный уклад жизни. В течение шести месяцев Даниил изучал в Афинах греческий язык, следующие полгода он провел на Святом Афоне в монастыре Симонопетр. Здесь он впервые попробовал переводить литургические тексты на индонезийский язык. Он старался максимально точно выразить вероучительные истины, содержащиеся в богослужебных текстах. Свои первые попытки Даниил проверял и посыпал длинные письма в "Силоам", объединение проповедников, организованное им в Индонезии. Объяснял свою новую веру, найденную в Православии.

После года, проведенного им в Греции, Даниил отправился в Америку. Там он окончил богословские курсы при православной греческой семинарии Святого Креста в Бостоне и получил звание доктора социологии в университете штата Огайо.

Он на много лет оказался оторванным от своей родины, и как только обучение подошло к концу, Даниил стал раздумывать о том, как полнее он мог бы послужить своим соотечественникам. После больших внутренних колебаний и усердных молитв Даниил принял монашество, чувствуя, что это наилучший путь для миссионерства. Затем, в 1988 году, епископ Питтсбургский Максим рукоположил его во священника. В том же году Даниил вернулся в Индонезию.

На родине отец Даниил начал деятельность с обращения членов своей семьи, научил их печь просфоры и изготавливать церковные облачения на местной фабрике батика. Через несколько месяцев он переехал в г. Соло и начал проводить беседы с членами общества "Силоам" (созданного им самим в то время, когда он был протестантом) - с теми, которые читали его письма и следили за его обращением. Начались занятия по изучению Библии, миссионерская деятельность распространилась на окрестные деревни. Отец Даниил организовал также годичный курс по изучению основ Православия в университете г. Соло. Понимая, что это может стать хорошим подспорьем для проповеди, он записал свои лекции и распространял их по стране. Кассеты с этими записями позволили мно-

гим индонезийцам познакомиться с православным христианством на понятном им языке, узнать о вере от человека, который был одним из них.

Вскоре отец Даниил основал в Соло домовую церковь, похожую на храмы первых христиан. Мало-помалу все больше людей принимали крещение, и на сегодняшний день миссия отца Даниила действует во множестве деревень и на целой дюжине островов.

В 1991 году Государственный департамент по делам религий официально признал Православие, входящее организационно в протестантский отдел Департамента. Миссия, возглавляемая о. Даниилом, является частью недавно учрежденной греческой православной епархии Гонконга и Юго-Восточной Азии, управляемой митрополитом Никитой.

* * *

Антихристианские настроения мусульман, считающих христианство ересью, со временем обнаружились настолько явно, что множество проектов строительства храмов были приостановлены или запрещены из-за протестов местных мусульманских общин. В одном городе разрешение на строительство было аннулировано, и наполовину построенные стены будущей православной миссии были оставлены незаконченными и заброшенными.

В 1990 году антихристианские настроения вылились во вспышку насилия: многие церкви были сожжены и среди христиан были случаи мученичества, включая убийство мусульманскими фанатиками двадцати пяти католиков, растерзанных в тот момент, когда они собирались в городе Харуку на мессу. Тысячи христиан погибли в хо-

де религиозных столкновений в Малакке в 1998 году. А в 1999 году исламский конгресс в г. Соло призвал правоверных мусульман разрушить находящиеся в этой местности христианские церкви. На острове Ломбок и во многих других местах христианские храмы, а также дома христиан и даже принадлежащие им предприятия были разрушены. Из-за угрозы расправы христианское духовенство, в том числе и отец Даниил, были вынуждены оставить свои дома.

Зимой 1999-2000 гг. архимандрит Даниил встретился с президентом страны Абдурахманом Вахидом, первым гражданским президентом Индонезии, избранным в 1999 году в ходе исторического всенародного референдума. Абдурахман Вахид выразил свое уважение и поддержку православному сообществу Индонезии.

После двенадцатилетней миссионерской работы в Индонезии ныне существует десять православных храмов, в которых служат девять священников. Православная община Индонезии насчитывает две тысячи верующих; семеро студентов, будущих священников, обучаются за границей.

Православная миссия продолжает расти, несмотря на возрастающие насилие и беспорядки, отец Даниил продолжает дело проповеди. Он по-прежнему остается оптимистичным и исполненным надежды человеком, с энтузиазмом пересказывая случаи обращения в христианство из ислама, буддизма или индуизма.

Томас ХАЛБЕРТ

Перевод с английского
Михаила МЕДВЕДЕВА

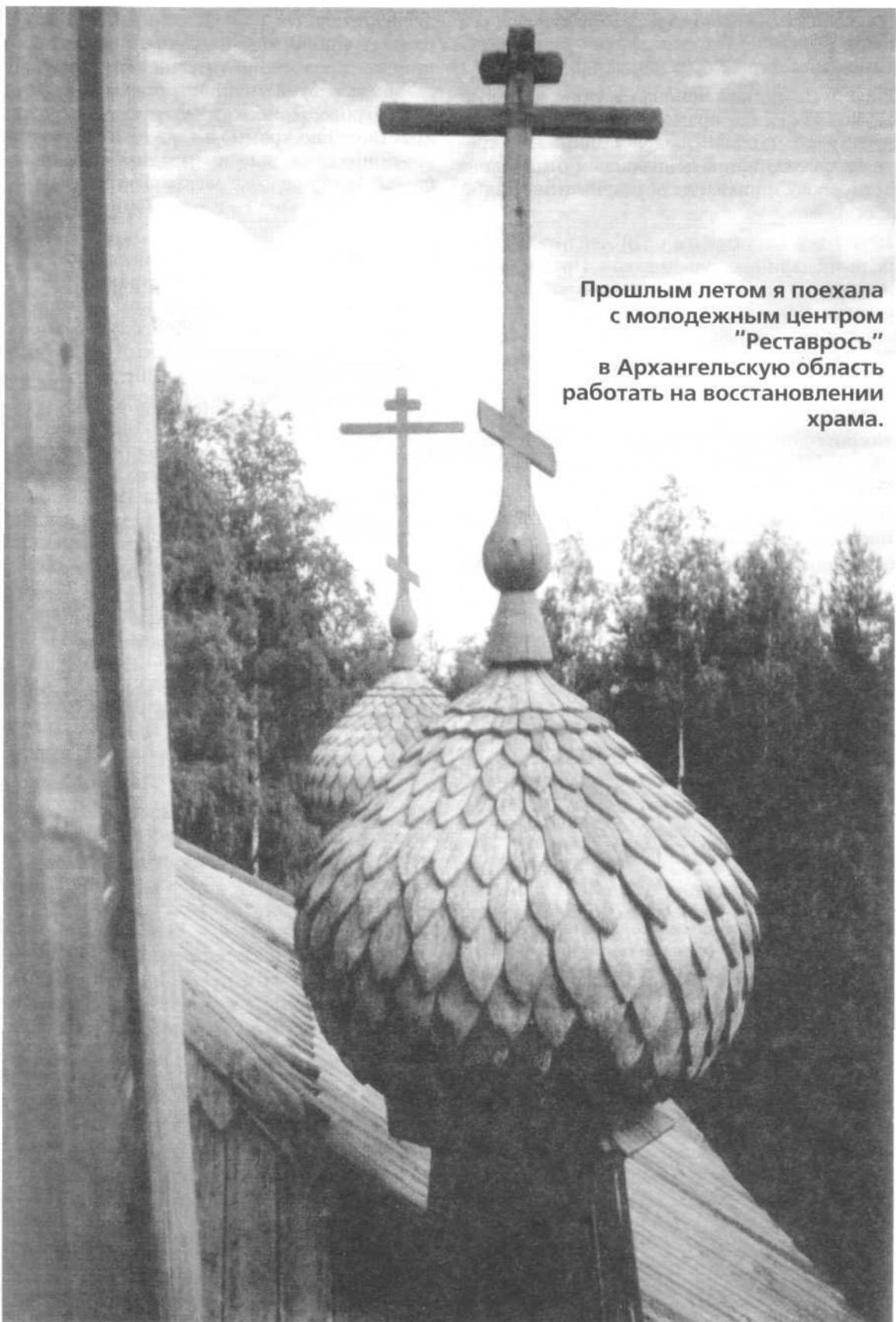
Он снова попросил отца Сотерия присоединить его к Православию.
"Почему тебе этого хочется?" - спросил священник. - Если ради денег, то у нас нет денег. Мы - бедная Церковь. Если тебе хочется славы, - то нашу Церковь уже долгое время преследуют.

Расстроившийся, но нимало не обидевшийся Бамбанг объяснил, что ему не интересны деньги. Отец Сотерий спросил:
"Зачем же тогда?" "В этой Церкви я нашел истину".
"Если таков твой ответ, тогда становись одним из нас".

Прошлым летом я поехала
с молодежным центром
“Реставрось”
в Архангельскую область
работать на восстановлении
храма.

НА СЕВЕР

С "РЕСТАВРОСОМ"

Заметки журналиста и зарисовки художника

Я так давно слышала о "Реставросе" и каждую зиму думала: вот летом обязательно надо будет попытаться. Но это были только мечты, каждый год лето приходило и уходило, а мне все было страшно: как же так, ехать с незнакомыми людьми в неизвестное место, я же совсем не умею общаться и так не приспособлена к жизни... (Пишу это, потому что подобные предрассудки и страхи тревожат очень многих людей.) А зря... Время идет, вы где-то нужны, вас ждет реальное дело, ждут новые друзья.

На Крутицком подворье, где располагается МЦ "Реставрос", мне рассказали о летних сменах. Выбор был. Хочешь - монастырь, хочешь - просто городской храм (в г. Орле) или деревенская жизнь (Подмосковье, Вологодская, Архангельская область); хочешь - юг, хочешь - север.

Я давно мечтала попасть на Русский Север и название села Лекшмозеро, стоявшее в списке летних смен, так мне понравилось, что я не сомневалась, куда надо ехать.

В этой поездке все мои надуманные представления разбивались одно за другим. Представление первое: Русский Север - это что-то серое, холодное, сырое. Ничего подобного. Не знаю, как там зимой, но летом белых медведей и северного сияния не было. Зато были белые ночи и комары. Природа оказалась приветливой и яркой: лес - зеленый, пушистый, заросли иван-чая, васильки, ромашки, солнечные поля и луга. Серыми были только деревенские избы (да и то не все). В этих некрашеных серых домах многие видят целую философию простоты и смиренения. Недавно я где-то прочитала очень точные и красивые слова о Русском Севере: там стирается грань между времененным и вечным; или временное - за смижение свое - становится вечным.

Представление второе: сложно будет найти язык с современными студентами, с теми, кто окажется рядом. Но наш отряд собрался просто необыкновенный. Точнее сказать - необыкновенный для нынешнего

времени. А по меркам прошлого - вполне обыкновенные: добрые, приветливые, веселые молодые люди. Это сейчас, может быть, и правда, редкость - вроде белых медведей. Тем более, если люди, решившие летом поработать бесплатно, да еще оплатить самим проезд и питание, из таких престижных вузов, как МГИМО, МГУ, Академия управления, Институт экономики и права имени Грибоедова. Не все, конечно, были студентами, кто-то уже закончил институт, кто-то вообще не учился, но никакого барьера в общении не было. Социальные различия остались в Москве, здесь это было не важно.

В такой замечательной деревне и с такими людьми даже наша работа не казалась непосильной. Хотя была она все-таки непростая и неромантичная. Мы очищали фундамент церкви от культурного слоя - лишней, слежавшейся земли. Это нужно для того, чтобы вентиляционная система работала, чтобы храм "дышал". Работа эта такая: берется с утра в руки лопата и... "копаешь отсюда и до обеда". Обед, купаемся, а потом снова копаем "отсюда и до ужина". Квалификации не надо. Законченное высшее образование осталось в Москве и только вызывало у нас смех.

Вторая половина нашей группы (в основном мальчики) занимались долблением застывшего цемента в Александро-Ошевенском монастыре. Они должны были очистить одно из монастырских помещений, где в советское время находился склад цемента; цемент стал никому не нужен, застыл. Вот его и долбили. Место работы называлось "забой". Так что у нас получилось разделение труда: женская половина группы копала, а мужская - долбила.

Кроме копания и купания тем летом мы испытали много радостей простой деревенской жизни: мы гуляли по лесам и полям, ходили в небольшие походы, ездили на моторной лодке на другой берег озера, собирали чернику и ловили рыбу (последнее - не очень успешно).

Вокруг деревни есть много мест, почитаемых до сих пор - раньше там стояли церкви, пустыни или монастыри, а теперь еле-еле угадывается фундамент и, в лучшем случае, стоят памятные кресты.

Разрушаются потрясающие памятники - деревянные храмы, вокруг которых в другой стране выставили бы кордон и возили бы автобусы экскурсий. Хотя

Ошевенск

экскурсантов здесь немало. Но церкви ветшают, гниют или горят, и валяются в них водочные бутылки.

В Каргопольском районе сейчас всего один священник, поэтому все храмы (в том числе и наш) - не действующие. Мы не миссионерствовали, мы просто копали. Но к 12 июля, престольному празднику святых апостолов Петра и Павла, подготовили храм к службе, приехал батюшка. А местных жителей на второй за последние 70 лет службе было очень мало. Бабушки, в основном, но мне еще запомнились две девочки лет 10-11, которые пришли на всенощную и четыре часаостояли, не присев и не разговаривая. Местные жители - очень хорошие люди, но они не могут получать знание о Боге и Церкви сверхъестественным способом, а священников, миссионеров, книг у них нет.

Вообще местные люди показались мне более интеллигентными, чем многие горожане. В них чувствовалась тактичность, доброжелательность. Все очень спокойные и немногословные.

Здесь можно услышать о возможной экспансии: например, финны очень интересуются теми местами. При нас прилетал в деревню вертолет с финнами. В селе Лядины организована секта пятидесятников, спонсируемая тоже финнами. В Лядинах находится памятник архитектуры XVIII века, две деревянные церкви удивительной красоты, и пятидесятники даже ходатайствовали о передаче этих зданий их общине. А в Ошевенске появилась секта "Семья".

Наша смена закончилась. Фундамент откопан, цемент выдолблен. Мы уехали, местные жители остались. Работа была тяжелой и нудной, но всем она многое дала. Когда мы встречались в Москве, вспоминали о смене, то часто спрашивали друг друга: а нужно ли это кому-нибудь? Не пошли все наши усилия зря? Сомнений много, но все разговоры заканчивались так: это нужно прежде всего нам.

Каким-то таинственным образом эта работа благотворно влияет на душу, прочищает мозги, помогает найти решение сложных проблем. И хотя бы на месяц в году мы вспоминаем о когда-то великой и до сих пор прекрасной стране, которой сейчас очень нелегко. И пытаемся что-то сделать для нее.

Каждое лето "Реставрость" ждет вас в свои команды. Приходите!

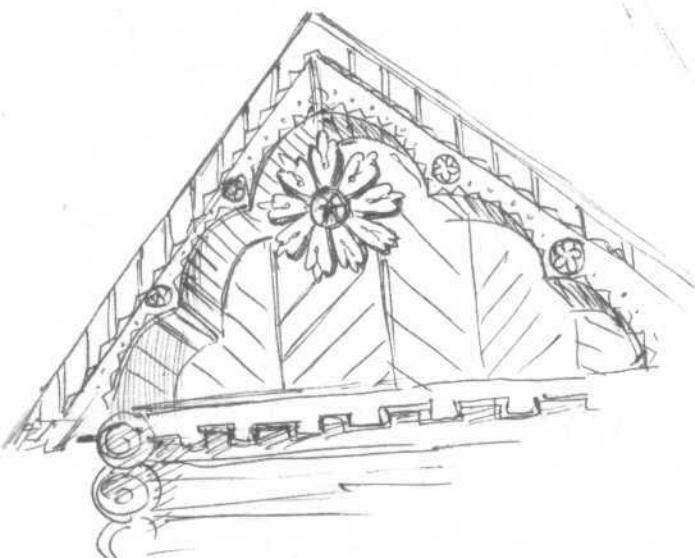
**Вероника БОГДАНОВА
Рисунки Веры МАХАНЬКОВОЙ**

P. S. В течение года молодежный центр "Реставрость" работает в храмах Москвы, по выходным проводятся интересные пешеходные экскурсии по Московской области, совершаются рабочие поездки в подмосковные монастыри, где ОЧЕНЬ нужна помощь. Присоединяйтесь, вам будут рады!

**Телефон Центра: (095) 276-34-55
(понедельник, среда, пятница
с 13 до 19 часов)**

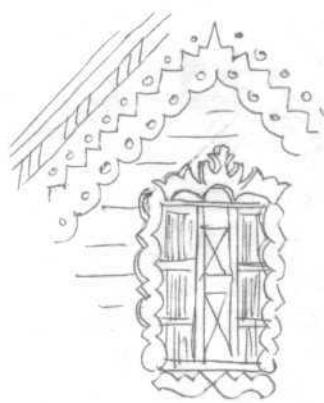
Икона - частичка
реликвии храма;
участие Благодаря
тому, что Бога
написана на
трудной доске.
Семинарские распределят
г. Сасово под Караб-
инским.

Черенство самого
обычного дома в
селе Вершино.
на Кенозере
под Каргополем

Расписанное
стеклошка

Северное
избы
в. Вершино
на Кенозере
под Каргополем
это обычные
деревянные
дома
мало
удивляют,
когда
кто-ни
мень
вспоминает

ЖЕНЩИНА! УЧИСЬ ГРАМОТЕ!

Советский плакат 1923 года

**ЭХ, МАМАНЯ! БЫЛА-БЫ ТЫ
ГРАМОТНОЙ, ПОМОГЛА-БЫ МНЕ!**

ЕК

ХОРОНИТЬ - РАНО!

Отклик на статью Григория Злотина "Урезание языка", опубликованную в 1(13)' 2002 номере журнала "Фома"

Уважаемая редакция "Фомы"!

С интересом и сочувствием прочитал статью Григория ЗЛОТИНА "Урезание языка". Тем не менее не удержался от возражений, особенно против того, что наш народ онемел. Написал краткую статью-ответ. Возможно, вам пригодится.

С уважением,
Юрий Романенков

Боль Григория ЗЛОТИНА по поводу урезания языка понятна, и ее без сомнения разделяет множество русских людей. И многие читатели наверняка благодарны автору за яркое и сочувственное описание ущерба, нанесенного нашему языку от введения новой, упрощенной орфографии. И все же в некоторых, и весьма важных, вопросах нельзя согласиться с автором, ибо в полемическом задоре он несколько перегнул палку.

Вряд ли правомерно сравнивать русский язык с чешским и восторгаться "дивадлом", "гудбай" и "дeinами". Наши "театр", "музыка" и "история" ничем не хуже. И пусть поляки ездят на "самоходе", а мы на "машине", зато теперь летаем мы, как и они, на "самолете", а не на "аэроплане" - так уж нашему народу-языкотворцу захотелось.

Условия, в которых развивался русский язык, и задачи, которые он выполнял, не сравнимы с условиями и задачами чешского и польского языков. И польский, и чешский развивались в условиях многоязычия. Власть говорила по-немецки (в части Польши - и по-русски), Церковь - по-латыни, деревня - по-чешски, вернее, на различных диалектах чешского языка. В Польше - еще сложнее, ибо там и диалектов побольше, и не все они польские, значительная часть населения, а тем более все православные, говорили на диалектах русского (или, если хотите, на диалектах украинского и белорусского).

Главная задача и чешского, и польского языков в XIX и даже в начале XX века была разделительная - отделять своих от чужих. Все в Праге прекрасно знали, что такое "театр", но не каждый, а лишь только решивший стать че-

хом называл его "дивадло". Чехам нужно было противопоставить себя немцам, и они защищались, вводя в оборот новые слова. Тем более разделительная задача присуща ивриту, который был искусственно возрожден с целью отдельить истинных евреев, говорящих на иврите, от всех остальных.

Русским подобная разделительная задача чужда, русский язык, наоборот, выполнял и выполняет объединительную задачу, соединяя воедино разноплеменные народы. Русский - не племенной язык, язык не только русских, а универсальный, мировой. Поэтому мы не боимся заимствовать слова для новых, а уж тем более для чуждых нам понятий, и нам не надо, подобно Бен-Иегуде, "годами трудиться, выискивая в древних повестях слова, подходящие для нового времени". Да и глупо было бы искать в "Изборнике", "Златоструе" или "Домострое" замены для, например, "хараксмента".

Русский язык - живой, и живость его проявляется в том, что он - не одномерен, как многие "современные" языки, а многомерен, он существует в огромном пространстве напряжения между вечным, священным церковно-славянским языком и мірским языком живого, развивающегося народа.

Справка

Юрий Романенков, 42 года, русский, православный, родился и до 17 лет жил в Сибири. С 1977 года живет в Литве.

Закончил физический факультет университета в Вильнюсе, работал инженером в НИИ, с 1989 года занимается журналистикой, с 1992-го преподает английский язык в школе, переводит с английского. С 1996 года работает координатором IEARN (Международная образовательная сеть взаимопомощи - International Educational and Resource Network).

Кроме английского, свободно владеет польским, литовским, украинским и белорусским, отчасти сербским.

И оба полюса нашего языка — и церковный и мірской — наши, родные. Это огромное напряжение рождает образность и силу нашего языка.

Церковно-славянский и мірской — как бы два кремня, чем дальше разведешь да сильнее ударишь, тем искр больше и искры ярче. Язык останется живым, если мы сохраним этот размах. Урезать его — значит урезать язык.

Орфографические реформы как Петра, так и большевиков шаг за шагом расширяли пространство напряжения между священным и мірским полюсами нашего языка и в этом смысле пошли на благо письменному языку, впустив в него живую струю народной речи. Ведь именно после Петра появились и Пушкин, и Гоголь.

Автор преувеличивает вред реформы большевиков, ссылаясь на “просвещенных иностранцев”, которые якобы никого не знают и не любят “раньше Пушкина и позже Чехова”. Не знаю, любят ли иностранцы, но наверняка знают Пастернака и Солженицына, которые во многих западных странах входят в школьную программу по мировой литературе XX века.

Мы-то почему должны равняться на “просвещенных иностранцев”? Мы и знаем, и любим Платонова, Заболоцкого, Тарковского, Твардовского, Рубцова, перечислять можно очень долго, и все они достигли высочайших высот и лирики, и языковорчества, и понимания жизни, что, между прочим, сделало их труднодоступными для перевода на другие языки.

Понятно сожаление автора по поводу “сайта официального дилера концерна Фольксваген”, но что же поделаешь, если, по словам Пушкина, “панталоны”, “фрак”, “жилет” — всех этих слов на русском нет.” Отдадим дилеру дилерово — пусть рассыпает прайс-листы на убогой кириллической транскрипции английского, зато тем самым он оберегает наш святый язык. И я уверен, дилер это чувствует, и именно поэтому не ищет русской замены, и именно в этом проявляется его любовь к родному слову. И очень хорошо, что мы объясняемся в любви на одном языке, молимся на другом и реструктурируем задолженность на третьем.

Но главное, в чем никак нельзя согласиться с автором, это в том, что наш народ “онемел” и что, подробно цитирую, “тогда как язык “простого народа” иссяк, просвещенные люди еще знают по письменным свидетельствам прошлого, как должно говорить по-русски. Не на потерявшую свой исконный облик на-

родную толщу, а на нас, только на нас, на поборников просвещения, теперь одна надежда, что язык не пропадет”.

Странное представление у автора о народе. Неужели, чтобы быть “народом”, надо обязательно за сохой ходить, а если “пашешь” на авиационном заводе инженером, а после работы бежишь на садовый участок окучивать картошку, то уже и не народ? Да как жил наш простой фабричный люд в излюбленном автором XIX веке (хоть Бажова почитайте!), так и сейчас живет.

Мы не перестали быть простым народом от того, что строгаем не бревна, а “патчи” и “солюшены” или пашем на ниве народного образования — в средней школе, или водим автобус, или в пивной разливаем пиво, или на базаре торгуем. Что, раньше пиво не разливали или извозом не занимались, или не торговали? Современный таксист — такой же народ, как в старину был народом извозчик.

Представлять нас как “последнюю третью, у которой отняли землю и Бога, дали водку и выбор между воровством и голодной смертью” можно только глядя из калифорнийского далека. Хрестоматийное возражение, но удержаться трудно — а в космос тоже пьяные воры летают? олимпийское золото без закуски завоевываем? И землю у нас пока еще не отняли, и Бога тоже — посмотрите, сколько новых церквей возводится, как прибыло людей в Церкви, зайдите в книжные лавки, торгующие духовной литературой.

Живой язык рождается в сердце, а не выискивается в “письменных свидетельствах прошлого”. К счастью, русский народ обладает живым чувством языка и никогда не доведет подобное выискивание до крайности, ибо давно уже над ним смеется, как например у Андрея Белого в “Серебряном голубе”:

“Бысть ветер буйный, и занесе меня в кабак. И рекл ми целовалник: “Человече, чего хощещи?” И отвещах ему: “Зелья водошного”. И сложил той своя пять персты воедину, и бия меня по зубам. И, биен, изыдох...”

Юрий РОМАНЕНКОВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Публикация очерка Григория Злотина в прошлом номере “Фомы” вызвала много откликов, в том числе и со стороны специалистов-лингвистов. Мы надеемся, что в следующем номере нам удастся представить уважаемым читателям их мнения.

Олеся НИКОЛАЕВА
ПРАВОСЛАВИЕ
И СВОБОДА
Сборник статей
в двух частях
М., Издательство
Московского Подворья
Троице-Сергиевой Лавры,
2002

"Повсюду человек ищет свободу и гонит ее от себя, тоскует о ней и попирает ее, жертвует ради нее жизнью и продает ее за чечевичную похлебку, падает и осуществляется через нее, дорожит и тяготится ею, обожествляет и страшится ее. Именно здесь, перед лицом человеческой свободы, решается судьба человека в вечности." ("Православие и свобода", с. 14.)

Чтение этой замечательной книги может показаться сложным, но не стоит бояться философских и богословских терминов, если мы хотим узнать ответы на множество жизненно важных вопросов. Таких как: что такое свобода и для чего она дана человеку? Свободны ли мы от причинно-следственных связей, существующих в мире? Как соотносится наша свобода с волей Божией? Каким образом именно благодаря нашей свободе мы можем или спастись или погибнуть?

Ответы на эти и другие вопросы - не абстрактные размышления автора, а попытка познакомить нас с учением Православной церкви о свободе, - Олеся Николаева основывает свой труд на Евангелии и святоотеческих сочинениях.

Несмотря на всю сложность, у книги простое начало и простой конец. В первой главе мы встречаем такое определение свободы: "Христиане понимают свободу как возможность быть со Христом. Как возможность обожения. Ибо только там, где Дух Господень, там свобода (2 Кор. 3, 17). По словам Самого Христа: "Познаете истину и истина сделает вас свободными" (Ин. 8, 32). (Стр. 12)

И пройдя сквозь множество богословских, философских, психологических понятий и терминов, мы приходим к простым и прекрасным словам: "...Монашеское присловье "Бог и душа - вот и весь монах" становится актуальным для любого христианина. Это в конечном итоге и есть формула свободы". (Стр. 177)

С.И.ФУДЕЛЬ

Сергей ФУДЕЛЬ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ТРЕХ ТОМАХ.
Том первый

М., "Русский путь", 2001

Вышел в свет первый том сочинений Сергея Фуделя - наиболее часто цитируемого "Фомой" автора. В книгу входят "Воспоминания", в которых автор рассказывает о своем отце - священнике Иосифе Фуделе; о встречах со святыми исповедниками того времени - простыми батюшками и архиереями; о жизни Церкви в предреволюционные и 20-30-е годы.

Кроме этого, в первом томе опубликованы заметки "У стен Церкви", воспоминания об отце Николае Голубцове, работа "Моим детям и друзьям" и собрание писем.

Сергей Иосифович Фудель много лет провел в ссылках и лагере, вся его жизнь была отдана Церкви. Его духовный опыт особенно нужен нам сейчас. Его работы и письма обладают особой силой, поскольку то, что он хотел передать, было не просто словами, а выстраданным пониманием жизни.

"...Когда Бог уходит из (души), то иссыкает источник Любви, и сад души засыхает, и потому мы сразу разучаемся и быть с собой и быть с людьми.

Вот потому-то все так страшно и ответственно. Каждому из нас, по слову Божию, дан "талант" - серебряная монета, - который мы должны в течение жизни не в землю зарыть, а пустить в оборот: стяжать в себе Бога и через него людей. Это и есть цель жизни. Изгнанники израя должны вернуться в свой дом. Этот возврат идет путями внутренней жизни, которую мы поэтому должны непрестанно искать, а потеряв, опять искать, и стучать, и добиваться. Что наша жизнь - путь, это не метафора, а правда, путь искания Бога и через Него людей, обратный путь к саду Божию, к древней красоте мира". (Стр. 382)

Ведущая рубрики Вероника БОГДАНОВА

Мария Кондратова

ЖИВЫЕ ЦВЕТЫ

Рассказ

— Раньше цветы перед этими иконами не вяли месяцами, теперь нет. Не знаю, в воде ли дело или в недостаточном прилежании молящихся, — тут она позволила себе слегка улыбнуться, прося не принимать ее слова слишком всерьез, — но только напомню отделу придется покупать свежие розы каждую неделю. А это накладно... Вы к нам надолго? На два месяца? О нет, к делу то, что я рассказываю, совершенно не относится... Разумеется Вас, практиканта, ожидают более волнующие занятия, чем замена увядавших цветов свежими. У нас в музее очень серьезно относятся к участию в подготовке будущих искусствоведов. Это все так... лирические вступления и отступления, пока не появится милейшая Ольга Абрамовна и не уведет Вас в святая святых наших запасников и архивов. Так вот, эти розы... Случайных посетителей они порой удивляют. Все-таки у нас вполне светский музей, а тут цветы перед иконами... Двадцать лет тому это вызывало и совсем неслучайное недоумение у соответствующих инстанций, — два последних слова она произнесла с легким, но явственным отвращением. — Сколько крови они попортили Александру Семеновичу... Крупнейшего ученого, мирового авторитета в области позднего барокко, третировали как мальчишку... В конце концов наши реставраторы совместными усилиями сочинили какую-то псевдонаучную объяснительную записку о положительном влиянии эфирных масел представителей семейства Rosaceae на яркость древних красок, и только тогда наш отдел оставили в покое.

Маленькая черноволосая женщина, тонкая и быстрая как швейная игла, с видимым удовольствием щеголяющая латынью, но изнемогающая под ролью "старого, опытного музеиного работника, вводящего зеленого практиканта в курс дела" рассказывала об отделе скоро и подробно. Я внимал. Мне было двадцать лет и три дня. Я был исполнен веры, смятения и восторга, и самые заурядные фразы казались мне знаками — вехами неведомых глубин. "Это накладно" — какая мудрость, какая жестокость в этой прозрачной фразе. Миру долго обходится отсутствие Божьих чудес... Наверное, в этот момент я решился. Не знаю... Не помню, помню только луч света, пробравшийся в щель между темными суконными занавесями и скользнувший по новгородскому "Благовещению", и волосы архангела, вспыхнувшие нездешним золотом.

— Александр Семенович — это наш бывший заведующий. Светлая ему память, все мы здесь его ученики или ученики его учеников. Говорят, когда его единственная дочь, а женился он поздно, тяжело заболела, он

дал обет, что если она поправится, то, пока он жив, перед этими иконами будут всегда стоять цветы. И сдержал его. Хотя, возможно, эта история сродни нашим музейным преданиям о "белой dame", появляющейся в зале барокко в ночь коронации Екатерины Второй, и бронзовом блюде, падающем со стены каждый год на кануне дня Ивана Купалы в секторе античности... Не знаю. Доподлинно известно только одно: Александр Семенович всегда лично следил за тем, чтобы цветы были свежие. Теперь этим занимаемся мы. Удивительнее всего, что сам он при этом как был, так и остался до конца своих дней человеком глубоко искренне неверующим. Но верность слову всегда значила для него чрезвычайно много... Так и появилась эта традиция, традиция не веры, но верности... Он был верен своему слову, мы верны памяти своего учителя... а чему будут верны те, кто придет после нас?... Как вы думаете?

— Возможно, им уже будет дана верность вере... — предположил я, каменея от неловкости и косноязычия, — я хотел сказать...

— О нет, не поправляйтесь, — перебила она меня, — и не стыдитесь своей серьезности. Юность должна быть серьезной, иначе зачем?..

Я не был шарлатаном. Даже сейчас, когда отчаяние мое так же полно и окончательно, как когда-то было счастье, продолжаю настаивать: я не был шарлатаном! Да, я взял на себя дерзость сотворить чудо во славу Господа, в которого веровал всей душой, но разве до меня Бог не творил чудес человеческими руками? Я был грешен, я и сейчас грешен, хотя нет... сейчас это другое... но я не искал славы для себя! Я лишь хотел, чтобы розы цвели и не вяли к вящей славе Божией. Я любил тебя, Господи, как я тебя любил!...

Чудо надлежало рождаться в тайне и тишине, и я остерегался расспрашивать людей, я доверял только книгам, книгам, которые брал на другом конце города в библиотеке, в которую записался по отцовскому паспорту. Между мной и чудом не должно было быть никакой видимой связи, я даже старался не заходить в тот зал без крайней необходимости, хотя чувствовал временами, что задыхаюсь среди мраморных амурów, похожих на пластмассовых пупсов моей младшей сестры.

Следовало торопиться, и я "глотал" справочники и учебники с легкостью, которой никогда в себе не подозревал, так алчущий глотал бы, вероятно, живую воду. "Формула чуда" оказалась неожиданно проста, большую часть входивших в нее ингредиентов я смог купить в центральной аптеке, остальные нашлись в магазине с непрятательным названием "Химреактивы" —

то были разнообразные сложные соли. Словно средневековый фанатик-алхимик, я взвешивал почами драгоценные кручинки на купленных на развале химических весах исыпал отмеренные миллиграмммы в пузырек из темного стекла. В музее подсмеивались над синими кругами у меня под глазами, подозревая юношескую влюбленность. По большому счету, они были недалеки от истины.

Была среда - первый рабочий день музейной недели. За полчаса до открытия экспозиции в высокий узкогорлый кувшин налили свежей воды и поставили цветы. Я помню - там было три белых розы и две красных. В те несколько минут, когда смотрительница оставила зал, я успел высыпать в воду щепоть разноцветных кристаллов и скрыться в маленькой комнате между запасниками и канцелярией, которую выделили мне на время практики.

Следующие дни длились, как веревка для просушки белья, протянутая через комнату. Я не мог ни шагнуть в сторону, ни свободно вздохнуть, ни взмахнуть руками, я был стеснен, загнан в угол своим ожиданием. Удивительно, но чуда, подготовленного моими собственными руками, я ждал с такой смесью ужаса и упования, словно все мое участие в нем ограничилось пылкой и бессильной молитвой. Это ли не доказательство, что у всякого подлинного чуда только один Творец?.. - думал я.

Первый шепоток прошел по музею через две недели. Еще неделю спустя слухи просочились в город. В зале с новгородской и псковской иконописью стало людно, как не было никогда досель. Некоторые посетители приходили к самому открытию музея и простоявали перед иконами до вечера, на их лицах были страх и надежда, многие женщины плакали. Цветы простояли без малого полтора месяца, и к концу этого срока в музее даже в будние дни наблюдалось подлинное столпотворение.

Несколько дней я боялся, что воду и сами цветы могут послать на экспертизу и тайна моя раскроется. Действительно, такие предложения высказывались, но работники музея раз и навсегда заявили, что экспертизы не будет, а журналисты против обыкновения не настаивали. Удивительно, но в черством, падком на разоблачения городе не нашлось ни одного человека, пожелавшего чуду оказаться меньшим, чем чудо. Что-то странное происходило и со мной: первый раз после своего самозваного чудотворчества заглянув в этот зал, я долго не мог из него уйти, робкая, какая-то стыдливая радость поднялась из неведомых мне самому глубин и, дивясь и благодаря, я стоял посреди Божьего мира, мира, бывшего чудом и полного чудес, в немом, неторопливом благовении, похожем на забытье.

- Бога нет. Практика моя закончилась вчера. Бога нет. "Не верую, Господи, - не тронь моего неверия!" Мне страшно об этом думать, я снова лечу в бездну, но что мне делать, если Его нет? Я не умею обманывать себя, только других.

Прощание с отделом было до нелепости трогательным. Меня звали непременно возвращаться к ним на

дипломную практику, а Ольга Абрамовна даже сочла возможным намекнуть, что несмотря на трудности, испытываемые музеем, они, наверное, смогут оставить меня стажером, если я не передумаю заниматься русским барокко. Потому что "Вы же понимаете, Александр, науке нужен приток свежей молодой крови, в противном случае она будет стареть вместе с нами". Я понимал, я столько всего понимал, что отчаяние мое было беспредельно.

"Рече безумец в сердце своем - несть Бог." Пусть я безумец, - но кому от этого легче?! От этого не легче даже мне самому ... Во всяком случае, довольно фальшивых чудес во имя фальшивой веры. Завтра в незамутненную "чудесными" добавками воду поставят свежие цветы, и все пойдет по-старому. Цветы будут вянуть и умирать, как то и положено цветам, а я стану украшать стены вновь разверзшейся во мне безды яркими жизнерадостными наклейками-фантиками - таков удел человеческий. Роль чудотворца оказалась мне не по силам, я растерял даже те немногие утешительные заблуждения, которые имел. Горе мне.

"Яко семя тли во мне есть", о нет, не семя, уже далеко не семя, я весь пронизан этим тлением, я и есть это тленье, а Тебя нет. Не говорите мне, что "это бывает" и "это пройдет", не опошляйте моего неверия. И если я говорю о бедне, не стоит уверять меня, что это не более чем овражек, присыпанный палой листвой юношеских сомнений. Я вам не верю.

Мое неверие положит конец чудесам моей веры. Как это символично! - могут воскликнуть любители восклицать... Как горько... Я не Иов и не стану судиться с тем, кого нет. Я не жду ни справедливости, ни милосердия и прошу только об одном: оставьте меня в покое, не трогайте моего неверия.

Каждый день теперь я захожу в музей. Ольга Абрамовна видит в этом очевидный знак моей преданности делу русского барокко. Я ее не разубеждаю. С учебой дела обстоят из рук вон плохо, впрочем, на четвертом курсе это уже не важно. Да и вообще не важно. Розы стоят уже пятую неделю, как сказала мне смотрительница, добрейшая Анна Георгиевна, и все еще не думают вянуть.

Я спокоен. Знаю, рано или поздно я выведу на чистую воду того, кто следом за мной взялся за подделку чудес, и тогда этому "кому-то" не поздоровится. Музей устал быть причиной сенсации, затянувшееся удивление утомляет. Я думаю, они только порадуются моему разоблачению. Говорят, неделю назад образец воды из кувшина все-таки отвезли на экспертизу, но ничего особенного в ней не нашли. Меня это не убеждает, кто бы ни был этот "некто", он наверняка достаточно умен и расторопен, чтобы вовремя подменить воду и отвести тем самым от себя всякие подозрения. Это ведь так легко, списать все на чудо...

Иллюстрации Анны КУЗНЕЦОВОЙ

Наталья Чистякова

ГОЛОВАСТИКИ

Проза детства

СУНДУК

В комнате моей бабушки стоит большой плетеный сундук. Он посматривает на всех и как будто приговаривает: «Я ве́ць наистарейшая, наиважнейшая, требующая особенного уважения».

Сундуку уже более 100 лет. Еще моя юная прапрабабушка складывала в него приданое.

Раньше сундук запирался. Но ключ давно уже потерян. Однако сундук смотрит строго вокруг черными замочными щелочками. Не подступишься!

Зато чего только нет внутри! Какое счастье, когда бабушка позволит вдруг нам с сестрой заглянуть в него. Вот уж раздолье для фантазии.

Начинается игра. Все идет в ход: перчатки, жесткие кринолины, корсеты, веер, пожелтевшие кружевные воротнички... Годится даже старая

мужская шляпа, если ее украсить огромным страусиным пером, лежащим на дне сундука в отдельной коробочке. Теперь это уже шляпа принца. Я надеваю ее перед прапрабабушкиным зеркальцем и черной тушью подрисовываю себе усы.

И вот сундук совсем уже не страшный. Я похлопываю его по золотистому боку. Он добродушно улыбается, а чугунные прорези глаз смотрят дружелюбно.

Когда игра закончена, сундук несколько раз зевает и спокойно засыпает, укрытый бабушкиным полушалком.

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

«А что же, в них настоящая кукушка живет? - спрашивала Верочка, с любопытством поглядывая на громадные часы с боем, - надо будет спросить у мамы, чем ее кормят». «Ерунда», - деловито пробасил голос над моим ухом. Антон, по-хозяйски заложив руки в карманы, продолжал: «Никакая она не настоящая, да еще и лысая». «А-а...» - разочаровано протянула Верочка.

Внутри часов что-то заскрипело, щелкнуло, и дверца распахнулась. Лысая кукушка, выглянув положенное количество раз, скрылась. «Ну что? -

с видом бывалого знатока произнес Антон, - а ты кукушка, кукушка..." И, насмешливо присвистнув, скрылся.

Нам стало жаль лысую кукушку. Мы решили, что мастер просто забыл про перышки, а ей теперь, наверное, холодно.

Когда мы пришли в следующий раз, сестрёнка, осторожно поглядывая на Антона, шепнула мне: "Пойдем, навестим кукушку".

На цыпочках пробравшись в соседнюю комнату, мы остановились и стали ждать. Маятник на мгновение завис в воздухе, дверка раскрылась, и из часов выскочило что-то невообразимое, - пятнистое и малиновое. Мы с ужасом вытаращили глаза...

"Это наш Антон постарался", - раздался за спиной мелодичный женский голос.

Оказывается, он не только выкрасил кукушку и приделал ей малиновое перо на макушке, но и "подкармливал" ее - сыпал что попало возле дверцы: хлебные крошки, семечки, остатки утреннего омлета и прочее, несмотря на категорический протест всех домашних.

Теперь часы стали бить когда попало, а кукушка не куковала, а хрюпела.

ЛЮБОПЫТНЫЙ НОС

Моя сестренка Верочка очень любила подарки. В детстве перед своим днем рождения она просто места себе не находила, так ей было интересно, какой сюрприз на этот раз подготовили.

Однажды, когда Вере должно было исполниться шесть лет, случилась эта история.

Именинница удивительно спокойно вела себя перед праздником: не заглядывала во все углы, не просила показать подарки досрочно, не спрашивала бесконечно, скоро ли день рождения. Мама улыбалась и приговаривала: "Выросла наша Верочка!"

Но оказалось, что дело не в этом. Как-то вечером мы услышали горький плач. Кинулись со всех ног в комнату и увидели рыдающую Верочку.

Мы долго высматривали, что случилось, утешали, утешали, но Верочка молчала и только все сильнее и сильнее плакала. Чтобы хоть как-то ее успокоить, мама прибегнула к последнему средству. Она сказала мне: "Покажи Верочке подарки".

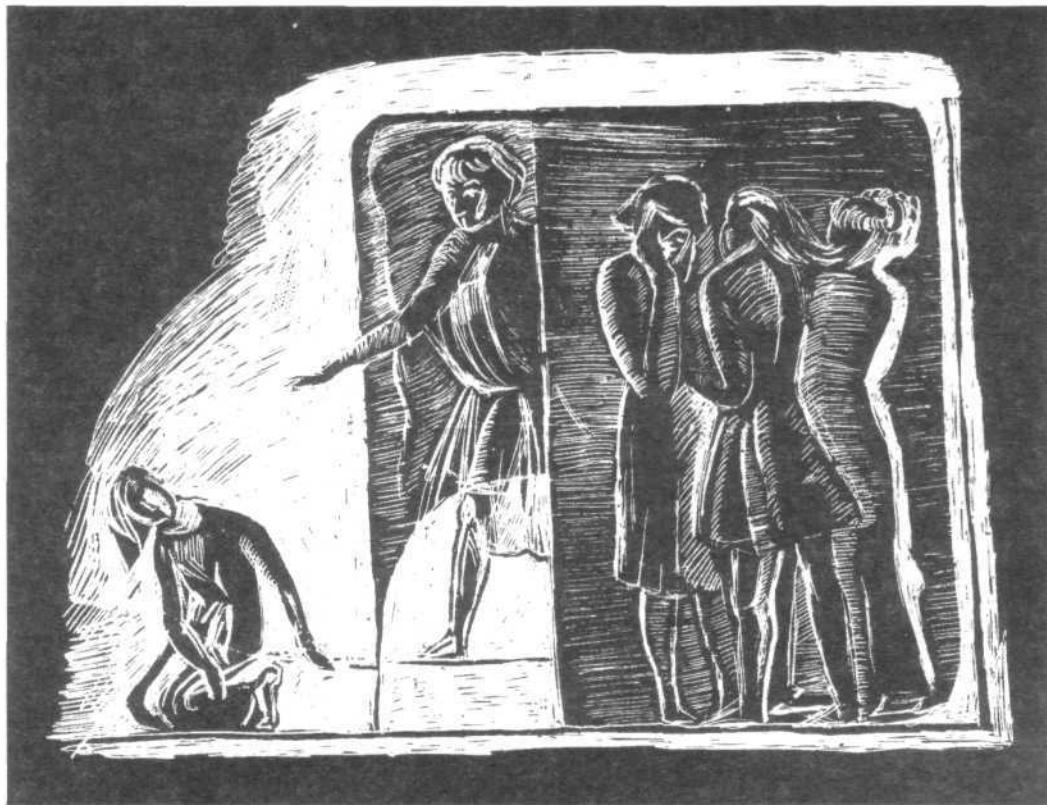
Маленькие ручки сестренки извлекали из-под дивана различные сверточки и коробки, но ни один не останавливал ее внимания. "А где же шкатулочка?" - спросила она. Тут все и раскрылось. Оказывается, Вера уже давным-давно обнаружила тайничок и каждый день пересматривала подарки. Сегодня она недосчиталась одного, к которому успела привязаться.

Конечно, никто не стал сердиться на Верочку. Шкатулку отдали, и сестренка радостно прижимала ее к себе. А мы все весело смеялись.

ДРУЖБА

"Опять ты Верку с собой привела?! Маленькая она еще с нами играть. Не могла дома оставить?... А-а-а, жалко? Ничего, поплачет - перестанет", - так приветствовали меня подружки, отвлекшиеся от веселой игры в "казаки-разбойники".

Верочка испуганно смотрела вокруг и крепко держалась за мою руку.

Подобное повторялось, как только я выходила на улицу. Вери с ворчанием принимали. Но на этот раз девчонки были особенно упорны.

Я взглянула на съежившуюся сестренку, и у меня внутри вскипело негодование: "Если вы ее не берете, я тоже ухожу!" "Как хочешь", - последовал ответ, и игра продолжалась. Мы остались одни.

У Верочки на глаза навернулись слезы. Я крепилась из последних сил. Мне нужно было обязательно что-нибудь придумать. "Ничего, - сказала я сестренке, - мы и без них обойдемся. Во что бы ты хотела поиграть?" Верочка взглянула на меня с надеждой и шепнула: "В "спортивную школу" ". Это была ее любимая игра.

Надо сказать, что мы смотрели по телевизору передачу и видели, как спортсмены прыгали с шестом.

Маленький турникет мы соорудили из веточек. Было очень весело. Щеки разгорелись, смех не смолкал. К нам начали присоединяться другие дети. Даже девочки, не захотевшие с нами играть, завистливо смотрели издали, а потом подошли и виновато просили взять и их тоже.

Мы, позабыв все обиды, принимали всех. Веселая, шумная ватага ребятишек слетелась со все-

го двора. Было устроено состязание. Победитель обходил круг почета, получал бравурную овацию и шутливый презент, а самых маленьких сажали на плечи.

До самого позднего вечера родители никого не могли увести домой.

А когда на следующий день мы вышли на улицу, со всех сторон закричали: "Наташа, Вера, идите к нам..."

ГОЛОВАСТИКИ

Был такой день... Лето. Жара. Начало августа. А мы, три сестренки, сидим в тени виноградника и едим сочную, спелую дыню. Рядом еще целая гора, до самой крыши. Бери и ешь сколько хочешь.

Лицо липкое. Пальцы липкие. На юбочках сахарные следы. Надо подойти к рукомойнику и умыться. Но так хорошо сидеть рядом, ощущая свежесть виноградных листьев, вдыхая знойно-сладкий аромат разрезанной дыни.

Вокруг нас вьются огромные золотистые осы. И создают в воздухе монотонно-сонный гул. Одна садится мне на щеку. Я вскрикиваю, отгоняю ее, машу руками в воздухе, но оса гудит все сильнее, все злее, налетает все стремительнее, и... я ощущаю острую, жгучую боль. Разражаюсь безудержным потоком слез. Верочка смотрит на меня

испуганно ярко-карими глазенками. Ирина уговаривает и, чувствуя, что бессильна, предлагает: "Хочешь, покажу тебе червячков, из которых вырастают лягушки?"

Я, забыв об укушенной руке, сгорая от любопытства, иду за Ириной к самому сырому и отдаленному уголочку сада, где прячется в кустах крыжовника большая замшелая кадка. Заглядываю внутрь в ожидании чуда, зачарованно смотрю на маленьких головастиков и высматриваю: "Ну когда же, когда они превратятся в лягушек?" "Не скоро, - отвечает Ирина, - уж во всяком случае не сейчас. Пойдемте играть в прятки."

Водит Ирина. Я залезаю на тяжелую неструженую лестницу, ведущую на чердак, заножу пальцами, закусив губу, прячусь в темном, пыльном углу за сундуком.

Никто не может меня найти. Я сама спускаюсь потихонечку и ни за что не желаю признаваться, где пряталась. Это остается моим маленьким секретом.

Наступает вечер. Окно распахнуто в сад. Сумеречно горит лампа... И тут я вспоминаю о головастиках. А вдруг они уже превратились в лягушек...

Боясь, что опоздала, высакиваю на бревенчатое крыльце, хранящее тепло летнего дня, и попадаю в иной мир. Ночь очаровывает, захватывает меня с мистической быстротой. Запах фиалки

кружит голову. Листья заманчиво шелестят, шепчут о чем-то. С неба свисают звезды, крупные, яркие; а высоко-высоко, будто лодочка эльфа, парит прозрачный молодой месяц. В каждой частичке, в каждом атоме ночи таится какая-то невысказанная прелесть. Неопределенная таинственная невысказанность подхватывает меня, уносит дальше в сад. Фантастическая мелодия рождается сама собой... как вдруг впереди мелькает чья-то тень. Я вскрикиваю и останавливаюсь.

Это оказывается мальчишка с соседней дачи, который недавно сорвал мне спелую грушу с самой макушки дерева...

"Как ты замечательно пела!" - говорит он. Я смеюсь и от неожиданности, и от смущения, и от необычного, еще не осознанного счастья. Поворачиваюсь, бегу к дому, вижу звезду, летящую с неба, и успеваю загадать желание...

ПОСТСКРИПТУМ

День начинался ужасно. Я растерянно стояла перед учительницей литературы, которая не уставала повторять, что на пять по литературе нечего даже рассчитывать, и пусть остальные говорят что угодно, - она другого мнения, и т.д., и т.п.

Когда учительница начала намекать на какие-то совершенно немыслимые прогулы, я не выдержала и расплакалась.

Чье-то прикосновение заставило меня вздрогнуть и поднять глаза...

Одноклассник встал между мной и учительницей, с жаром что-то ей доказывая. В совершенном недоумении я успела разобрать только последнюю фразу: "И вообще, никогда, никогда не смеите ее так мучить!"

Всю оставшуюся перемену он успокаивал меня, говорил всякие разные глупости, но в конце концов я улыбнулась.

В аттестат он получил единственную тройку, по литературе. А я все-таки отлично. И мы оба знали почему.

На выпускном вечере он ни разу не пригласил меня танцевать. Мне было горько, очень горько...

Но в конце сентября он позвонил и неожиданно выпалил: "Знаешь, я дурак, я глупец! До сих пор жалею, что не танцевал с тобой... Я люблю тебя! Боялся, что все поймут..." И прибавил совсем тихо: "Выходи за меня".

2001 г.

Иллюстрации Наталии ЯТЕЛ

Максим Яковлев

ВОЗНЕСЕНИЕ

Рассказ

Капитан областного РУБОП Виктор Кутепов молился и не мог унять раздражения. Раздражало всё, но более всего то, что он совершенно ничего не чувствовал, ничего не имел в себе, кроме разве что некой, почти служебной, обязанности быть в известное время здесь, в этом храме, на литургии, поскольку он тоже, как-никак, входит в число православных христиан. Раздражала бесчувственность и непонимание, раздражало даже само это безудержное раздражение, распространявшееся на всё и вся...

Он стоял как всегда справа от аналоя, у большого расписного распятия, за которым голосил и переругивался их неизменный деревенский хор, причиняя слуху невыносимые муки. Начинали они еще более-менее сносно, но потом бабка Варвара властно уманивала бабу Таню и бабу Веру в свою заунывную колею и уводила в такие извилистые переливы, в такие страдательные окончания, что хоть святых выноси, ей-Богу! Сегодня ее особенно заносило, и баба Таня пыталась как-то перетянуть на свое, но куда там. И несколько раз было слышно, как споровистый батюшка, подбегая к ним, бранил ее без подобающей сдержанности, на что бабка Варвара отвечала, что сегодня "не хватает духа", чему в свою очередь отец Сергей не придумал, чем возразить, и больше уж не подходил к ним до конца Литургии, видно, махнув на нее рукой...

Капитан смотрел на иконостас. На месте его висел когда-то латаный-перелатанный экран сельского клуба, глядя на который из темноты, пропахшей детскими их одежонками, обмирали они от стоявших перед ними "Кашея Бессмертного" и "Фантомаса", и как, бывало, бились сердца их за "наших" разведчиков и солдат, падавших к ним в разрывах и комьях земли, и какая стояла тишина в этих стенах, когда поминали тут летчиков из "первой поющей эскадрильи", и как вскакивали они со скамеек, как орали от восторга, когда влетал сюда крылатый Чапаев и Александр Невский, с гусарами и ковбоями! О, сколько крови дымилось здесь, сколько свалено трупов и тел! Сколько было огня и пыли! обжигающей белой пустыни!

ни! сколько штормов! сколько индийской любви!.. Вспомнилось, как рыдали они над Гаврошем и над Мухтаром, как расплывались от мокрых глаз умиравшие тут Ромео с Джульеттой, и конечно, "Генералы песчаных карьеров"... и сочились из этой тьмы тысячи мерцающих детских слез... Но были, правда, и другие слезы - от удушающего, заливистого гогота, до стона и колик, и ржали от комедий так, что дрожали старые побитые стекла и где-то под куполом начинался гул...

Что они делают здесь? Сейчас? Глядя теперь на этот резной цветастый иконостас, - взрослые, пожилые, с побитыми судьбами люди, выросшие из тех деревенских пацанов и девчонок? На что они смотрят тут? На Спаса? На Богородицу? На Царские врата? Зачем? Что им тут надо? Слушать это жалкое пение? А что же тогда? Что еще? Зачем они здесь стоят, согнувшись под терпким дымом кадила? Молятся?..

Вот бабка Варвара, живет одна, любительница советы давать да поговорить, ей только попадись, не отвяжешься. Сейчас потащится к себе да начнет по соседкам ходить, рассказывать, кто как пел сегодня, да как отец Сергей ругался. Вот стоят с ней баба Таня с бабой Верой, неразлучные, как две ивы в пруду, обеих мужья лупили по пьяни, да оба и померли. Сериалы вместе смотрят, одна у другой, а на свадьбах частушки поют хулиганские. Скоро завезут им внуков на лето, начнут бегать за ними по дискотекам... Или вот Власиха стоит - "крутыЙ Уокер", деда своего и зятя держит как в цирке - на задних лапках ходят, вон, стоят за нею, не шелохнутся. Сама на джипе ездит, курила, как самовар... сейчас вроде бросила, шпана, и та от нее шарахается - ненормальная! Вон Анатолий стоит в углу, три года назад жену убил, говорят не нарочно... как напьется, идет к ней на могилку, "помирать", зимой чуть не замерз, да вовремя спохватились. Кто там еще? Катерина в брюках стоит, муж наркоман, от чужого мужика родила, да еще племянницу к себе взяла, туберкулезную, козым молоком отпаивает. Похоже, опять беременная. Вот дядь Паша, отсидел свое, приехал к матери погостить, да так

и остался. Жену бросил, на местной женился. Сын приезжал с дружками, избили его до полусмерти. Да кого ни возьми: тот больной, тот чудной, тот измаянный... Калека на калеке... Бабки ходят, огарки гасят на свещнице, свечки переставляют - придут домой, станут косточки перемывать.

Все разойдутся по грехам своим, до следующей службы, придут и опять будут стоять и кланяться...

Так что им тут надо всем? Тут храм Божий. Тут Небо на земле! А кто на этом Небе стоит-то? Бабки Варвары, да Власихи, да Анатолии с Катеринами?.. Что они делают тут? Кто они? Может быть, они христиане? Может быть, они идут за Господом? Радуются? По-своему, как умеют, где-то непрглядно глубоко, внутри... совсем крохотно радуются, несмотря ни на что, о Нем? Ковыляя и падая и разбиваясь? Пытаются карабкаться, ломая ногти?.. Может, они и жизнь за Него отдаут? Бабка Варвара, отдаст? Неужели отдаст? И пойдет на смерть и на муку? И дядь Паша? И баба Таня с бабой Верой? И Катерина?

Вот это-то и странно. Ведь им ничего не ясно, ничто не открыто, не явлено, не гарантировано! Вот что непонятно мне. Необъяснимо.

Кто-то икнул, кто-то вышел... Нет, люди как люди. Притворяются...

Ну где ж тут Небо, Господи? Не чувствуется, хоть убей! Все стоят, все - грешные, и ничего больше нет!

Наконец наступила пора "Символа веры", который, как, впрочем, и "Отче наш", все односельчане пели строго за голосом капитана. Это были его минуты. Виктор пел размеренно и громко, и все держались за ним, не вылезая и не обгоняя его, как караван за своим ледоколом. Побаивались. Но сегодня и он запнулся в середине "Символа" и перепутал слова, а в "Отче наш" вместо "лукавого" почему-то пропел "лукававо", и расстроился окончательно.

После службы народ, бестолково толкаясь, ринулся целовать крест и руку священника, и Виктор еле сдержался, чтобы не двинуть кому-нибудь локтем. На душе было пусто и гадко.

Выйдя из храма, все увидели стоящую у самых дверей черную "Волгу" и несколько дорогих иномарок, а за ними и новоизбранного главу района, в окружении чем-то похожих на него людей. Виктор обошел машину и остановился. Он видел, как послали за священником, но тот вышел не сразу, и глава района нетерпеливо оборачивался,

глядя на паперть, и те, которые были с ним, тоже поворачивались в ту же сторону. Батюшка вышел, поправил крест и деловито направился к ожидающим. А Виктор, нагнувшись к водителю, сказал ему, чтобы отъехал подальше, но водитель не пошевелился. И капитан решил не усугублять неприятностей, перекрестился с поклоном храму и пошел домой.

Глава района, показывая округу, поводил руками и корпусом, и все похожие на него, тоже, как один, поводили своими корпусами вслед за ним и кивали улыбающимся и розовыми головами.

- А?! - ликующее вскрикнул глава района. - Каков пейзаж! Что я говорил? Смотрите, какие у меня места тут! Какое небо! Какие дали отсюда! Посмотрите мои поля... А роща, а? Куинджи! А луг? А река? А храм? Шестнадцатый век! - он кинул взгляд на деревню, -... и народ неплохой, так что...

- Да-а, - гудели солидно вокруг него, - повезло, Виталий Никитич, красотища...

Дальше Виктор слушать не стал. Он с ходу развернулся и шагнул прямо к ним. Отец Сергей рванулся остановить его, но было поздно, капитан стоял уже вплотную к телу главы района, ухватив его левой рукой за лацкан распахнутого пиджака, а указательным пальцем правой, твердым, как ствол нагана, размеренно стучал в это тело, приговаривая:

- Храм - не твой! Небо - не твое! Поля - не твои! Роща - не твоя! Речка - не твоя! И народ - не твой, понял? И пиджак на тебе - не твой, и штаны на тебе - не твои!.. Нету тут твоего!

Батюшке удалось-таки оттащить его от главы и увести от греха подальше с пригорка, вниз, через дядь Пашин прогон, к остановке.

Дальше Виктор пошел один, не оборачиваясь и матерясь на себя и на все земное начальство...

Дома ждал его завтрак. Он умылся и сел за стол. Жена поставила перед ним яичницу и картошку.

- Достань-ка мне это... - сказал он.

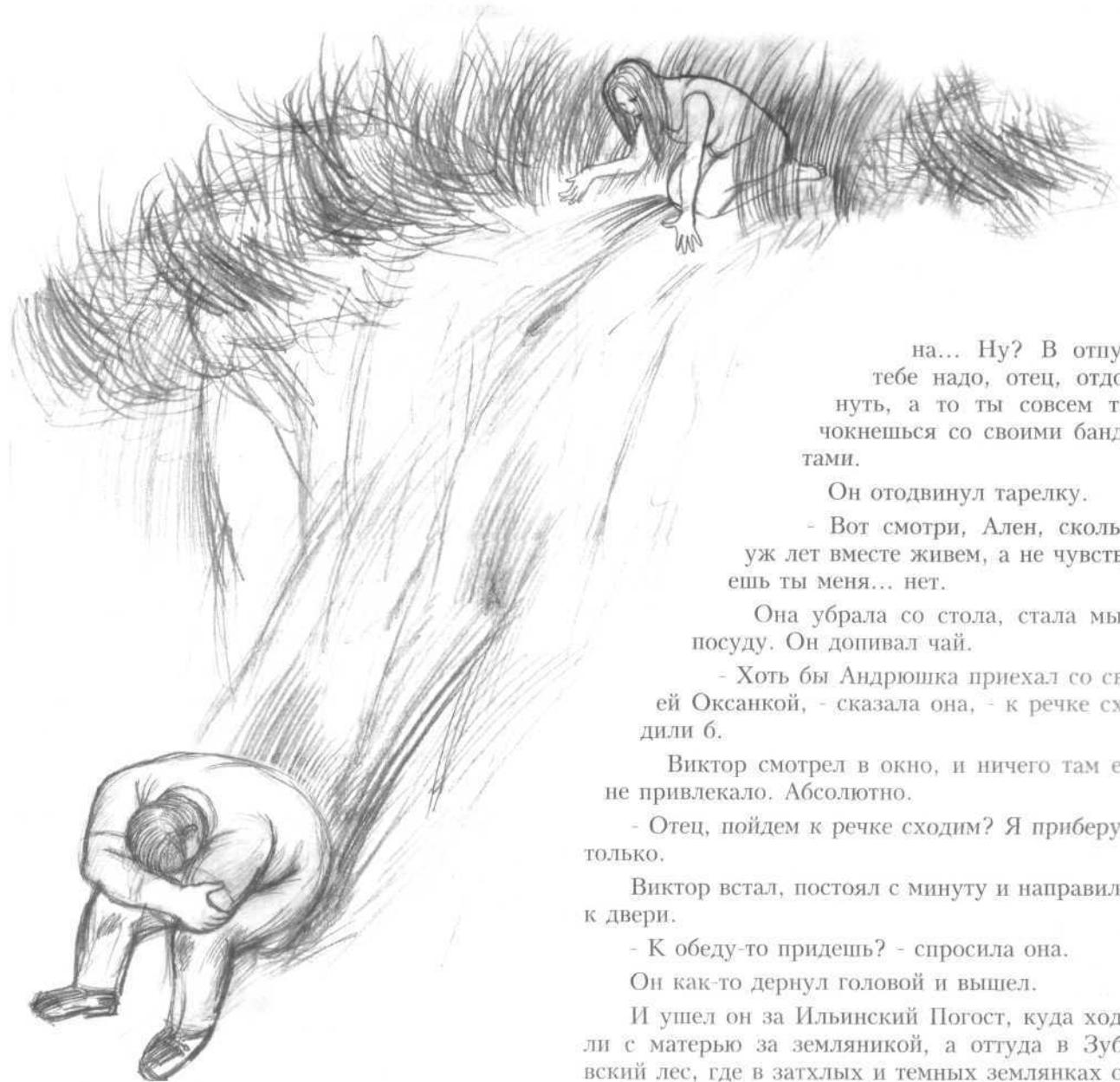
Она открыла холодильник и достала бутылку.

Он вздохнул, налил полный стакан и выпил.

- Почему с "херувимской" ушла? - спросил он.

- Прихватило что-то, - поморщилась она.

- Опять?

на... Ну? В отпуск тебе надо, отец, отдохнуть, а то ты совсем там чокнешься со своими бандитами.

Он отодвинул тарелку.

- Вот смотри, Ален, сколько уж лет вместе живем, а не чувствуешь ты меня... нет.

Она убрала со стола, стала мыть посуду. Он допивал чай.

- Хоть бы Андрюшка приехал со своей Оксанкой, - сказала она, - к речке сходили бы.

Виктор смотрел в окно, и ничего там его не привлекало. Абсолютно.

- Отец, пойдем к речке сходим? Я приберусь только.

Виктор встал, постоял с минуту и направился к двери.

- К обеду-то придешь? - спросила она.

Он как-то дернулся головой и вышел.

И ушел он за Ильинский Погост, куда ходили с матерью за земляникой, а оттуда в Зубовский лес, где в затхлых и темных землянках обжимали с парнями девчонок, а лес почти весь в завалах, после прошлогоднего урагана, корневища торчат медведями, и грибов тут, похоже, не будет.. Потом гороховым полем дошел до Каменки, совсем обмелевшей, и увидел байдарочников и палатки с навесом, а в детстве ловили тут раков и жгли костры, пугая друга друга страшными историями про утопленников...

Виктор чувствовал, что тяжесть все еще остается в душе, хотя уже не давит так сильно. Поднялся к кладбищу и нашел два родимых холмика, матери и отца. Он огляделся и лег между ними на спину и закрыл глаза. И подумалось ему, что если вот умереть, то в рай ему сейчас не попасть,

- Отпустило уж маленько. Пройдет.

Аппетита не было, он тыкал вилкой в яичницу. Шрам на щеке вздулся и покраснел.

Она смотрела на него.

И он не выдержал, рассказал ей про все, что было у церкви.

- Отец, ну что с тобой? - сказала она, улыбнувшись. - Тебе отпуск нужен, ей-Богу.

- Да при чем тут отпуск!

- Да при том. Ну что он такого сказал? И мы также говорим: моя деревня, мой дом, моя стра-

это уж как пить дать, а значит, не увидит он и никогда не встретит больше ни матери, ни отца... никогда, никогда... И они там тоже не дождутся его, никогда. Может, смотрят на него оттуда и плачут. Но в раю же не плачут, там радуются. Значит, они смотрят на него и радуются? Нет, это абсурдно, бесчеловечно...

- Помогите мне, - сказал он, - один я...

Холмики молчали. В ложбинке было прохладно, он чувствовал лопатками влажную мякоть травы, и впервые - эту ровную покатость земли, планеты...

Он открыл глаза и увидел синее-синее небо. Рассыпал жаворонка...

Как будто захотелось домой... К Алене... Он знал, что сейчас там тихо и убрано, всё на месте. Неужели это все, что нужно ему? Неужели он настолько прост, что просто... понимающее прикосновение жены и взгляд, и голос?.. Неужели вот в этом Бог? Да нет, конечно! Бог, Он должен быть в другом, совсем в другом... то же самое мог бы чувствовать и неверующий.

- Господи, если мы верим и молимся, то где же Ты? Так чтобы мы почувствовали Тебя, хоть чуть-чуть? Должна же быть разница между ними и нами! Я не прошу у Тебя знамений и ангелов, мне бы только хоть раз узнать, ощутить: как это, - то что Ты с нами?.. Где Ты?

Он еще подождал немного, но ничего не случилось.

Тогда он поднялся и усмехнулся. Решилходить к роднику. Там было тенисто и тихо. Прозрачнейшие струи выбивались из каменистой земли, бесшумно сплетаясь друг с другом, переполняли неглубокую выемку и превращались в ручей, стекавший в заросли ивняка и осоки. Виктор встал на мостки, расстегивая пуговицы рубашки.

Все затмилось единственным неодолимым желанием: скорее черпнуть ладонями студеной водицы, охладить, освежить горячее от солнца и крови лицо, окатить прохладой саднившие от травы и сухого ветра руки и грудь, и напиться, напиться досыта, до ледяного горла, и он уже нагнулся за этим... как вдруг почувствовал, ощутил всем затылком чай-то настойчивый просиявший взгляд, обращенный именно к нему, и вместе с тем, как будто, тихий, приветливый смех. Виктор разогнулся и, обернувшись, заметил наверху Алену. Она стояла в прогале бересовой рощи, у самого высокого спуска к ручью, стояла и смотрела на него, спокойно опустив руки. Ветер качал березами, обдувал на взгорке траву, но казалось, что ни

одна складка не дрожит на ее легком платье, ни одна прядь волос - на ее внимательном, чуть удивленном лице. Он видел всю ее фигурку, одинокую светлую фигурку на лесном ветру, не помявшую ничего вокруг, кроме ...

- Это жена моя, - произнес он, вглядываясь в нее.

Но от этих слов, сказанных вполне бессознательно, сжалась душа его. Непонятно почему. Сжалась и все.

Он сделал два шага навстречу и остановился, не сводя с нее глаз.

"Почему она не улыбнется, не прищуриваеться, как всегда?.. Что-то, видно, случилось".

- Ален, это ты?

Он пошел к ней, взбиравясь на взгорку, и в душе его не было ничего, кроме испуганного немого предчувствия.

Когда он наконец встал рядом, она все так же смотрела в него, так же легко и внимательно, и неподвижно, как обычно смотрят в себя.

- Ты чего? - спросил он.

- Искала тебя, - ответила она.

- Чего меня искать... - выдохнул он и понял, что ничего страшного не случилось, что пойдут они сейчас обедать, и все, что бурлило в нем, куда-то ушло.

- Пойдем, - она взяла его руку за тяжелые пальцы и пошла, потянув за собой, на шаг впереди него. И он пошел за ней, впервые так послушно и просто, и не знал, откуда это.

- А чего смеялась? - спросил он.

- Я звала тебя, а ты не слышал, - ответила.

Они дошли до развилки, впереди было поле, зеленеющее по пашне частыми, узкими полосками; по другую сторону, за оврагом, уже стали показываться огороды. Мелькнул и дом их оранжевой крышей.

- Мы пойдем на Горку, - сказала она как можно спокойнее.

И они повернули на поле, в середине которого, рассекая его на две части, возвышалась Колона Горка.

Вот теперь он знал, куда они идут и зачем. И был он поражен этим, и смотрел теперь на нее и не мог поверить, смотрел, боясь за нее, и понимал, что не остановит ее, даже если бы захотел. И она, не оборачиваясь, смотрела на него, помогая ему не говорить ни нужного, ни лишнего, ничего...

В тот день, когда умер их первый и последний малыш (недоношенная кроха, трупик, который затащали по лабораториям, не осталось ни фотокарточки, ни могилки), он, обегавший в поисках жены всю округу, нашел ее только здесь, уже в сумерках, по дрожавшему слабому облачку на вершине - вцепившуюся насмерть в траву с пустыми, смотрящими в тучи глазами. Отбивалась, не хотела никуда уходить. Он принес сюда телогрейки, одеяла, спирт, какую-то kleенку, соседи дали таблетки... Ночевали здесь же, под дождем. С того дня и посыпалось у нее: воспаление, больница, осложнение, заражение, операция, потом опять что-то "по-женски", еще две операции и приговор: детей больше не будет. На эту Горку смотреть не мог, взорвать хотел. Долго еще рана эта катала их, перекатывала... Потом вроде ничего, послал им Господь Андрюшку, племянника, на воспитание, ужились, срослись вместе, вместо сына был.

Пришли.

На то самое место поднялись. Видит он: на траве полотенце, бутылка вина, пирожки, миска с салатом... Повернулась к нему и растерялась:

- Ох, волнуюсь, отец... погоди. Сегодня... сегодня...

"Ну невозможно смотреть на все это!"

- Ален, ну зачем ты... ну помянули бы дома, ну? Ну с чего ты вдруг, столько лет уж...

Он обнял, прижал ее к себе, окружая, загораживая собой, отнимая от горя, от смерти, от ужаса...

- Не надо, Ален... Не надо, девочка.

- Да нет же, отец, не то! - она неожиданно сильно прижалась к нему. - Вить, я... у нас...

Виктор почувствовал, как земля уходит у них из-под ног, как глаза его больше не видят ни поля, ни рощи, ни крыш, ни неба, но один лишь свет, огромный, объявлений, поющий под ветром, свет!..

- Понимаешь? - прошептала она где-то в его груди.

Конечно, он хотел ответить, сказать и крикнуть, но было нечего! Что-то в горле такое, отчего даже кивнуть толком не удается.

- Понимаешь? - шепнул ему ветер.

- Понимаешь?

- Понимаешь?..

Рисунок Дмитрия ПЕТРОВА

PUTEVODITEL' PO RUSSKIM GORODAM. ISTORIYA, SVATYNI, MUZEI.

Составитель Дмитрий Семеник.

М., Паломник, 2002.

Необыкновенно интересный путеводитель: его можно читать не только в дороге, как справочную литературу, но и дома, как увлекательное чтение, поскольку он содержит рассказы о всех главных исторических событиях жизни русских городов, например, глава о Рязани включает древнерусскую "Повесть о разорении Рязани Батыем" (в сокращении).

Кроме того, из путеводителя можно узнать о самых известных храмах, святынях, монастырях (прилагаются адреса, проезд, расписание служб); сведения о памятниках архитектуры, музеях (краеведческих, исторических, литературных, художественных), об особенностях городского быта, адреса и телефоны гостиниц (с примерным указанием цен). Подробно указан проезд: вплоть до расписания поездов и электричек, полезные советы.

Составитель Дмитрий Семеник включил в путеводитель раздел "Субъективно", в нем переданы личные впечатления и ценные замечания, которые делают описание более выразительным и сообщают необходимые штрихи к портрету города.

Например:

"ТУЛА. ...Город по характеру - Левша: простой, мастеровой, не унывающий. В центре сохранилась старинная застройка и атмосфера. Для званых гостей работают пряничные заводы, для незваных - оружейные". (Стр. 85).

Или:

"СМОЛЕНСК. ...Ощущение большого, интеллигентного города. В белорусском акценте жителей и количестве белорусских товаров чувствуется его пограничность. Чувствуется она и в западной архитектуре старых зданий. Жителям присущи белорусские терпимость и гостеприимство. Патриархальность проявляется в котах на заборах, лае "злых" собак и снегирях на ветках (зимой)". (Стр. 163).

Путеводитель включает описание 18 русских городов и будет замечательным помощником в путешествиях по ним.

В.Б.

ЖИЗНЬ - ЭТО ЗИМА, БЕЗ КОТОРОЙ НЕ БУДЕТ ЛЕТА...

И в церковной, и в нецерковной жизни существует понятие подвига.

Этим громким словом называют разные поступки: когда на войне человек закрывает собой других; когда в концлагере вместо матери, имеющей детей, в газовую камеру добровольно идет незнакомая ей женщина; когда врач или медсестра самоотверженно выхаживают больного и умирают, заразившись от него.

Семейная жизнь относится к тем незаметным подвигам, которые многие люди и не посчитают таковыми, а скажут, что "семья – обычное дело, бытовуха, все просто, и так и должно быть".

Мы предлагаем вам несколько материалов о недавно умершем человеке, женщине, матери троих детей, Оксане Куряковой, – краткая биографическая справка, составленная ее друзьями; письмо подруги, написанное уже после смерти адресата; несколько слов прихожанки оксанинского храма и самое главное – отрывки из повести, которую Оксана писала в последний год своей жизни.

Небольшая повесть в двух частях – это очень искренний, честный рассказ о самой обыкновенной семейной жизни (разве что по тяжести испытаний – необыкновенной), а так – все очень просто. Полностью опубликовать повесть не позволяет объем журнала, но по отрывкам можно судить о целом.

Поэтому предлагаем читателям самим составить мнение об этой жизни – чего в ней больше – обыденности, скуки, надоевшего быта (все то, что ставят в укор семьям) или настоящего подвига, осмысленного и глубокого, который стал возможен благодаря тому, что Оксана поняла наше земное существование как путь к Вечности.

ПИСЬМО В ВЕЧНОСТЬ

Оксанка, привет.

Наконец имею возможность высказать свои чувства к тебе. При твоей жизни я сделать этого не могла, ведь христианам не пристало хвалить друг друга в глаза. Хотя мы уже были знакомы заочно, и кое-что о твоей жизни мне было заранее известно, но все-таки реальная встреча превзошла ожидания. Слишком многое схожего в нас самих и в наших судьбах. Только вот как же так? Моя жизнь налаживается, пускает корни, а твоя — трещит по всем швам. Так захотелось приласкать, защитить тебя. Ты так много искрение говорила о себе с самой первой встречи, что это даже вызывало недоумение, и лишь потом становилось ясно, что если ты не будешь этого делать, а будешь держать все в себе, то можешь просто не выдержать. Надо выговариваться, выкладывать эту тяжесть наружу, чтобы не давила так сильно. Я со своим максимализмом обычно долго приглядываюсь к людям, прежде чем принять к себе в сердце, а тебя приняла сразу целиком, "со всеми потрохами". Крест твой виделся мне действительно огроменным и тяжеленным. Но несла ты его без какого-либо удивления, что нести надо именно тебе.

Некоторые вещи просто потрясали. Приходил как-то к тебе после возвращения из роддома с Вовиком. Ты сидишь с ним на кровати и кормишь его одной грудью. А другой груди просто нет. К тому времени тебе ее уже отоперировали. "Ого, — подумала я,

— бывает, что и двумя не хотят вскармливать, а тут одной кормят, и ничего, кушает." А Марфа — это вообще разговор отдельный. Когда она впервые впорхнула к нам в храм, а это было на Рождество, было ощущение, что это какой-то оживший солнечный зайчик. Столько тепла из нее лилось, и совершенно не было той печали печали и обреченности, которую часто несут на себе дети-инвалиды. Да, в верующей семье и инвалид — не инвалид, а создание Божие, душа бессмертная.

А что касается твоей инвалидности... Ты знаешь, я об этом даже забывала. Настолько твой насыщенный, на износ, образ жизни исключал все мысли о болезни. Никогда не видела тебя степенно идущей. Все носилась, как беговая лошадка. И вот на фоне этой беготни начала похрипывать. Но все не до себя, естественно. Муж, дети — все понятно. Болеть некогда, и думать о болезни тоже. Когда выяснилось, что это метастазы, ты так искренне удивилась: "Надо же. А я думала, что никогда к этому уже не вернусь"...

На Вербное по дороге в храм нагоняем: Виктор с мальчиками вперед ушли, а вы с Марфушкой сдали еле идете. И слезы у тебя текут так беззвучно, так сильно текут. "На химию больше не пойду — лучше умру дома".

На Светлой собрались в Питер. В поезде ты все переживала, что кашлем будешь будить пассажиров.

Биографическая справка

Оксана (в крещении Ксения) Курякова родилась 7 апреля 1969 года. Жила в Пскове, сразу после школы поступила на русское отделение филологического факультета МГУ. Окончив университет, некоторое время преподавала английский детям.

Вышла замуж. Первый сын, Ваня, дался тяжело — и беременность, и роды были очень трудными. Когда Ване было два года, семья стала воцерковляться. Сначала Виктор, а за ним и Оксана обратились к Церкви, повенчались.

Говорят, что семейная жизнь очень редко бывает легкой (да и несемейная тоже, может быть, правильнее сказать, что настоящая жизнь не бывает легкой?). Оксана объясняла трудности в отношениях между людьми так: "Раньше, до встречи со своим принцем и некоторое время после, она (то есть автор, сама Оксана. — Прим. ред.) наивно полагала, что любовь — это радостный взрыв в душе. Потом оказалось, что любовь — это тяжелая работа по преодолению последствий этого самого взрыва. Ведь никакая, даже самая счастливая встреча не может в одночасье наделить человека любящим сердцем. Любить очень трудно. И взрослых, и детей. Трудно любить чужих детей и нелегко своих".

В 1991 году на свет появилась Марфа, очень скоро обнаружилось, что ребенок нездоров — гидроцефалия, а потом проявилась и генетическая патология. Примерно через год после рождения дочери Оксана был поставлен диагноз: рак груди. Оксанины слова о себе: "...легче болеть своей болезнью, чем переживать болезнь ребенка. Когда выяснилось, что у дочери генетическая патология... это стало потрясением. Тяжелейшим для такой слабой, самовлюбленной,

На Смоленском кладбище оказались часа за три до литургии. Зябко. Померзли. Почитали надписи на могилах. "Вот бы здесь быть похороненной, но все места, к сожалению, уже заняты". Причастились. Пошли в часовню... Один молебен, другой, следующий. Время остановилось, уйти просто невозможно. Чувствовалось, что важнее в жизни ничего не было. Сейчас, здесь решается судьба любимейшего человека, судьба его семьи... Перекусили между уже полюбившихся склепов. "Я, пожалуй, тоже бы хотела быть тут захороненной. Кажется, мы обрели свою историческую родину." Еле ушли. Хотелось еще в Иоанновский монастырь и в Лавру. Быстрым шагом идем по платформе к поезду. "Слушай, я совсем перестала задыхаться. Дышу как в детстве. И это при такой быстрой ходьбе." Еще бы, со столькими святыми сегодня общались.

На лето семейный совет постановил отправить тебя с детьми на дачу к маме. Я приволокла тебе свои летние вещи:

- На, носи! Я все равно этим летом беременная.
- А ты не боишься заразиться?
- Нет, не боюсь.

Ты так хорошо мне улыбнулась, что не боюсь. Мы прощались до сентября. Сколько разных планов касательно детей. А потом пошли тревожные сообщения. Ты все слабеешь и слабеешь. Поехал муж, потом Нинка. А мы как раз жили в вашей квартире и принимали все эти известия. "Утром плохо, днем еще хуже, вечером совсем... Обезболивание не дают,

говорят, что полис московский. У нее глаза, как на схватках. Только схватки рано или поздно кончаются, а тут конца-края этому не видать."

За три дня до смерти родственникам все же удалось договориться с хосписом. Ночью на Владимирскую я проснулась на твоей кровати от страшного сна. Посмотрела на часы. Пять. Днем позвонила Нина. "Оксанка накануне причастилась, соборовалась. В пять утра проснулась и умерла."

Оксанка, ты знаешь, я до последнего не верила, что ты умрешь. Мне казалось, что ты все так правильно делала. И до последней минуты я верила в чудо. Но смерти твоей я так боялась, так противилась ей, по своему маловерию. Но ведь чудо-то состоялось. Чудо - это встреча моя с такойпрепростой, искренней, наивной, кроткой и мужественной твоей душой. И теперь попечение твое о муже и детях совсем другое - это твоя молитва, а здесь о них заботятся, ты не переживай. Таких друзей, как у тебя, дай Бог каждому. Я больше не размышляю на тему, почему ты все-таки ушла от всех нас. Я стараюсь верить в то, что все промыслительно, и время все расставит по своим местам. Крепко тебя обнимаю и прижимаю к своему сердцу. Молись за всех нас, кто знал и любил тебя. До встречи.

КСЕНИЯ.

P.S. Последней твоей зимой ты подарила мне шапку, но она мне была великовата и все время съезжала на глаза. Я, не умея трепетно относится к подаркам, решила: "Зачем лишняя вещь в доме?". По-

новоначальной. Она сломалась и заболела. Парадоксальным образом это (ее болезнь) помогло ей одуматься и укрепиться".

Больница, операция в Москве, химиотерапия в Пскове. Там - налаженный быт, уют, чистый воздух, помогают родственники. Мама Оксаны, Галина Ивановна, взяла на себя весь груз забот о дочери и внуках. Можно было остаться в этом уюте, поберечь себя, но как же тогда муж, с которым она "одна плоть", как семья? Вопреки уговорам родных Оксана возвращается в Москву, к мужу, к храму. Здесь всегда готовы выслушать и помочь старые друзья по университету, появляются и новые друзья - соседи по дому, прихожане храма. Тут уже не до своей болезни, приходится заботиться о муже и детях (одному скоро в школу, у другой такое состояние, что врачи долго не могут поставить диагноз), а все мелкие хозяйственные дела, отнимающие так много сил и времени и у здорового человека, ложатся, само собой, тоже на нее, мать семейства. Виктор, мастер на все руки, работал в храме, дома его почти не было видно.

Следующую беременность Оксана долго скрывала от своих псковских родственников, так как они считали, что в ее ситуации и двое детей - слишком много, да и врачи говорили, что ей рожать нельзя.

Но болезнь как будто отступила, родился Володя, и Оксана даже кормила его одной грудью.

Зимой 2001 года здоровье резко ухудшилось. Когда в середине Великого поста удалось пройти обследование, обнаружились множественные метастазы, оперировать было уже поздно. В середине мая она уехала в Псков, чтобы с мамой и детьми пожить на даче, а 6 июля умерла.

пытаясь отдать ее соседке, но та меня развернула. И снится мне сон. Солнечный денек. Мы сидим на за-валинке: ты, Нинка и я. И ты немым укором - в этой самой шапке. Нам отчего-то очень весело. Мимо проходит кто-то из знакомых. Ты обращаешься к нему, а он не слышит. Тогда его окликаю я - он останавливается. И нам становится ясно, что видим тебя только мы с Ниной, а другие не видят. Проснулась, подумала: "Нет. Шапочку я, пожалуй, никому не отдам. Сами носить буду".

* * *

Я не знала Оксану лично. Только видела в храме и слышала, что говорили о ней. "Бедная, бедная, бедная". А когда читала ее записки, то чувствовала, что она намного счастливее меня. Вот такое неуловимое и сложное понятие счастья: можно не иметь ребенка-инвалида, не болеть смертельной болезнью и при этом быть очень несчастным человеком. И наоборот.

Мы все - люди - очень зависим друг от друга. Наши поступки незаметно для нас влияют на еще чьи-то судьбы. Оксанина жизнь - это такой пример без громких слов, как можно жить, когда очень тяжело. Оксанина короткая жизнь - это движение. Путь по той самой лестнице, о которой в повести мама рассказывает детям - лестнице в небеса. На этом пути может быть разный темп и способ передвижения: кто-то бежит, кто-то карабкается, кто-то часто падает и встает с помощью других. Всякое бывает. Вот и оксанина душа прошла по этому пути и ни одного креста своего не бросила, все донесла. Как хо-

телось бы поблагодарить ее за мужественность и верность, за любовь к мужу и детям. Но ей нужна не благодарность, а наша молитва. Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Ксении и прости ей все прегрешения и даруй ей царствие небесное.

ОЛЬГА

Остался текст ее дневниковой повести о детях в двух частях.

Первую часть Оксана начала писать летом 2000 г. на даче в Пскове, а завершила осенью в Москве. Материалом послужили не только воспоминания о событиях собственной жизни и наблюдения за детьми, но и дневниковые записи оксаниной мамы, Галины Ивановны, о своих детях. Весной 2001 года окончательный вариант первой части уже ходил по рукам и рассыпался знакомым, а Ксения начала писать вторую часть. Последние страницы отдавались печатать друзьям перед самым отъездом в Псков. Распечатанный текст второй части Ксения увидела за пять дней до смерти, смогла сама прочитать, но на правку сил уже не оставалось.

Отрывки из первой части были напечатаны в июньском номере газеты "Татьянин день". Полный вариант обеих частей недавно поместили в электронной библиотеке Мошкова.

Текст быстро разошелся по нашим знакомым, прихожанам храма, многим помог пережить тяжелую ситуацию или что-то понять.

Надеемся, что и читатели "Фомы" смогут найти что-то важное для себя в этих заметках об уже закончившейся короткой и мужественной жизни.

Ксения Курякова

ПО ЛЕСТНИЦЕ

Утро. Темно. Конец декабря. Мама со Степой на цыпочках выходят из комнаты. На кухне одеваются. Застегнув не на ту пуговицу рубашку, сын начинает разговор:

- Батюшка сказал, чтоб я старался не есть сосиски.
- А ты?
- Угу.
- Что "угу"?
- Постараюсь.

Мама роется в большом полиэтиленовом пакете.

- Еще оставалась тебе груша.
- Я ее съел вечером.
- Что же тебе дать?
- Конфету.
- Мы же решили не есть в пост конфеты.
- Но ведь груши нет.
- Есть клюква.
- Не хочу.
- Ой, мы опаздываем!

Из школы Степан плетется усталый, в сопровождении мамы и коляски. Машинально задает вопросы.

- А где Маша?
- У соседей.
- А где папа?
- На работе.
- А где Володя?
- С нами... Что вам давали на завтрак?
- Сосиски.
- Ты смог воздержаться?
- Там много лишних было. Я еще вторую попросил.
- Да-а-а... Тебя по математике спрашивали?
- Не помню.
- Как обычно.
- Да, кажется, спросили, но я в этот момент очень в туалет хотел.
- Ну и что?

- Отпустили.
- Да-а-а...
- Дома.
- Мам, ты так хорошо выглядишь в этом пальто, прямо как женщина.
- Спасибо, Марьюшка... Степан, где ты? - бросая на тумбу пальто, кричит мама. - Почему твоя одежда опять валяется на моей кровати?

Очень скоро наступает длинный декабрьский вечер. В комнате орудуют Степан с Машей. Из досок, подушек, стульев, одеял они возводят некое сооружение. Мама с Володей вытеснены из игрового пространства.

В обширной ванной комнате мама закидывает в стиральную машину грязную одежду. Под контрабасом на кафельном полу сидит Володя. Его очень занимает найденный тюбик с зубной пастой.

Не отрываясь от своего занятия, мама эмоционально изливает душу в зажатую между ухом и плечом телефонную трубку. Главный герой ее монолога - муж. Иногда мелькают отрывистые реплики подруги Симы, но они, в целом, не могут придать диалогический характер этому телефонному разговору. Симка - одна из немногих, кто посвящается в мамины семейные дела. Она никогда не реагирует согласно-жалостливо. "Да, да, мол, все они таковы. Какой ужас. Какой кошмар." Мама ведь и не хочет, чтобы кто-либо осуждал ее мужа, жалел ее или интересовался бы, почему все-таки она не разводится с ним. Однако, язык ее не знает никаких тормозов.

Оставив, наконец, в покое подругу, мама обнаруживает, что юбка ее сильно преобразилась. Малыш ладошками размазывает по ней зубную пасту. Юбку туда же, в машину. Теперь пора купать детей.

- Мам, а когда ужин?
- Мы же ужинали уже.
- Чай не пили.
- Ну, тогда скорее пейте. В девять чтоб все спали!

На кухне, пока мама грохочет в раковине немытыми кастрюлями, Маша методично опустошает сахарницу. Степан кромсает на тарелке лимон. Отхлебнув немного своего до невозможности переслащенного чая, дочь просит:

- Мам, высморкай мне лимон.
Снабдив детей всем необходимым для чаепития, мама удаляется в ванную. До нее доносится детская беседа:
- Папа вечером придет, и тебе завтра влетит.
- Сейчас как дам тебе, Машка, этой палкой!
- Нельзя мне палкой! Что же я летом на дачу вся израненная поеду?!
- Да тебя бабулечка не возьмет. Ты маму не слушаешь.
- Бабулечка сказала, что мы должны беречь ее дочку.

- Дура ты!.. Ну, Володя!!! Куда ты лезешь?!

Мама входит с тазом в руках и начинает раскладывать по батарее мокрую одежду.

- Что же мне с тобой делать, Степан?

- Ну, запрети мне машину в комнате строить.

- Уже запретила.

- Ну, не покупай мне мороженое.

- Мы не едим его в пост.

- Ну, папе скажи.

- Что-то это не действует. Ты только папы и боишься. А нам с Машей хамишь все время.

- Ну, не знаю... Может, тебе записывать в тетрадку мое поведение?... А что это?

- Ты о чем?

- Что это с твоей курткой? Она же белая была.

- Я ее с твоими спортивными штанами постирала.

- Ты бы ее еще с ботинками постирала.

- Марш все спать!

Дети наперегонки устремляются в комнату. Мама слышит, как Степан громогласно объявляет:

- А теперь - шпионаж мира по прыжкам с двухъярусной кровати!

Далее слышится грохот и различные возгласы.

- На старт! Внимание! Марш! Ура!!!

"Как хорошо, что мы на первом этаже", - в очередной раз думает мама, отправляясь в комнату.

Гаснет свет.

- Степан, скажи мне что-нибудь приятное, - просит мама.

Молчание. Наконец, сын произносит:

- А помнишь, я как-то пятерку по письму получил?

- Уже забыла. Спокойной ночи.

- Ой, мам. Я сегодня стих сочинил.

- Ну?!

- Да. Там, в портфеле, в красных прописях.

- Как, в прописях?

- Ну, я на обложке сзади написал.

- Ну и ну...

- Я карандашом.

Вскоре появляется пapa. Скидывает свою ветхую курташку, снимает отсыревшие потрескавшиеся ботинки.

Опять гречневая каша.

- Ты бы хоть лука в нее поджарила, что ли... На скрипке играли?

- Немного.

- Когда ты сходишь в музыкальную школу?

- Мне некогда. Пусть занимается пока в студии.

- Это не занятия, сколько раз нужно еще тебе говорить!

- Но уже поздно в декабре в музыкальную школу соваться.

- Ты делай что тебе говорят!

Молчание.

- Слушай, какое сегодня Степа стихотворение сочинил.

Папа пьет чай.

- И откуда у него такие мысли? - спрашивает он удивленно.

Семейная сцена окрашивается светлыми тонами. Папа зажигает лампадку.

- Дети читали молитвы?

Мама смущенно молчит.

- А по телефону, наверное, нашла время поболтать?

Молитвенное правило. После него пapa опять благодушен. Мама припадает к его плечу.

- А Степан боится вечности.

- То есть?

- Говорит: "Лучше бы я не рождался".

- Почему?

- Уверен, что попадет в ад.

- Правда?

- Да, я спрашивала у него, навсегда ли людей разлучает смерть. Он сказал, что в раю, конечно, встречаются. Но если в ад попадешь, то там не до встреч. На этом месте он даже всплакнул.

- Ты перепиши без ошибок его стихотворение.

- Сейчас.

Мама записывает в свой дневник:

Сильные морозы,
Малые угрозы.
Надо, надо листьям
умирать.

Жили они лето,
Жили они осень.
Надо, надо листьям
Поскорее улететь.
Но они не могут,
Но они не могут
никогда.

Но они боятся
улететь.

Как закончится этот день? Они оба устали. И хотят какого-нибудь выхода из тупика.

- Но ведь наш брак не складывался изначально, как православный, правильный. Мы не можем требовать друг от друга слишком много.

- Это верно, - задумчиво соглашается отвернувшийся к стене папа.

Не спится. Папа отправляется музенировать. Мама садится за свой дневник.

* * *

- Ну, вставай же! Мне пора на работу, - взывает папа субботним утром.

- Мама, мы с папой уже чайник тебе закипели, - добавляет дочка.

- Мам, этот ножик будет мой. Ладно? - спрашивает Степа.

- Что? - едва выдавливает из своего сонного существа мама.

- У меня же нет перочинного ножа. Давай играть, что я его потерял, и ты подарила мне этот.

- Ой!!! - Володя так больно дернул за волосы, что сон несколько отодвинулся.

Мама высвобождается из объятий мокрого мальчика.

- Мне нужен чистый носовой платок, - требует папа из прихожей.

Мама, пошатываясь, на ходу схватывает нечесаные волосы заколкой. Лихорадочно соображает, где бы найти носовой платок.

- Я дам тебе чистую тряпочку.

Быстро рвет старую пеленку.

- Сегодня чтобы не меньше часа занимался музыкой, - приказывает на прощанье папа.

Какая мрачная сырая погода. Мама вяло перелистывает странички молитвослова.

- Мы с папой молитвы уже читали, - сообщает сын.

- А-а, - говорит мама, закрывая молитвослов.

"Как, должно быть, хочется в субботу оставаться дома и отдохнуть, - размышляет мама. - Хоть бы на обувь нормальную себе заработал".

- Мам! Смотри, что Володя наделал.

На кухне в куче рассыпанного на полу сахара сидит счастливый малыш. Такого вкусного завтрака в его годовалой жизни еще не было.

Сборы на прогулку. Долгие, суетные. Выкатив на улицу коляску, мама наклоняется, чтобы застегнуть молнию на сапогах. Тут только замечает, что Степан вышел в тонких демисезонных ботиночках.

- Ты с ума сошел? У тебя насморк!

Возвращаясь с детской площадки, дети застыгают перед затормозившей рядом машиной. Из нее, прихватив длинные полы, выскаивает си-

гаретой в зубах Дед Мороз. Направляется к магазинчику.

- Так значит, Дед Мороз все-таки существует, - произносит пораженный Степа.

- Да, тебя обманули. Пойдем скорее домой.

- Мне ноги мешают ходить, - устало говорит Маша.

Дома Степа напоминает о ножике.

- Можно мне получить на Новый год перочинный нож?

Мама молча раздевает малыша, ставит на плиту кастрюлю.

- Мойте руки.

- Ну, так можно?

Мама чистит луковицу.

- Люблю, когда не отвечают, - говорит Степа.

- Значит, могут еще разрешить... Смотри, мам, пена из кастрюли лезет!

Мама бросается к плите.

После обеда Степа засыпает у себя на втором ярусе. Маша красит гуашью альбомный лист.

- Мама, это у меня фон такой.

- Нарисуй что-нибудь на этом фоне.

Маша выводит круг.

- Это все?

- Да. Это цирк, где разные звери выступают. Они сейчас все спят.

Характерное объяснение. Когда не получалось сделать на аппликации солнце, дочь сказала, что оно "высоко-о-о в небе".

- Мама, включи мне кассету "Хрустальная туфелька".

- А что ты поняла в этой сказке?

- М-м-м... У хрустальной туфельки было две дочки.

- Понятно. Может, тогда лучше что-нибудь попроще включить? "Красную шапочку", например?

Вечером оказывается, что у Степы высокая температура.

- Машка меня заразила гриппом.

Дочь, действительно, только что оправилась от болезни.

- Теперь я новогодний праздник пропущу из-за нее, - злобно сокрушается брат.

- Успокойся. Тебе передадут подарок.

Степа несколько оживляется.

- А Дедом Морозом будет наш физрук. Мне Сашка сказал... Интересно, какой будет подарок?

Наверное, что-нибудь физкультурное. Мячик, может.

Весь вечер мама лечит Степу. Он принимает теплую ванну. Пьет клюквенный чай. Категорически отказывается от очистительной клизмы. Кое-как смиряется с холодным обтиранием. Температура все равно очень высокая.

Мама достает из холодильника жаропонижающие свечи. Маша, увидев это, вслух размышляет:

- Сначала эти свечи вставляли мне, а теперь я подросла, и их вставляют Степашке.

В комнате больной с мокрой тряпкой на лбу тихо постонывает.

- Мам, Маша сегодня хорошая, она за мной ухаживает, огрызки мои таскает... Почитай что-нибудь.

- Сейчас. Володю покормлю только.

- Мам, я тоже голодная. Свари ужин... Свари жареную картошку.

Когда все уже распределились по своим кроваткам, мама берет в руки книгу "Сказки и легенды".

- Не-е-ет, я это не хочу. Эта книга какая-то языческая.

- Ты что? Это старинная народная культура. Люди ведь и до Христа кое-что понимали.

- А что они понимали?

- Понимали, что с ними беда, что Бога они потеряли и сами найти не смогут. Ждали, что Он придет к ним... Ты слушаешь?

- Угу.

- Ты все про Новый год твердишь. А настоящий праздник - Рождество. День рождения Бога на земле. Его к нам возвращение.

- И почему все-таки эта жизнь так устроена? Пожить бы, да и все. Без рая и ада.

- Ну как же жить, если Бога и вечности нет? Пока все хорошо, еще можно терпеть. А когда что-то плохо, то жизнь становится нестерпимой, если ты не веришь в Бога и вечность. Как тогда нам выносить все наши болезни, недостатки, ссоры?

- Мне бы ножик перочинный, - слабым голосом говорит засыпающий Степа.

* * *

День солнечный. Легкий морозец. Дети разятся на горке. Мама бродит вокруг коляски, листая журнал. Останавливается на статье о молодой художнице. Привлекательны не столько рекламные картинки, сколько фото геройни этой публикации. Красивая, одухотворенная, в окружении столь же красивых троих детей. Мама пропагандирует глазами печатный текст. Спотыкается на рассуждении о том, что художница эта как бы разрушает своим положительным примером сложившееся представление о том, что многодетная мать обычно бывает нищенкой с протянутой рукой и бледными болезненными детьми или же, вообще, алкоголичкой. Озябшими руками мама сует журнал под бок спящему Володе и начинает подозрительно приглядываться к Степе с Машей.

- Степа, у тебя варежки уже мокрые?

Степа, остановившись, разглядывает руки.

- Они насквозь... сухие.

Убегает. Маша, видимо, устала и замерзла. Пора домой.

Мимо проходит знакомая семья. Небольшой дежурный разговор двух мам.

- Вы откуда?

В ответ - рассказ о каких-то замечательных местах в центре столицы, где весело ревутся дети и отдыхают их родители, про елку на Красной площади, народные гулянья на Тверской.

- А что это? - спрашивает мама, услышав неизвестное слово.

- Ресторан такой, - приятельница заметно удивлена.

"Ничего. Подумаешь, Новый год! Настоящий праздник впереди". Эту мысль мама старается внушить детям. Маша соглашается и с восторгом ждет, когда наступит "настоящий праздник". Степа же, подобно древнеримской толпе, требует "хлеба и зрелищ" и поскорее.

- Да что это Рождество! Ничего в нем особенного. Ну, в храм пойдем. Ну и что?

- У нас будут приглашения на рождественскую елку.

- Ну и что? Все веселятся, а я тут с этой малышней возись. Лучше бы я не рождался.

Вечером мама развешивает новые занавески к празднику и слышит, как Степка громко объявляет "малышне":

- Я буду президент, а вы - простые населенные жители.

Младший из "населенных жителей" сносит со стула коробку и все, что на ней лежало. Это бы-

ла трибуна. Мама спешно спрыгивает со стула на стол, со стола на пол, чтобы предотвратить расправу над младшим ребенком.

- Устраивай трибуны у себя на втором этаже! Понял?!

Степа продолжает истерично и злобно наставлять на своей правоте. Мама носится по квартире в поисках ремня. В конце концов хватает папину тапочку. Ловит уворачивающегося, орущего Степана. Подошва довольно толстая. Бьет больно. Младшие кричат громче самого наказуемого.

Двадцать капель корвалола. "Вот из-за таких, как мы, и пишут всякую ересь про много-детность", - вспоминает мама о журнальной публикации.

На глаза попадается футляр со скрипкой.

- Степан! - истошно орет эта создательница неправильных стереотипов. - Почему скрипка на кухне валяется?! Это музыкальный инструмент! Он дорого стоит!

- Мам, давай этот день хорошо проведем.

- И это говоришь ты?! Ты способен испортить настроение всей семье. И день-то уже кончается.

- Давай я тебе сыграю "На заре ты ее не буди".

- Ну, давай... Скоро ведь папа придет.

Степан вдохновенно пилит смычком бедные струны и при этом совершенно правильно поет известный романс. Его громким пением заглушается скрипучее музыкальное сопровождение. Мама, накрывая на стол, тоскливо думает, что музыкальной школы не избежать, а она сама нотной грамоты не знает, а папа всегда занят, а Степа... и так далее и тому подобное. Длинный ряд отягчающих ситуацию обстоятельств.

Тихо готовятся ко сну. Худой мир лучше добродой ссоры:

* * *

В сочельник мама со Степой попеременно выбегают на улицу. Встречать Рождественскую звезду.

- Штой-то ты? - удивляется соседка тетя Шура, увидев мамины голые ноги в шлепанцах.

- Звезду караулю, - радостно отвечает мама.

- Какая звезда? - еще больше удивляется тетя Шура. - Облака только сегодня.

- Обязательно будет, тетя Шура!

- Ой, бедовая твоя головушка, - сокрушенно качает головой соседка.

- Ну, Вы - Фома Неверующий, тетя Шура.

- Што-о?

Ночью в храме. Мама и Степа пробираются через толпу. Столько знакомых лиц, так интересно. Мама переглядывается, улыбается, раскланивается. Краем уха слышит: "Яко с нами Бог". Средоточиться трудно.

Толпа редеет. Праздничное богослужение идет своим чередом. Степа, скрючившись, засыпает на лавке. Мама берет его к себе на колени, обнимает, укачивает; как обычно, сомневается: "Может, зря ребенка притащила?"

Нет, не зря. Дети, только что неудобно спавшие по разным углам, теперь тихонечко отходят от Святой Чаши со скрещенными на груди ручками ("Не забудь, правая сверху"). Гуськом шествуют к столику с просфорами. Ни следа сна, ни тени скуки или усталости. Поют Рождественский тропарь. Начинаются взаимные поздравления и обмен подарочками.

Первый утренний поезд метро. Людей неожиданно много. Степа достает из кармана пластиковый цилиндр с мыльными пузырями. Чей-то подарок. Летят радужные шарики.

Дома мама обнаруживает наполовину выпитую бутылку вина. Папа встал их поздравить. Но разговор выходит отнюдь не праздничный.

Мама пугается. Из комнаты слышен Володин плач. "И чего разоралась? Всего-навсего кагор", - думает она. Наливает себе стакан. Стучится в дверь санузла.

- Ребенка помыть надо.

Папа открывает.

- Здесь накурено. Подождите.

- Ладно. Убери фигуру.

Мама протискивается мимо папы и контрабаса к крану. Потом заворачивает мокрого малыша в пеленку. Тот весело гулит, машет руками. Родители с ним ласково воркуют. Этот младшенький часто слаживает их супружеские противоречия. Оба про себя задаются вопросом: "Почему черные тучи так властно накрывают нас порой?"

- Слушай, а звезду мы так и не увидели. Все затянуто наверху... Не заслужили, видно.

* * *

Дни идут. Святки. На елку попасть не получилось. Мама категорически отказалась везти всех детей без папы. Однако, что же это такое? В воскресный день Маша, съев конфету, просит еще.

- Больше пока нельзя, - отвечает строгая мама.

- Хорошо, - легко соглашается дочь. - Остальные конфеты - на Рождество.

- Маша, Рождество уже наступило. Я тебе говорю, рассказываю, а ты все никак не поймешь.

Дочь задумывается.

- А когда же будет настоящий праздник?

В этот момент возвращаются из студии Степа с папой.

- Едем в гости! - радостно-истерично объявляет мама детям.

Конечно, не следует принимать решения "на горячую голову". Дорога не очень долгая, но и не короткая. Войдя в метро, мама чувствует усталость, испарину. Володя - в детском рюкзачке за спиной. "И куда меня несет? Мне же нельзя переутомляться, потеть. Господи, прости мои прегрешения!"

Мама предъявляет пенсионное удостоверение.

- Что это за документ? - укоризненно спрашивает дежурная, преградив путь. Она открывает красную книжечку, листает.

- И не стыдно Вам? Вторая группа инвалидности! Хоть бы делали себе документы нормально! Платите!

- А в чем дело?

- Ну, вы совсем!!! У вас ребенок грудной висит, и вам не совестно предъявлять такие документы!

- Но он же подлинный!

- Со второй группой не рожают столько детей! - уже кричит.

Мама находит деньги. Степа плачет.

В гостях детям хорошо. Наконец-то, настоящий праздник. Нарядная елка. Все поют Рождественский тронар.

Маленький человек отходчив, все быстро прощает и забывает. Мама же - другое дело. Она лежит на диване, ничего не может есть. Только все говорит, говорит...

А то, что происходит вокруг, действительно, можно назвать детским праздником. У старших детей - игра в рифмы, потом фанты. Смех, призы. Маленькие водят хоровод вокруг елки, отгадывают загадки. Один из присутствующих

пап с завязанными глазами отгадывает на ощупь, где чей ребенок. Взрослые весело и увлеченно занимаются с детьми. Нет, не занимаются, а просто вместе с ними радуются. Вместе, а не отдельно, за своим взрослым столом.

Степка, качаясь на канате, спрашивает у Симиной мамы:

- А сколько Вам лет?

- А как ты думаешь?

- Ну-у-у... Сорок?

- Сорок пять.

- Ого-о-о!

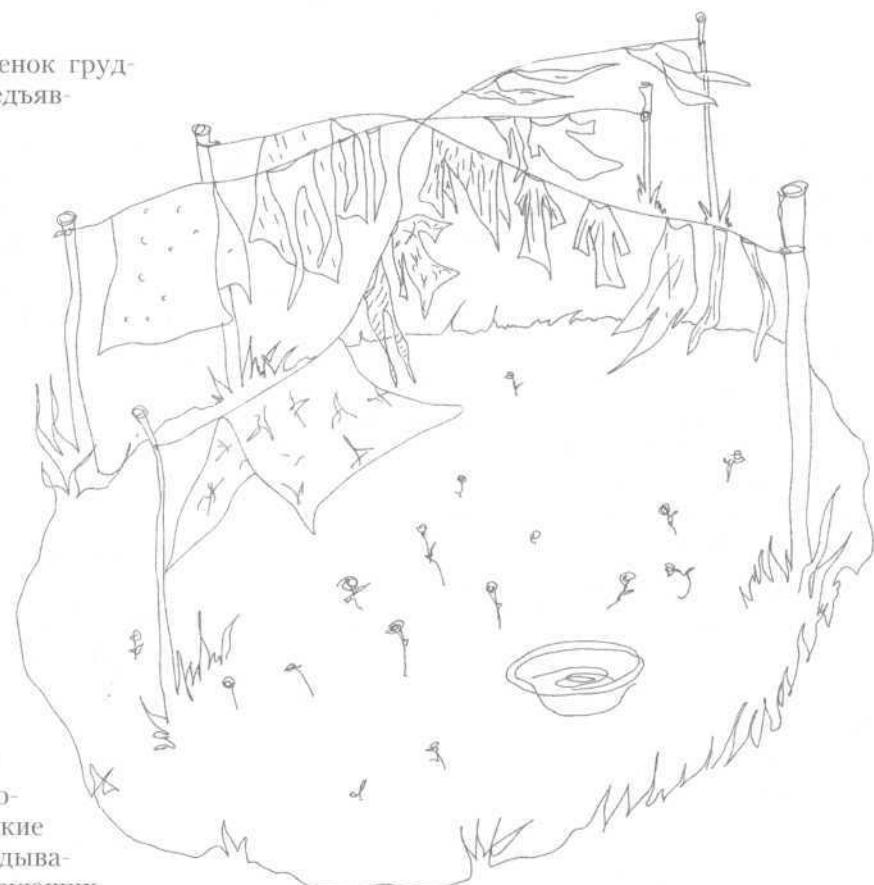
На самом деле шестьдесят пять. Все смеются.

- А нам на Рождество мама подарит сестричку, - сообщает один из Симиных мальчиков.

- На Рождество уже не успею, - замечает Сима.

- У вас нет девочки, - говорит Маша. - Вам нужна дочка. А нам никто не нужен.

- Ну почему же, - нерешительно сомневается мама. - Хорошо, что у нас дети есть. Что бы мы без них делали?

Все опять весело смеются.

На прощанье их грузят подарками, провожают до метро, даже до самого "опасного" места с дежурной. Это, конечно, не обязательно. Крайне редко бывают такие дикие случаи.

Протискиваются в вагон. Как-то внезапно находятся свободные места, у детей в руках неизвестно откуда - яблоки. Они весело жуют. Тут же рядом стоящая женщина подает маме какой-то пакет:

- Вам передали.

Там банка варенья. Мама смущенно озирается, не зная кого благодарить.

Вагон пустеет. Привязывается с разговором подвыпивший мужик. Сует десятку. Как отвертеться? К тому же рядом останавливается и пристально смотрит неизвестная девушка с ребенком на руках. Дать ей что ли десятку?

- Это она думает, что ты тоже работаешь на линии, - поясняет пьяный спутник. - Без спроса. Конкурент.

Наконец, их станция. Сопровождаемые взглядами всех неспящих пассажиров этого вагона, они выходят.

Маше опять "ноги мешают ходить". Конечно, день был трудный. Сначала храм, потом гости.

- Возьми меня на ручки, - жалобно просит дочка.

Папа!!! Встречает их! Какое счастье! Как обессиленная мама его любит, несмотря ни на что. Он берет Володю, Машу, сумку с подарками. Только маму уже не может взять.

Повеселевшая Маша говорит маме:

- Я у нас еще маленькая. Скрипки у меня нет. А ты уже подросла.

Дома. Постелить постель. Уложить детей. Редко все это родители делают так дружно, вместе. Папино соучастие вдохновляет и бодрит маму, которой недавно казалось, что она уже "живой труп". Вытирает дочку, надевает на нее ночную рубашечку. Володя шумит на кухне.

- Воткни ему пробочку! - кричит мама папе.

Сразу становится тихо. Значит, Володя получил пустышку.

- Володя у нас неумытый трубачист, - говорит Маша.

- А кто такие трубачисты?

- Это такие майдодыры.

- Кто-кто?

- Ну, грязнули.

Мама замечает, что Степан уже безмятежно спит, весь обложившись подарками.

Теперь возится с Володей. Это, пожалуй, самые светлые минуты в их семейной жизни. Купают. Потом медлят с одеванием и укладыванием.

- Ах ты карапуз наш любимый.

В комнате темно. Двое спят. И еще трое - на кухне. Какими бесчувственными "чурбанами" были они, когда рождались старшие дети. Что их беспокоило и заботило тогда? Это ведь, и правда, великое утешение - иметь потомство. Только сейчас они это понимают, хотя стало так трудно жить.

* * *

После обеда дети категорически отказываются гулять.

- Ну, как хотите! А я на час выйду с Володей. Для профилактики ракита. Буду рядом. Если что, зовите.

Сразу же начинаются разнообразные "если что".

- М-а-а-м!

- Что? - она отрывается от журнала.

- Можно я не буду делать сейчас математику?

Через пятнадцать минут опять раздетый Степа выглядывает на улицу.

- Мам! Нам скучно.

- Порисуйте.

Еще через некоторое время они появляются оба.

- Мам! Я говорю ей, что голубой - это холодный цвет, а она не верит.

- Домой! Вы простудитесь.

Подойдя к подъездной двери, мама громко напутствует детей:

- Теплые цвета - зеленый, желтый, оранжевый. А кто вам разрешил без меня гуашь брать?

Еще пятнадцать минут.

- Мам! Ну что ты такая ненагульная?

- Уйдите! Вы как бледные поганки. Дети подземелья.

- Мы не Емели, - неправильно понимает Маша.

- Мы включили "По щучьему велению".

- Вот и бегите, слушайте.

- Ну, ты скоро?...

Еще полчаса. Высовывается сын:

- Мам, мы тут так весело играем. Давай, ты будешь наша мама?

- О, это трудно себе представить, - говорит мама, поворачивая коляску в сторону дома. - Помоему, холодают. Может, ты еще и поймешь, откуда взялось выражение "крещенские морозы".

Дома сразу просыпается Володя и громко требует, чтобы его выпустили из коляски. Старшие осаждают маму каждый со своими проблемами. Стараются перекричать друг друга, сердятся.

"По одному, пожалуйста, говорите," - требует мама и тоже сердится. Она судорожно срывает с себя одежду. Достает малыша. Тот все еще шумит.

- Володя, ты - дурацкий, - ругает его сестра.

- Мамочка, вот что я нарисовала.

- Это что?

- Пейзаж.

- Молодец. А почему облако желтое?

- Это теплое облако.

- А-а... А что это?! - строго спрашивает мама, указывая на горку печенья в углу комнаты.

- Это наши запасы на зиму. Мы бельчата, - радостно сообщает Степа.

- Немедленно это убери. Еще тараканов тут разведете.

- Мама, мы это печенье на дачу возьмем, - вмешивается Маша. - Это на лето запасы, бабулечке.

Маме вдруг очень-очень захотелось посмотреть летние фотографии. Скорей бы все переделать. И сесть. Смотреть. Вспоминать.

Вот на этом снимке Маша в расщелине старой сосны, вся в солнечных бликах. Какая хорошенькая!

Вот Степан несется в речку с широко разинутым ртом и горящими глазами.

А здесь они все вместе. Мама такая лирическая, в лиловых тонах, изящная соломенная шляпка, меланхолическое выражение лица. Сидит на лесном пне. На руках ребенок. Можно подумать, что его только что принесли ей какие-нибудь ягоды. А где-то за кадром усадьба, фонтан, гувернеры. А над ними облако. Желтое. Очень солнечный день.

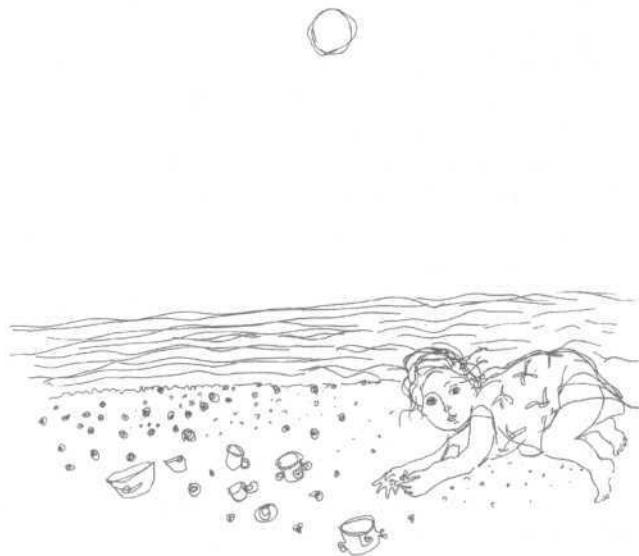
Мама засыпает, размышляя о том, как трудно представить себе то блаженство, которое ожидает праведников в раю. "Если даже на нашей греховой земле бывает так хорошо".

* * *

Завтра праздник. Сретение. Мама листает книгу "Русская икона". Находит то, что искала. Мария, Иосиф принесли в храм Младенца. Симеон и Анна встречают.

- От лица всего человечества. Сретение - это встреча на церковном языке.

Дети заинтересованно слушают рассказ о старце Симеоне. За окном метель.

- А в народе считали, что это встреча зимы с весной.

От порыва ветра звенят стекла.

- Дерутся, - ухмыляется Степа, глядя в окно.

- Садись за математику. Уже скоро спать.

- Не хочу! Как мне все это надоело!

“Все-таки надо мне самой брать его в “ежовые рукавицы”. На папу надеяться нечего”, - думает мама.

- Если ты не будешь сидеть за уроками, когда я в следующий раз зайду в комнату, пеняй на себя, - ледяным тоном говорит она. И удаляется на кухню. Там есть, как всегда, чем заняться. Следом бежит Маша.

- Мам, дай мне задание!

- Садись писать в прописях.

- Я букву “З” буду писать.

- Хорошо.

- “З” - это зайкина буква?

- Да.

Маша разглядывает картинку.

- Этого зайки?

- Да.

- А другие зайки, что без буквы?

- Маш, подожди пока... Так сколько у тебя получилось яблок, Степа?

- Не знаю. Я устал.

- Ты сам тянул время до вечера.

- Ой, лучше бы и не жить, чем такие мучения... Хоть бы лето скорей наступило, что ли...

- Без зимы нет лета.

- Ну, в Африке же нет зимы.

- В их языке и слов таких нет - “зима”, “лето”. Они не знают, что у них лето... Степа, дорогой, ну когда я смогу тебя убедить, что наша жизнь прекрасна?

- Да чего в ней прекрасного?! - сын отшвыривает тетрадку. - Перочинного ножика у меня нет.

- Наша земная жизнь - это... ну, как бы, зима, без которой не будет лета.

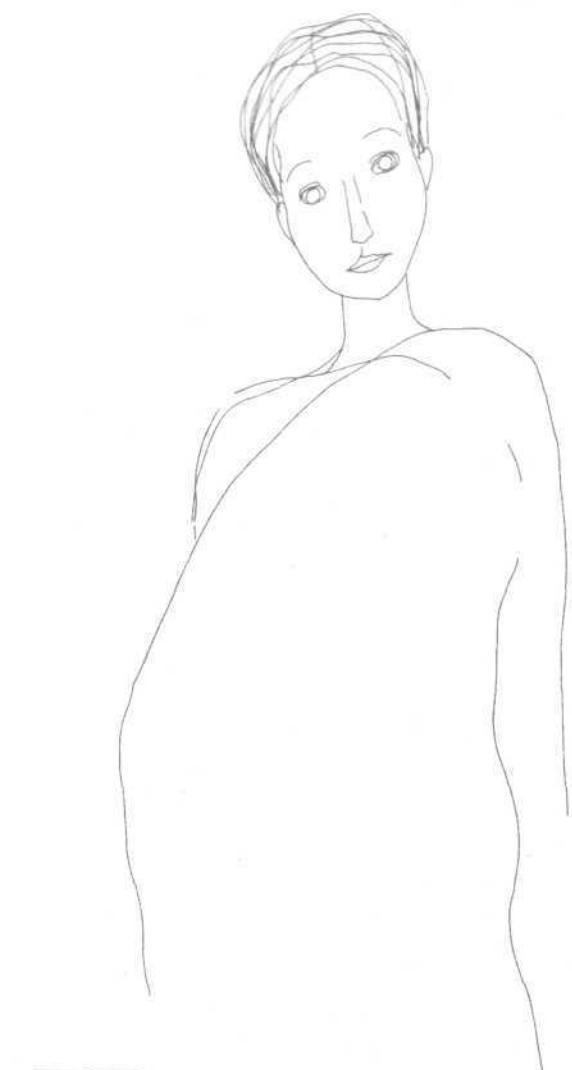
- Какого еще лета? - тревожно настораживается Степа.

- Я имею в виду вечность.

- Ну, понятно, - Степа совсем расстраивается.

- Я-то в рай не попаду.

Мама стоит между двумя письменными столами. Дочь вся ушла в свою работу. Она испещряет тетрадные листы мелкими загадочными рисунками. Какие-то извилины, спирали, геометричес-

кие фигуры. Разноцветные. Красиво. А Степан всегда рисовал что-нибудь определенное - домик, человек, машина. Сейчас он уставился в потолок.

- Две крайности, - вздыхает мама. Переводит взгляд на диван. Там лежит третья...

* * *

Воскресный день. Пришла в гости знакомая семья.

Дети в комнате. Их общение приходится контролировать из-за частых размолвок. На кухню прибегает семилетняя Танечка, вся в слезах.

- Мам, Степа начал нашего Колю душить.

Взрослые хотят поговорить о своем, пытаются предоставить детей самим себе. Не получается ничего хорошего.

- Какая безысходность, - уныло говорит мама, вернувшись из комнаты после "разборки" со Степой. - Мы с мужем ругаемся при детях. Никакими красивыми словами я не могу научить Степку доброму... И исправиться никак не можем.

- Да, на исправление нужна целая жизнь, - говорит задушевная мамина подруга.

- Дети не ждут, когда мы исправимся. Они уже сейчас непрерывно растут. Во всем этом безобразии.

- Я дам почитать тебе мою любимую книжку о детях. Там есть "золотая" мысль. Плохой родительский пример - это еще никакая не безысходность. Главное - взаимное доверие и искренность в отношениях с детьми. И они сами разберутся. Возьмут у вас все хорошее, а плохое отбросят. Научить бы их отличать черное от белого...

Мама достает из холодильника еду.

- Скоро опять пост.

- Я, кажется, буду иметь послабление.

- То есть? Вы ждете четвертого?

- Да.

- И Симка тоже беременна.

Две мамы отправляются в комнату, где дети тренируются на новом спортивном комплексе. Не все. Кое-кто занят с новой развивающей настольной игрой, принесенной гостями в подарок.

- И где вы все это берете? - удивляется мама, разглядывая разноцветные деревянные детали.

- Мы любим что-нибудь такое покупать. С каждой зарплаты. И самим интересно.

- Какие вы творческие люди.

- Ну, конечно, это творчество -растить детей. Вечером заглядывает тетя Шура.

- Пойдем "Спокойной ночи, малыши" смотреть.

- Степан еще на скрипке не играл.

- Да отпусти. Они же у тебя ничего не видят.

- Мам, я потом позанимаюсь.

- Ну, идите.

Скоро возвращаются. Мама, сразу принимая воинственный тон, приказывает:

- А теперь - за скрипку! Скоро папа придет.

Вместо обычного "не хочу" Степан сообщает:

- А тетя Шура теперь смотрит "Спокойной ночи, взрослые"... Может, и мы телевизор купим? Мне стыдно в школе говорить, что у нас нет телевизора.

- Тебе скучно живется?

- Да нет...

Степа берет скрипку. Направляется в ванную. Закрывается. Он теперь почувствовал вкус к такому уединенному общению с музыкальным инструментом.

- Наследственность, - вздыхает про себя мама.

- Мам, там, в ванной, как будто кузнечики трещат. Откуда они? - спрашивает через четверть часа Степа.

- Ты что? Это летний звук. Тебе послышалось.

Сын опять лезет под потолок.

- Хватит физкультуры на сегодня. Спать пора.

- В воскресной школе рассказывали про лестницу этого... как его...

- Иакова?

- Да... Ему, кажется, приснилось...

- Тебе, наверное, тоже сегодня будет сниться лестница. Слезай, наконец.

- А куда он лез? На небо? А зачем?

- А ты думаешь, что жизнь - это мечты о перочинном ножике и телевизоре? Это лестница на небеса. Кто с этим не согласен, тот просто копается в навозной куче.

- Мама, иди скорей сюда!

В комнате Степан с Машей стоят около лестницы и наблюдают, как лезет по ней Володя. Забирается высоко. Веселится, глядя вниз. В конце концов ручкой не находит в воздухе очередную перекладину. Их больше нет.

- Какой шустрый оказался, - говорит мама.

- Никогда не оставляйте теперь его здесь без присмотра, - советует папа, ложась на диван.

Мама учит малыша слезать. Это получается у него хуже.

Старшие дети возвращаются к своим письменным столам. Степа решает примеры. Маша тоже занята чем-то своим. Теперь она даже не просит дать ей задание. Володя лезет опять вверх.

(Господи, помоги.)

Мама спокойна.

2000-2001 гг.

Рисунки Екатерины ВАТЕЛЬ

О ДЖИНСАХ И СПАСЕНИИ-2

Фото Игоря ПАЛКИНА

В номере 2 (12) нашего журнала за 2001 год был опубликован диалог одного из читателей "Фомы" с соредактором журнала Владимиром Легойдой "Мешают ли спасению джинсы?" Речь шла о том, насколько важна одежда, в которой человек приходит в храм, насколько обязательны сегодня традиции поведения, выработанные в прошлом, и какую в целом роль играет созданная человеком культура в спасении души. Позиция редактора "Фомы" заключалась в том, что нельзя ни недооценивать, ни переоценивать значение одежды в жизни христианина, что нужно обязательно отделять главное от второстепенного, но нельзя пренебрегать второстепенным... Редакция "Фомы" получила много писем с комментариями на данную тему. Мы решили продолжить обмен мнениями и предложить вашему вниманию наиболее интересные, на наш взгляд, письма с ответами редакции.

Я должен вам сказать, что вы опровергли сами себя. Вы показали, что юбка и платок для женщины в храме - это всё равно что костюм на лекции и форма гашника - традиция, не имеющая никакого отношения к делу. Нужна ли такая традиция? Не заслоняет ли она истинные ценности?

N

Уважаемый N!

Боюсь, Вы не совсем правильно поняли мою мысль. Я хотел подчеркнуть, что человек не может спастись или не спастись только из-за того, как он одет. Я, действительно, говорил о том, что одежда - результат традиции, которая может меняться со временем. Но я не пытался сказать, что внешний вид "не имеет никакого отношения к делу". Представьте, что священники в наше время в обычной ситуации начнут служить Литургию в шортах или рваных джинсах... Вы считаете, что это совершенно не важно?..

* * *

Согласен с тем, что сказано в статье, в большой мере. Но есть одно маленькое "но", или, скорее, вопрос. Почему нет определенных рамок? Ведь никто не спорит с тем, что клевета - это плохо, что красть - это плохо. Поэтому что об этом сказано четко. Если то, чему мы следуем, идеально, то должно быть так и в одежде. Культура, идти в ногу со временем... что это все такое? Куда идет время? Разве не Бог указывает нам, куда нужно идти, или вы говорите, что мода это делает? Женщина или девушка может быть красивой, но значит ли это, что она должна показывать

свою прелесть везде? ... Как-то слышал - есть такое высказывание: "не позволяйте своей одежде входить в комнату раньше вас". Одежда имеет значение, но она не должна быть тем, что привлекает внимание к его телу. И еще вот в статье говорилось о русском храме в Лондоне и что там мало кого смущает то, что женщины приходят в брюках. Не хочу цепляться к словам, но все-таки: сказано "мало кого", а не "всех" это смущает. Но хочется узнать правду, как правильно. И еще, если человек с другого города, или другой церкви придет в ту, где ходят в брюках, это будет его смущать. А если бы было четко сказано, что одеваться нужно так-то и так-то, чтобы тело было закрыто от сих до сих, то такой проблемы бы не было. Не упущено ли здесь что-то? Может, люди слишком много потакают своим слабостям и поэтому не хотят, в данном случае, одеваться как следует?

С уважением, Дмитрий

Уважаемый Дмитрий!

Я понимаю и где-то даже разделяю Ваше желание иметь установленные правила, которые застрахуют нас от совершения неверного поступка во всех случаях жизни. Однако в этом мире далеко не всегда все происходит по нашим желаниям, которые нередко не исполняются для нашей же пользы. Ни в коей мере не считая свою точку зрения истиной в последней инстанции, попробую все же ответить на Ваш вопрос.

В Церкви, действительно, есть незыблемые правила жизни, которые христианин обязан принимать, если он хочет называться христианином. Это церковные догматы — т.е. церковное вероучение — то, во что верит христианин. Скажем, не может быть христианином тот,

кто не считает Иисуса Христа Сыном Божиим, не верит в Святую Троицу. Догматы жестко отсекают христианское от нехристианского, при этом "сфера их деятельности" касается только того, что НЕПОСРЕДСТВЕННО имеет отношение к нашему спасению, без чего спасения быть не может. Наряду с догматами и на их основе в Церкви существуют каноны, к которым относятся в том числе и правила церковной жизни. Канонические предписания, в отличие от догматических, не всегда обладают такой же жесткостью. Например, согласно церковным канонам нельзя рукополагать в священники человека, не достигшего 35 лет, однако мы знаем, как много сегодня в России священников, которым нет еще и 25. Иными словами, существуют такие каноны, которые могут быть изменены конкретной исторической практикой (конечно, речь идет не обо всех канонах: среди них есть те, которые нельзя нарушать).

Многие сферы человеческой культуры, в том числе и одежда, относятся к тем областям нашей жизни, которые церковными канонами не регламентируются строго либо не регламентируются вовсе. Например, не существует канона, который запрещал бы чтение Льва Толстого или Михаила Булгакова и обязывал бы нас читать Достоевского. Точно так же нельзя сказать, что надевший в храм джинсы парень или девушка совершают страшный грех, который отлучает их от Церкви. Вообще, христианство никогда не делало упор прежде всего на жесткой регламентации внешних вещей, но на изменении сердца.

Позицию Церкви эпохи раннего христианства отражают слова, приписываемые св. Иустину Философу (II век): "Христиане не отличаются от прочих людей ни страной, ни языком, ни обычаями. Они не населяют где-либо собственных городов, не употребляют особенного какого-либо наречия и ведут жизнь, ничем не отличную от других... Не защищают они учения человеческого, как другие, но обитая в эллинистических и варварских городах, где кому досталось, и последуя обычаям тех жителей в одежде, в пище и во всем прочем, удивительное и поистине чудное показывают благоустройство в своем поведении" (Цит. по: Архимандрит Макарий. Поведение древних христиан. М., Благовест, 1996, сс. 86-87). И хотя многое изменилось с тех пор, в том числе и в христианском мире, главное остается неизменным: новая жизнь во Христе, изменение человеческого сердца. Конечно, внешнее тесно связано с внутренним, внешнее зависит от внутреннего. Поэтому человек, живущий любовью к Богу и людям, никогда не будет себя вести так, одеваться так, чтобы послужить соблазнам ближнему. Это, собственно, и было основной идеей моего ответа в прошлый раз.

Я понимаю: Вы хотите сказать, что если бы существовали четкие правила, то никто бы никого не соблазнял и никто бы не соблазнялся. Увы, думаю, что это не так. В жизни бывают разные ситуации. Бывает, очень нужно зайти в храм, помолиться, а на человеке джинсы или короткая юбка. Но душа болит. Что же теперь, гнать такого человека из храма? По-моему, ответ очевиден. Так что подобные правила все равно не смогут предусмотреть все ситуации.

Я думаю, что соблазн исчезает только тогда, когда человек сердцем начинает чувствовать правильность или неправильность того или иного поведения. Кроме того, если говорить непосредственно о поведении в храме, определенные правила все же существуют, они общеизвестны. Их можно и нужно исполнять, но не стоит догматизировать, превращать в прокрустово ложе псевдобралгочестия.

Конечно, много легче было бы всем нам жить, если бы на все случаи жизни, на все ситуации выбора у нас имелся бы рецепт поведения. Заранее. Чтобы все мы знали, как правильно: ходить, говорить, одеваться и т.д. Но Бог всегда оставляет человеку свободу выбора, ибо только свободно любящее сердце может познать Бога. Я не хочу сказать, что форма одежды бессмысленна, напротив. Но я лишь хочу подчеркнуть, что она бессмыслена, если насилиственна или если внешнее заслонило внутреннее, как в замечательной евангельской притче о мытаре и фарисее. Христианин должен исполнять правила церковной жизни, следя велению сердца, понимая их важность для себя и для других, иначе: "если я раздам все имение мое и отда тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы" (1 Кор. 13:3).

* * *

Мне очень понравился ответ Владимира Легойды на мой вопрос. Спасибо! Все-таки из всех вопросов можно было бы выбрать для публикации более существенный... Независимо от ее содержания, этой публикацией Вы как бы говорите: это - одна из самых насущных проблем сегодняшней христианской жизни. Жалко, что это так, напрашиваются соответствующие выводы... Но ответ на самом деле очень исчерпывающий, еще раз благодарю, спаси Вас Господи...

Отвечаю на встречный вопрос: "Какие выводы напрашиваются?" Попробую выразить словами свои мысли. Итак, из многих вопросов был выбран именно этот. Мне кажется, что, обращаясь к русскому человеку, Церковь как бы предполагает, что он уже – православный, поэтому в проповедях и в беседах с ним акцент ставится на таких вещах, как пост, молитва, исповедь, в конце концов, одежда во время молитвы... Все это хорошо и нужно, но не принесет желаемых результатов, пока мы (т.е. Церковь) не поймем и не признаемся наконец себе в том, что Россия – не православная страна, которую надо немного "подкатехизировать", а самая что ни на есть языческая страна, в которой надо, увы, начинать с нуля. А с нуля – это не значит, например, "рассказывать о важности исповеди и Причастия", а... возвещать керигму. Почему-то в беседе с любым челове-

ком, особенно если он посещает храм или называет себя православным, мы предполагаем, что ему не хватает самой малости, знания каких-то церковных правил (которые, конечно, невозможно объяснить, не обращаясь к Евангелию и его истинам, но ошибка в том, что начинаем с конца, а не с начала). Даже если речь идет о Таинствах - собственно, сути нашей христианской жизни, - даже в этом случае недостаточно начинать с самих Таинств, а с того, почему вообще они существуют и зачем они существуют, и как они связаны с самым главным - смертью Христа и Воскресением. И только человеку, который это осознал, можно объяснить следующие моменты, кончая тем, что надеть в храм... Самый распространенный термин у наших немногочисленных миссионеров - это воцерковление. А ведь россияне нуждаются в... "воздыхании"... Извините за абсурдное словообразование. Сначала - проповедь, которая потрясает человека и приводит его к обращению, метанойе, т.е. переворачивает всю его жизнь, все ее ценности с ног на голову (а разве Иисус Христос Своей жертвой за оскорбивших Его людей не перевернул с ног на голову все понимание жизни? точнее, с головы на ноги!). И только после этого - Таинства, воплощение Христовой жизни в собственной жизни. К чему я это говорю, и при чем тут джинсы? Трудно ответить, потому что слов и логики трагически не хватает. Просто человек, который становится христианином, в последнюю очередь думает о том, что надевать, идя в храм. Нет, я совсем не имею в виду, что тот, кто задал этот вопрос, является язычником, или что этот вопрос вообще неважен - неофиты задают в первую очередь именно такие вопросы! А ведь православная вера столько скрывает жизненных вопросов, на которые люди ищут ответы всю жизнь! Просто выходит, что, зная правила и обычаи, я как бы " успокаиваюсь ", соблюдая их скрупулезно, и все остальное уже вне дискуссии. Почему бы не заострить внимания именно на них. Главная фраза в моем послании - это та, что страна наша не является, увы, православной, а является языческой, несмотря на то, что атрибутика православная есть в храмах, в домах, в словах, даже в поведении. Атрибутика, а не жизнь, скрытая со Христом в Боге (Кол 3:3). Пока мы этого не поймем и будем учить людей правильно одеваться, Россия останется языческой, потому что до умов людей не дойдет главное, и они задержатся на второстепенном. Как, впрочем, и происходило

до сих пор. Слава Богу, что в этой языческой стране есть НЕМАЛО православных христиан, а значит, еще не все потеряно. И самое главное - есть Господь, который ведет Свой народ к Спасению. Он один знает, когда сбудутся надежды. Это просто - выражение боли и попытка что-то изменить, а ни в коем случае не критика, так как каждый из нас является Церковью, и если критикую, то и себя тоже...

N

Уважаемый(ая) N!

Жаль, что Вы не раскрываете своего имени - немного неловко обращаться к Вам таким образом.

Совершенно согласен с Вашей основной мыслью о том, что главное в миссионерской работе - это проповедь Христа. Цель христианина - новая жизнь во Христе. Если нет этого ощущения новой жизни, нет понимания того, что прекрасно выразил апостол Павел словами "И уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2:20), то все остальное вряд ли способно реально изменить человеческую жизнь, затронуть сердце человека, его душу. Однако позвольте, даже не в порядке полемики, а в порядке обмена мыслями, обратить Ваше внимание на некоторые вещи.

В нашей стране сейчас, действительно, очень сложная духовная ситуация. Многие называющие себя православными при этом признаются, что ни в Бога, ни в загробную жизнь они не верят. Поэтому проблема христианизации людей стоит весьма остро. Правда, я не стал бы разделять воцерковление и христианизацию. Подлинное воцерковление есть прежде всего изменение человеческого сердца Христом, т.к. Церковь есть Мистическое Тело Христово. А потом уже организация.

Конечно, когда человек приходит к Богу, его жизнь переворачивается, или, как Вы точно подметили, встает с головы на ноги. Однако путь христианина, путь ко Христу может быть долгим. Человек может длительное время ходить в церковь и не чувствовать благодатности христианской жизни.

Правильно ли это? Наверное, нет. Плохо ли? Это зависит от человеческого ощущения ситуации. Если при этом он считает себя спасшимся и уподобляется евангельскому фарисею, то да, это духовная смерть. Если плачет или хотя бы старается плакать о своем беспутствии, то он живет надеждой, а "надежда не постыжает" (Рим. 5:5).

Здравствуйте!

Вот прочитала письмо-вопрос "про джинсы", ответ Владимира и приглашение поделиться мнением о прочитанном. Первое впечатление от прочитанного было: какое тут еще мнение - все и так ясно, очень хорошо и понятно объяснено, тема закрыта. Чего обсуж-

дать? Тем более, что для меня лично вопрос юбок и платков решен давно и однозначно, вернее, его вообще как-то не было: положено – значит, надо так. Ну, характер у меня такой...

А если у кого другой?

Вот и решилась я еще пару слов сказать вдогонку.

Ведь очень уж распространенный вопрос задал(а) г-н(жа) N. И ответ на него ясен. И – тоже привычен. Особенно часто встречается проведение этой аналогии: к начальству или на званный вечер идешь нагладившись и при галстуке (хоть и терпеть его не можешь), а Бог-то – Он поважней любого начальника будет! При этом предполагается как бы априори, что наглаживаемся мы и галстук повязываем, к начальнику собираясь, стремясь выказать этим свое к нему уважение и почтение.

Ну, а если начальник – взяточник и алкоголик? Если люди, с которыми собираюсь быть на фуршете, – сплошь воры и развратники? Надену ли я тогда, в соответствии с отношением к этим людям, грязную футболку, рваные шорты и стоптанные тапочки на босу ногу? Правильно, только в одном случае: если решительно собираюсь потребовать увольнения или выхода из этого общества.

Значит, вот как на самом деле: не в уважении дела, не в отношении вообще моем к кому-либо. А – в ОЖИДАНИИ определенного отношения ко мне. При ясном сознании того, что, как правило, это самое отношение ко мне будет формироваться на основании моего внешнего вида, в частности. Особенно на первых порах.

А с чем человек идет в Церковь? Вернее, – ЗА ЧЕМ он туда идет?

Не могу ответить за всех и каждого. Но чем дальше, тем сильнее мне слышится в этих возмущенных вопросах, спорах, протестах о форме церковной одежды, правилах поведения, обрядах, ограничениях и проч. – одна и та же нота. Очень светлая и радостная притом. Именно: ЧЕЛОВЕК ИДЕТ В ЦЕРКОВЬ К БОГУ. К тому Богу, про Которого он слышал и читал, что Тот есть Любовь. Которому – ВЕРИТ! Уже верит и живет с Ним и в Нем этой своей маленькой верой: Бог – есть, Он – любит. Меня.

Ведь прислушайтесь, все время звучит вот это: «А Богу не все равно, как я выгляжу?»

Что стоит за этим вопросом? Мы спешим проскочить его, мол, Богу-то все равно, а нам... а положено... а написано...

Положено и написано, верно. И все ясно, вроде, что и почему. А человек – бунтует. Не желает понимать, не желает смиряться – вплоть до ухода из храма... Отчего? Гордость? Непослушный? Плохо воспитан? Совести нет? Бяка, короче, да и все...

А происходит очень простая и печальная вещь: человек шел к Богу. И ждал, искал, жаждал – любви. Того, чтобы приняли и полюбили таким, какой он есть, без прикрас. Ведь он слышал, читал, верил, что Церковь, храм – это не офис, где «по одежке встречают». Он шел к Богу, Который любит всех и вся, читает в душах помимо внешнего, прощает и – ПРИНИМАЕТ ТАКИМ, КАК ЕСТЬ. И этого – ! – ждал человек и от нас, тех, кто стоит в храме, кто с Богом немножко на «ты» уже, так уж наверное немножко проникся этой самой любовью...

А что видит? Самое страшное: что тут все – как везде. Тот же офис. Только в офисе надо костюм стильный и косметику на уровне, а тут – платок, юбку и никакой косметики. А суть?

К чему я это все пишу? К тому, что не все так просто. Неизвестно, что в душе у девушки, которая старательно делает все, как положено: искренне ли она стремится быть послушной дочерью Церкви или надеется спастись «правильным» исполнением всех предписаний, будучи душой далека от Бога (знаем, чего скрывать – всякое бывает).

Но вот та угрюмая дивчина в уголке храма (а то и посередине – не знает, куда пройти, так и осталась), без платка, в джинсах, с крашеными губами и руками разве не в карманах, хоть бы перекрестились раз – она что тут делает? Так и тянет подойти и «вразумить». Остановимся на минутку. Спросим себя: а что тут делаем мы? И так ли уж наш собственный вид угоден Господу? Ведь, по большому счету, и мы часто «в джинсах» обретаемся. И добро бы этот срам наш только Господь Бог видел. А та «краля» сейчас и здесь ВСТРЕТИЛА ГОСПОДА. Стоит ли мешать встрече? Не лучше ли встать (мысленно) рядом с ней и помолиться? И за себя, и за нее. И попросить заодно, чтоб Господь вразумил ее САМ, как ей приходить к Нему в дом и почему. Может, это вразумление и через нас произойдет – как знать. Главное, чтоб оно было – от Бога. А не от нашей ревно-

сти к порядку и прочим вещам, мало к делу относящимся.

А тем, кого мучает вопрос джинсов, платков, косметики и проч., мучает до такой степени, что - "или в джинсах или - вообще не пойду" - рискну сказать (Господи, помилуй!) - смею идти в джинсах. Господь зовет к Себе - значит, надо идти. А там - видно будет.

Прошу прощения за проповедь.

**Храни всех вас (и меня) Господь Бог.
С уважением, Светлана.**

Уважаемая Светлана!

С большим волнением и большой радостью читал Ваше письмо. С волнением, потому что Вы заставили меня по-новому посмотреть на какие-то вопросы, с радостью - потому что Вам не все равно, Вас задела, застронула эта тема.

Вы знаете, сначала я думал (по вредной журналистской привычке), что бы такое Вам возразить, ведь Ваше письмо как бы поставило под сомнение мои размышления. Потом понял, что возразить не могу. Во-первых, не хочется. Во-вторых, не хочется потому, что мы, собственно, говорим (и с Вами, и с автором первого письма) практически об одном и том же, просто берем разные аспекты проблемы.

Мне кажется, что Ваш отклик, на самом деле, продолжает тему, поднятую г-ном (г-жой) Н. Ведь пафос этого письма как раз не в обычном вопросе, а в том, о чем говорите - пусть другими словами - и Вы: что нередко за правильной одеждой, правильным поведением, правильными внешними действиями в храме ничего не стоит. Нет живого чувства Бога, нет ощущения прихода ко Христу, изменения жизни. При этом случается и так, что раскрашенная девушка в джинсах, войдя в храм, реально встречает там Христа. И нам, правильно одетым, стоит, как Вы справедливо пишете, не бросаться тут же с поучением и порицанием, а встать рядом с тихой молитвой - о себе и обо всех нас.

Конечно, храм Божий - это не офис, в котором нужно быть правильно одетым. Я проводил аналогию с другими профессиями, со спецодеждой: как любая аналогия, эта в чем-то ущербна. Однако, как мне кажется, вполне уместна. Ведь и в офисе хорошим работнику делает не его дорогой костюм, а профессиональные навыки.

Иными словами, основная мысль моего ответа заключалась в том, что нельзя ни переоценивать, ни недооценивать значение внешних вещей. Не хотел бы повторяться, но одну мысль, которая еще не звучала, позволю себе высказать. В жизни бывают разные ситуации. Люди по разным причинам приходят впервые в храм. Те, кто уже находятся в храме, по отношению ко всем, всем без исключения, вновь пришедшим должны проявлять любовь, терпение и такт. Иначе, действительно, храм превратится из Дома Божьего в собрание фарисеев-формалистов.

При этом, как мне кажется, стоит разделять конкретные случаи первого или первых приходов человека в церковь и то, что можно назвать общецерковной практикой. Конечно, Церковь - не партия и не просто организация, конечно, храм - не офис. Но тогда тем более мы должны быть внимательны к себе как внутри, так и снаружи. В человеке тело не живет отдельно от души. То, что человек делает со своим телом, не может не влиять на его душевное устройство. Конечно, бывают ситуации, когда человек искренне молится лежа. И эта его молитва может быть много раз сильнее, чем многочасовое стояние, ночное бдение и тысячи поклонов. Сильнее, потому что ближе к Богу. Такие случаи бывают. Но вряд ли из них можно и нужно выводить правило. Напротив, некая внешняя дисциплина молитвы не есть результат формализации обращения к Творцу, но многовековой опыт настоящих молитвенников.

Похожая ситуация, на мой взгляд, и в случае с одеждой.

В заключение, обращаясь уже ко всем нашим читателям, хотел бы подчеркнуть главное: вряд ли для решения вопроса, который мы затронули, существует какая-то схема. Именно поэтому, на мой взгляд, каждый из тех, кто высказался, по-своему прав. Просто в жизни бывают разные ситуации, разные люди. Господь же дает нам сердце и разум для того, чтобы мы учились ими пользоваться, учились любить Бога и ближнего, учились размышлять и не делать поспешных суждений, не впадать в ревность не по разуму, которая может выражаться как в фарисейской гордыне по поводу внешнего, так и в духовном обольщении своим богатым внутренним миром.

**С искренним уважением ко всем
и надеждой на понимание,
Владимир ЛЕГОЙДА**

Вернуться к Нему

Меня попросили недавно: «Расскажи, как ты пришла к Богу». Сразу же стало стыдно, я стала оправдываться и говорить, что нельзя так сказать, что ты «пришел к Богу», мы все только в пути, и неизвестно, что будет в конце нашего пути и т. п.

А потом я подумала, что ищущие истину люди действительно могут рассказать про свои поиски, про путь к вере, про приход ко Христу. А я могу сказать, что моя жизнь - это уход от Христа. Один такой сплошной уход. Не в том смысле, что я все время грешу, а в том, что в детстве я понимала христианство, оно было родным, близким, но с годами христианство все больше от меня отдалось и стало чужим и неестественным. Наверное, я дошла до какого-то предела отчуждения и уже пора возвращаться обратно.

В детстве все было просто: на нательном крестике изображен Человек, Которого распяли. Это Бог. Ему было очень-очень больно, это самая страшная боль на свете, когда в живые руки вбивают гвозди. Прибили Его к кресту очень давно, а теперь Бог на небе. Мне не казалось невозможным, что Он - везде. Мучаясь от непонимания, от того, что всегда всем приходится все объяснять - до бесконечности - и все равно - до конца, до последней капли не поймет никто, мучаясь так и вздыхая: «Вот был бы такой друг, который понимал бы меня без слов и оправданий...» - я вдруг почувствовала, что такой друг - это Бог. «Ведь Он же всегда нас видит и знает про нас все. Ему ничего не надо объяснять». Это была очень сладкая и радостная

мысль. Даже не мысль «от головы», а чувство от сердца, из глубины: «Он все-все про нас знает. Он все поймет».

Не помню, долго ли я с этим чувством прожила. Может быть, совсем ничего...

Наверное, это все было еще до школы или в младших классах - в школьном возрасте я перестала верить. Не только в Бога, а вообще во все - в людей, в жизнь, в целесообразность существования. Все кругом врали (никого в этом не виню).

Настоящая жизнь была на свободе, где нет рамок, где нет никакой формы. Туда мы и стремились от пустоты - из семей, из школы.

Душа знала, что совершила предательство - но как, когда это произошло - непонятно. Уже в 13 лет, успев отказаться от искренней веры, я снова хотела ее найти. Но, «омрачившись умом в житейских страстях», душа одновременно с желанием найти - противилась этому.

Мы ездили в Оптину пустынь - сами не зная зачем. Наверное, чувствовали, что там правда, мы верили в Оптину пустынь.

Но это были временные вспышки.

Заходили в московские храмы (после тусовки), молились. Хотели быть православными... Гуляли, курили, выпивали в подъездах.

Однажды на бульваре подошел священник: «Дети, дорогие, зачем же вы курите...» Священник... настоящий... добрый... Но он ушел. А жизнь так и катилась дальше по подворотням.

Приход-то в храм все-таки состоялся. Но не приход ко Христу. Было желание измениться, слезы, эмоции, исповедь. Жизнь пошла дальше - не по подворотням уже, а в храме, вселично, все как у людей. Благочестиво.

Такой короткий момент возвращения: после разлуки входишь в храм и чувствуешь себя настоящим блудным сыном, которого встретил Отец.

Ну а потом начинаешь жить в доме Отца, в Церкви. И незаметно становишься фарисеем. Потому что все найдено, теперь должен быть личный подвиг жизни, на глубоком уровне, а глубины не хватает, тяжело жить по любви, - вот и цепляешься за внешние предписания.

И ты в храме - но еще дальше от Христа, чем в то время, когда шатался по улицам и жаждал встречи с Ним, Его прощения, Его милости.

Когда я была вне Церкви - искала, стремилась, а потом неправильно поняла "церковную" жизнь. Не было усилия. Потому что не было живого Бога. Не верила я, что Он рядом, и не любила Его.

Я не могу так чувствовать и верить, как в детстве. Насильно не внушишь этого.

Помню ту веру, и так хочется по-настоящему к Нему вернуться. Не знаю, хватит ли теперь на это всей оставшейся жизни.

Зоя

Я вспоминала войну

Вчера вечером я пыталась рассказать своей 8-летней дочери, как во время войны моя бабушка спасла жизнь моему дедушке, и только поэтому у них смогла родиться третья дочь - моя мама, а потом и мы; как другой мой дедушка погиб где-то под Ленинградом в 1941-м, так и не узнав, что у него родился сын - мой папа; как мальчишки в 16-17 лет уже осознавали себя мужчинами и шли на фронт; как дети на крылах домов гасили фугасы, а другие дети вместе с матерями рыли окопы под Москвой; что такое "сын полка" и что такое "сирота".

Как рассказать ребенку, кто такие Гитлер и Сталин и почему началась война? Как рассказать всю нашу историю разом, когда дочь лишь смутно понимает, что были и другие времена? Что были какие-то коммунисты, которые раньше были большевиками, которые зачем-то устроили революцию, убили царя, разорили храмы и крестьян, а потом долго не могли победить какого-то Гитлера, который возомнил себя "пупом земли". Зачем? Почему? Этого я так и не смогла объяснить.

Но я пыталась рассказать, как, в то же самое время непонятных коммунистов, люди любили свою страну, свой народ, свою землю, как сражались "до последней капли крови" и "жизнь полагали за други своя", как жертвовали собою одним, чтобы спасти многих. Что были и Матросов, и Гастелло, чьи имена сейчас почти неприлично упоминать. Как матери благословляли сыновей на фронт, даже не подозревая в безверные времена, что подражают Богородице, благословившей Сына Своего на Крест. На то они и взрастили сыновей, чтобы отдать на Служение. Как объяснить ребенку, что нужно любить свою Родину?! Как

это - любить Родину? Она же не человек. За что любить? Мы просто здесь живем.

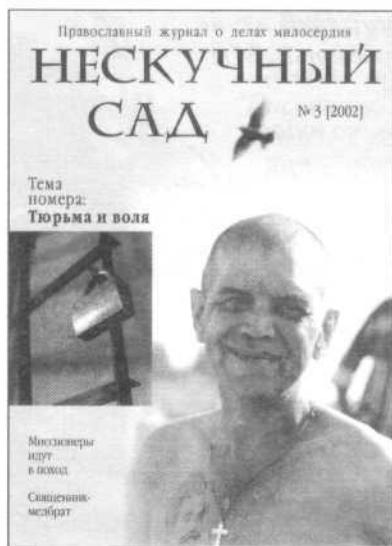
Я вроде бы еще молодая, но успела вырасти при Брежневе, повзросльть при Горбачеве, а поумнеть при Ельцине. При этом мое отношение к Родине не трансформировалось в пре-небрежительно-брехливое "бежать отсюда надо", а плавно переросло из "моей Советской Родины" в "Русь Святую". Мне было четыре с половиной года, когда я впервые смотрела фильм "Семнадцать мгновений весны". Я до сих пор помню отчетливо острое чувство влюбленности в Штирлица. Мне не нужно было объяснять, что такое война. И теперь, когда я смотрю на моего трехлетнего сына, я думаю, как бы не упустить момент, когда ему уже будет пора смотреть "Александра Невского" и "А зори здесь тихие", а не "Терминатор". Не упустить момент, пока в его глазах еще видно Небо.

А разговор про войну у нас с дочерью начался со слез. Она никак не могла понять, почему я плачу, когда смотрю в новостях, как натовская авиация бомбит Сербию. Может у меня нервная система слабая? Я могу вытерпеть боль, а вот смотреть старые кадры про День Победы без слез не могу.

Я ехала в автобусе, вспоминала все это и изо всех сил старалась снова не разреветься от невысказанных мыслей, от бессилия все сразу объяснить, а главное, от бессилия передать ребенку чувство: как это - любить Родину.

Екатерина Пузанова

Новые лица в “Нескучном саду”

В храмах Москвы и магазинах православной литературы появился третий номер журнала о делах милосердия “Нескучный сад”.

Тема номера - ТЮРЬМА И ВОЛЯ.

Читайте в номере:

Что такое церковная община в колонии?

Рассказ священника, окормляющего три большие зоны.

Как помочь заключенным

Прот. Дмитрий СМИРНОВ - о том, что может сделать Церковь для тех, кто находится в заключении, а руководитель группы поддержки заключенных Н.И. ПОНОМАРЕВА - о правилах духовной переписки.

Может ли заключение исправить человека?

Взгляд изнутри: интервью с начальником НИИ уголовно-исполнительной системы Минюста РФ, профессором, полковником внутренней службы А.В. БУДАНОВЫМ.

А также

Иллюстрированная история миссионерских походов

Миссионерский маршрут: Якутия, поселения поморов, северные реки, марийские деревни, поселки лесозаготовителей, Полярный круг... продолжение следует

Послушание: кого и в чем нужно слушаться?

Как можно объяснить современному человеку смысл послушания?

На наши вопросы отвечает ректор Свято-Тихоновского Богословского Института прот. Владимир ВОРОБЬЕВ.

Православная картина мира в “советских” мультфильмах

Детский психолог и арт-педагог И.Я. МЕДВЕДЕВА - о том, чем старые российские мультфильмы отличаются от западных.

Необычный медбрать: православный священник в американской больнице

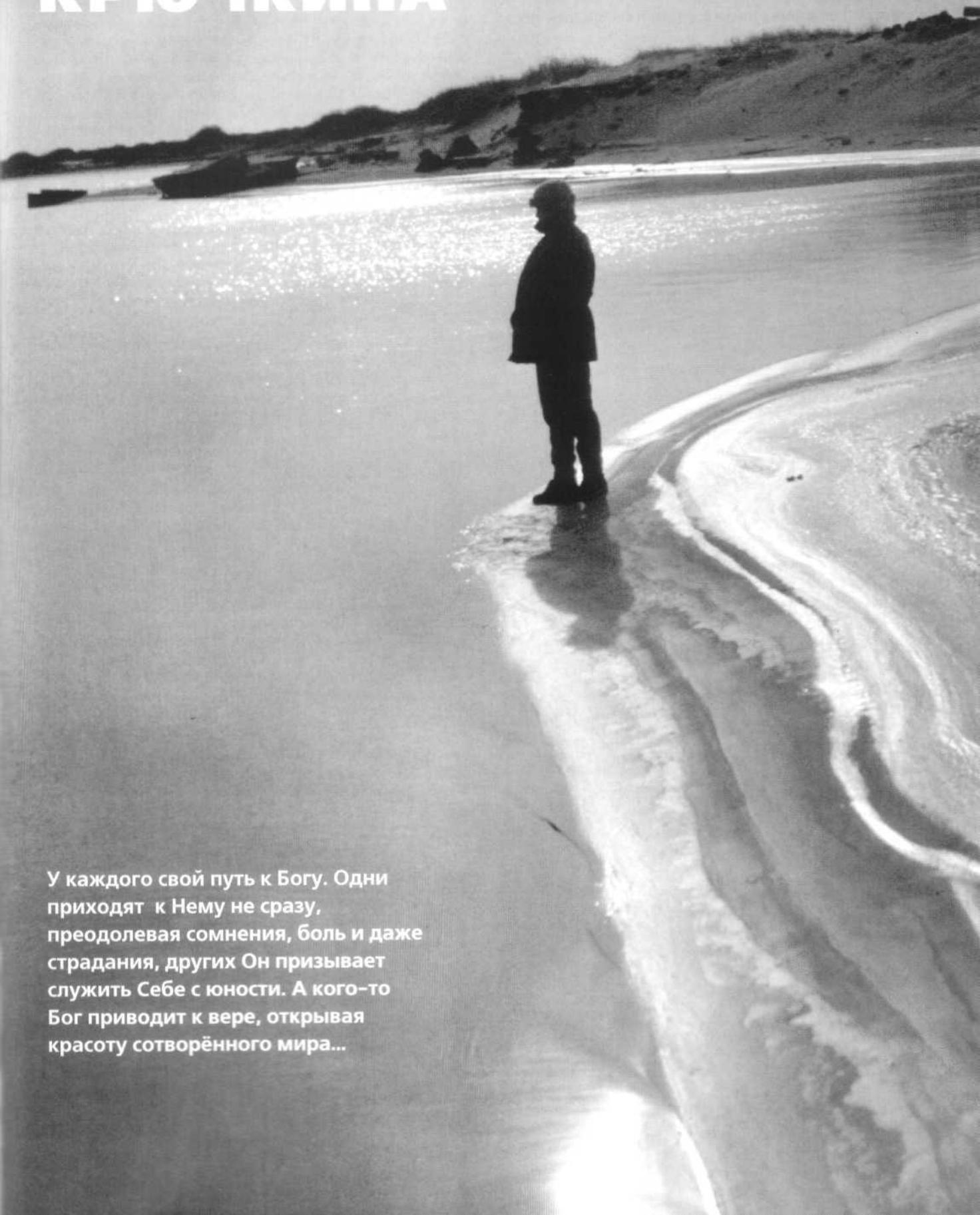
Интервью с о. Джоном Худиком (г. Брадентон, штат Флорида), медбратьем онкологического отделения госпиталя г. Сарасота.

И многое другое: человеческие судьбы, архивные материалы, дневниковые заметки, события, начинания, опыт...

Спрашивайте в магазинах!

По вопросам распространения журнала обращайтесь по тел. 246-74-92.

СЧАСТЬЕ ВЛАДИМИРА КРЮЧКИНА

У каждого свой путь к Богу. Одни приходят к Нему не сразу, преодолевая сомнения, боль и даже страдания, других Он призывает служить Себе с юности. А кого-то Бог приводит к вере, открывая красоту сотворённого мира...

Профессиональный кинорежиссер- оператор Владимир Васильевич Крючков относится к последним. Своему любимому делу - созданию фильмов о жизни в экстремальных условиях - он посвятил без малого 26 лет. Его документальные киноленты неоднократно удостаивались высокой оценки и наград не только российского, но и международного жюри. За спиной Владимира Крючкова десятки экспедиций и ни одного "отпуска на пляже". Все свое законное время отдыха Владимир Васильевич посвящал новым экспедициям.

Как многие из нас, он родился в семье атеистов. Но подсознательно отстранялся от господствующей идеологии. И когда сразу после окончания ВГИКа ему поручили снимать фильмы о Ленине, Владимир не смог найти в своей душе созвучие с этой темой и ушел в отдел гео- и этнографических экспедиций.

Он крестился в 35 лет, но лишь потому, что хотел обвенчаться со своей женой. Вспоминая о своем пути к православной вере, он говорит, что не сам шел к Богу, а как будто бы кто-то вел его к Нему. Наверное оттого, что душа художника наиболее восприимчива к красоте и гармонии окружающего мира, в горах, песках или под арктическим льдом, - Владимир всегда старался запечатлеть их в своих документальных картинах. Будь это необычное северное сияние в виде бегущего по небу малинового столба... Или мираж- огромный айсберг, изображение которого осталось на фотопленке...

Молодого кинооператора изумляло, что при увеличении температуры воды всего на три десятых градуса под арктическим льдом вдруг ожидало множество разнообразных микроорганизмов, о чьем существовании здесь никто и не подозревал. Почему в ледяной воде живут светящиеся грибневики? Зачем сюда, в эти мерзлые воды, прилетают пурпурные полярные воробы? Чтобы питаться ожившими на короткое время букашками? Разве они не могут найти пищу где-то еще? Зачем сюда приходят белые медведи, а за ними и пингвины, ведь за 500 км от этих мест к югу гораздо больше пищи?

На Северном полюсе происходили случаи, которым очень трудно найти какое-то логическое объяснение, но они оставляют в памяти неизгладимый след. Владимир Крючков рассказывает.

"Эта история произошла с одним из начальников дрейфующей полярной станции "Северный полюс - 23" Василием Сидоровым. Я был одним из участников этого полугодового дрейфа и стал свидетелем рассказа полярника.

Однажды, решив поохотиться на нерпу, Василий Сидоров, прихватив карабин, отправился в тороны, на ходу высматривая ледовые поля. Наконец охотнику повезло. Он увидел одну нерпу, греющуюся на солнышке, и стал осторожно подкрадываться к ней, прячась за торосами. Нерпа - очень пугливое животное, и Сидорову приходилось несколько раз затаиваться и почти не дышать. Наконец, осталось метров сорок, можно было стрелять. Василий осторожно встал за торосом, поднял карабин, прицелился и вдруг услышал, как его окликнули. Причем, Сидоров уверен, что это был голос его матери и обознаться он не мог. Охотник мгновенно обернулся и увидел перед собой огромного белого медведя, уже привставшего на задние лапы. Выстрелил не целясь и убил зверя наповал. Василий до сих пор уверен, что от смерти его спасла собственная мать."

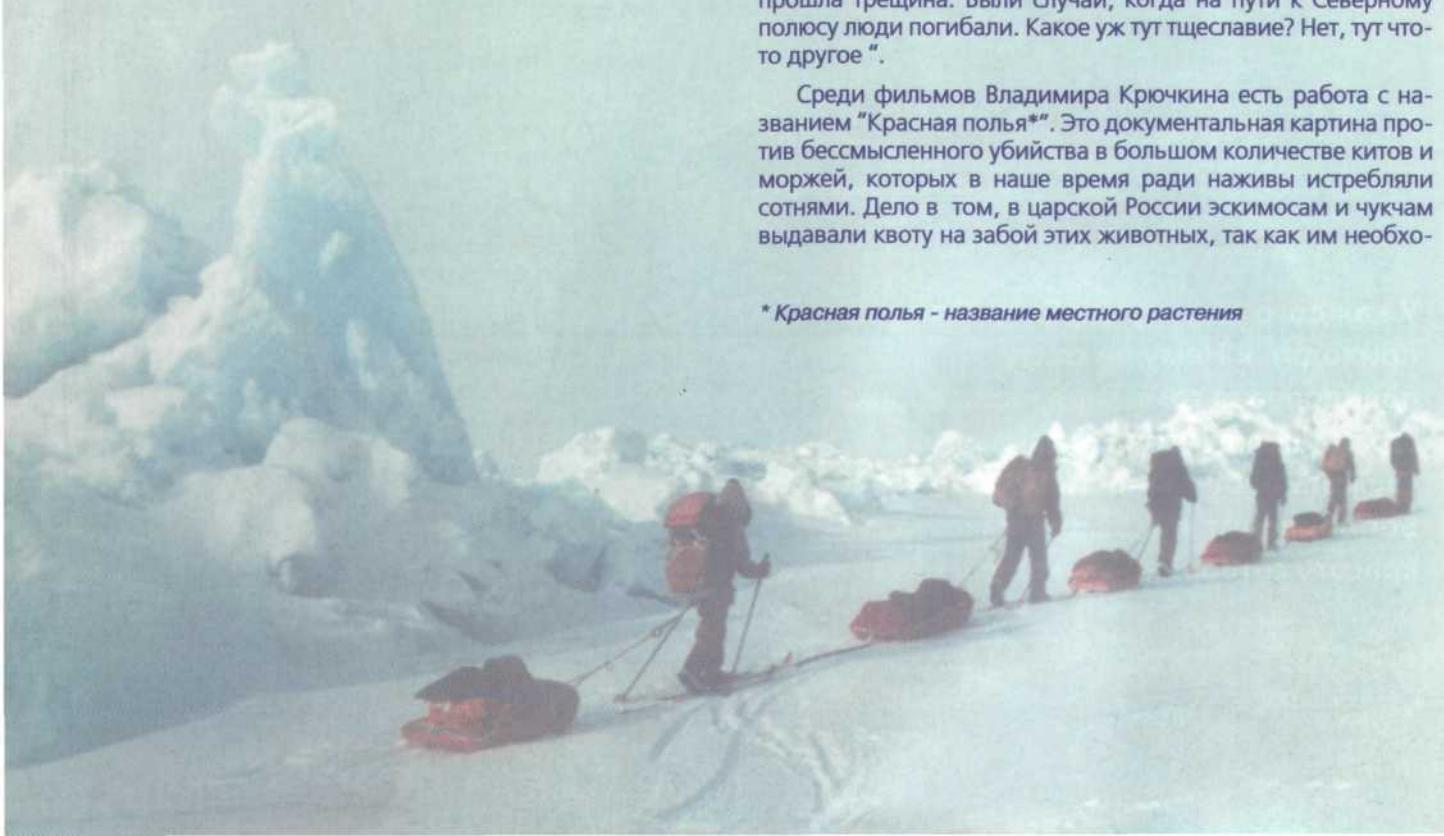
Во время нашего разговора меня мучил вопрос, который я не мог не задать Владимиру Васильевичу. Почему люди пытаются себя на пределе человеческих возможностей, отправляясь на Северный полюс, покоряя вершины Эвереста или Килиманджаро, уходя в кругосветку на яхте или участвуя в многодневной гонке на собачьих упряжках?

"Стремление души к очищению бывает настолько сильным, - ответил мой собеседник, - что человек способен даже бросить работу и сменить образ жизни (как, например, известный путешественник Владимир Чуков, который был полковником танковых войск Генштаба СССР и ни в чем не нуждался). Кому-то может показаться, что человек просто сошел с ума. Потому что ничем иным его поступок объяснить нельзя. Но мне кажется, что дело здесь в другом. В тех же дневниках Владимира Чукова я нашел такую запись: "Я человек не набожный, но на полюсе становлюсь другим, потому что Северный полюс для меня - святое место".

Кто-то может подумать, что эти путешественники утоляют свое честолюбие и тщеславие. Но возможно ли такое объяснение, если кто-то из них на полюсе отморозил себе пальцы на ногах, у кого-то кожа с лица клочьями сходила. Не говоря уж о том, что, находясь в постоянном холода, под ветром таща за собой сани в 130 кг веса, им неоднократно приходилось просыпаться среди ночи, так как под палаткой прошла трещина. Были случаи, когда на пути к Северному полюсу люди погибали. Какое уж тут тщеславие? Нет, тут что-то другое".

Среди фильмов Владимира Крючкова есть работа с названием "Красная полья*". Это документальная картина против бессмысленного убийства в большом количестве китов и моржей, которых в наше время ради наживы истребляли сотнями. Дело в том, в царской России эскимосам и чукчам выдавали квоту на забой этих животных, так как им необхо-

* Красная полья - название местного растения

димо питаться их мясом. А советская власть понастроила по всей Чукотке ферм, и песцов стали кормить мясом серых китов. Раньше чукам хватало десятка животных, а теперь понадобились сотни. Ведь пушнину за валюту продавали за рубеж. И если поначалу Крючкина волновал только сам факт варварского истребления ни в чем неповинных животных, то сейчас к этому прибавилось понимание ответственности, которую несет человек перед Богом за свою жестокость и разрушение не им с сотворенного мира.

Я поинтересовался у Владимира Васильевича, можем ли мы делать фильмы, по-добные "Живой природе", транслируемые по телевидению компанией CNN. "Мы можем делать лучше, - улыбнулся он, - денег только нет".

И пока что приходится довольствоваться тем, что возможно, снимать реже и решать задачи, связанные с другими увлечениями. В частности, в настоящее время Владимир Васильевич и еще несколько фотографов решили создать журнал православной фотографии. Его планируется распространять не только по российским, но и по зарубежным православным епархиям.

Когда мы уже прощались, мне пришла в голову мысль - наконец-то я встретил по-настоящему счастливого человека. Еще бы - объехать полмира, пережить столько приключений и впечатлений, а главное - всю жизнь заниматься любимым делом.

А вот что по этому поводу думает сам Крючкин: "Можно всю жизнь ездить по миру, увидеть множество красот и чудес света и не быть счастливым. Но в конце жизни один-единственный день может принести настоящее счастье. Это день, когда вы почувствуете, что прощены Богом, несмотря на все свои грехи. Вот о каком счастье я мечтаю".

Алексей РЕУТСКИЙ.

ВНИМАНИЕ: ДЕТСКИЙ КОНКУРС

В связи с празднованием в марте 2003 года 125-й годовщины освобождения Болгарии от османского ига Некоммерческий фонд поддержки ветеранов и патриотического воспитания молодежи "Связь поколений" совместно с общественной организацией "Союз друзей Болгарии" объявляют конкурс под девизом "Любовь моя, Болгария" (для российских детей) и "Любовь моя, Россия" (для болгарских детей).

На конкурс принимаются стихи и короткие рассказы, в которых отражен девиз конкурса, присланные по указанным ниже адресам до 15 ноября 2002 года.

Для болгарских детей: Республика Болгария, г. София 1504, ул. Шипка, д. 34, Российский культурно-информационный центр. На конкурс "Любовь моя, Россия".

Для российских детей: Российская Федерация, 113035, г. Москва, ул. Пятницкая, д.14, стр.1, НФ "Связь поколений". На конкурс "Любовь моя, Болгария".

Предварительные итоги конкурса будут подведены 10 декабря 2002 года - в День памяти исторической битвы при Плевне.

Победители и участники конкурса будут приглашены в Москву для участия в торжественной церемонии награждения, которая состоится в марте 2003 года.

Проезд и проживание в Москве приглашенных победителей и лауреатов, а также сопровождающих лиц оплачивается НФ "Связь поколений".

Дополнительную информацию можно получить по телефонам:

(095) 230-32-69 (НФ "Связь поколений")

(095) 290-65-73 ("Союз друзей Болгарии")

“ФОМА”

**православный журнал для
сомневающихся**

Для тех, кто искренне хочет разобраться и получить ответ на вопросы о смысле жизни, о необходимости и месте в ней веры, но не уверен или не понимает, зачем для этого нужно идти в Церковь.

Наш журнал адресован тем, кому не все равно, зачем мы живем и умираем, кто хочет понять смысл двухтысячелетней церковной традиции.

“Фома” не ставит своей целью просвещение “темных” и обращение “заблудших” - мы просто хотим искренне и открыто говорить о вере, любви, радости и боли.

И может быть, если все мы сохраним эту искренность и жажду понять, истина явится нам... Как когда-то давно сам Христос явился измученному Фоме.

Чтобы тот, наконец, поверил...

Редакция журнала «Фома» благодарит за помощь в выпуске этого номера журнала:

Протоиерея Владимира Соловьева

Протоиерея Аркадия Шатова

Андрея Викторовича Крысина, президента Европейского Трастового Банка,

Марину Андреевну Журинскую,

Игоря Владимировича Мещана.

Также просим помолиться о рабах Божних Дмитрии, Игоре, Феодоре, Андрее, Алевтине, без помощи которых выпуск этого номера был бы невозможен.